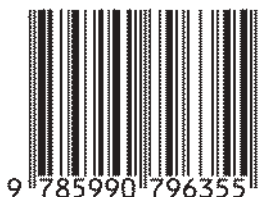

ISBN 978-5-9907963-5-5

9 785990 796355

КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

КРЫМСКОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

"КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ"

СБОРНИК

Симферополь
«Таврида»
2016

ББК 84.2 (2Крым=Рус)
К 852

Одобрено Издательским советом, выпущено при поддержке Министерства внутренней политики, информации и связи Республики Крым за счет средств бюджета Республики Крым.

Книга выпущена по итогам творческого литературного конкурса Министерством внутренней политики и информации Республики Крым, при содействии редакции газеты «Московский комсомолец» и Межнациоанального Союза писателей Крыма.

К 852 КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ. Сборник.
Составитель В. Демченко. Издательство ГУП РК «Издательство и типография «Таврида». Симферополь, 2016 г. - 258 с.
ISBN 978-5-9907963-5-5

ББК 84.2 (2Крым=Рус)

ISBN 978-5-9907963-5-5

© Составитель
Демченко В.
© ГУП РК «Издательство и
типография «Таврида»

"КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ"

От составителя

"Книга, лежащая перед вами..." — ужас, кажется, более тривиальной фразы, более расхожего штампа, предваряющего всякого рода литературный сборник, и придумать нельзя.

Тем более, что вполне вероятно, "книга" лежит сейчас не перед вами, а перед вашей кошкой — она, "книга", пахнет вареными рачками и потому она ей куда интересней, или "книга" лежит на парапете балкона с видом на море или, вообще, забытая, валяется под пляжным шезлонгом. Почему? Потому что, скорее всего, вы читаете её в Крыму. И купили её, наверняка, здесь же в Крыму, и издана она тут же. И, скажу больше, — она тут и задумана, и родилась в результате проведённого в Крыму литературного конкурса для начинающих авторов авантюрного жанра (от французского "aventure" — приключение). Конкурса под названием: "Крымское приключение"

Необходимое уточнение:

Как это водится со заимствованиями из других языков, "авантюрный" жанр имеет более обобщающее значение, чем просто — приключение. В нём всё необыкновенное, что может приключиться с человеком в обычной жизни, или чего в ней не может быть вовсе. Оглядываясь на старика Даля, более точным определением были бы: "были и небылицы", истории о невероятных событиях. И поэтому на страницах нашего сборника свободно себя чувствуют герои и призраки прошлого, выходцы из дальних космических и ближних, но потусторонних, миров, воображаемые друзья, враги и, конечно, авантюристы, как в обыденном, так и в похвальном смысле этого слова.

Собственно, эти параметры и были единственными ограничениями для участников конкурса. Первое, — чтоб никакого "реализма", ни-ни! Второе, — чтобы авторы были "начинающие" и, соответственно, сравнительно молодые — до сорока пяти лет, те, кто и так уверенней чувствует себя в unreal "3D"

и "4G", чем в нашей "юдоли скорбей". И, чтобы — третье: обязательно их приключения приключались у нас, в Крыму.

А где же ещё?

Кто станет спорить, что эта дивная и загадочная, по-своему фантастическая страна — самая подходящая сцена для приключений самого разного рода. Да-да, поправка: "и самого разного жанра!" — принимается и принимается охотно. Так что наш благодарный читатель (а я и его кошку имею в виду) найдёт тут приключения в жанрах от "исторических" до "мистического детектива", от фэндомов компьютерных игр до игр большого воображения, — и, конечно же, не минуя откровенную фантастику. Главное, чтоб интересно, интригующе, если угодно — пугающе. И второе "главное" — чтобы всё случалось, происходило, творилось в этой стране. В по-своему "странной" стране, стране без границ: в Крыму.

Я не про море и не про карты, я про другие границы. Взгляните, у этой страны — Крым, — и впрямь нет границ. Ни во времени — настолько она древняя, ни географических — настолько разнообразны её ландшафты. Нет границ и вдохновению, которое вызывают его красоты, древности и неисчерпаемые загадки.

Так что, воистину...

"Страна без границ"

Пожалуй, опираясь на это выражение, как на некий логотип, мы и станем делить рассказы сборника не столько даже по жанру, сколько по характеру, — то есть, в терминах, более знакомых современному, не побоюсь этого слова, "прогрессивному" читателю. Тут будут и "попаданцы", и проходимцы из "авантюры", и "hoghog" из "городской легенды" (а что вы думаете, у нас только древние имеются?). А тут, вообще, фантастика на грани остросоциальной.

Впрочем, для преамбулы мы уже явно исчерпали кредит читательского терпения. Так что, начнём.

«Крым — страна без границ»...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— безграничность мечты.

Фэнтези и фантастика:

PS. Да, забыл предупредить — обращайтесь внимание на пометки после фамилий авторов: кто лауреат конкурса, кто, просто поучаствовав, был удостоен публикации, а кто и вовсе числится "вне конкурса" (в начале или конце почти каждой главы мы запускаем вполне состоявшихся крымских писателей). Ну, да никто и не скрывает, — для подстраховки начинающих и для соблазна читающих. Так что, просим, обращайтесь внимание на пометки, обращайтесь ... — ей-Богу, авторам, особенно начинающим, это будет приятно.

Ну вот, придётся повториться ещё раз:

КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Крым — страна без границ...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— безграничность мечты, фентэзи и фантастика

ПРОРЫВ В ГЕНИИ

СЕРГЕЙ САВИНОВ

г. Симферополь

(крымский писатель, вне конкурса)

У Жоры Юкиса был знаменательный день. Жора окончательно и бесповоротно решил: он — гений. Намедни он избрал ботинки для ходьбы по горам с гекконовыми присосками, но, на всякий случай, дабы получить Шнобелевскую премию, разработал модернизацию своего изобретения — на осминожьих щупальцах. И понял, что действует в правильном ключе — создавая "вещь в себе", вне быта и жизненных польз.

Жора Юкис жил на третьем этаже обычной симферопольской "хрущёвки". Для прикола, он выкрасил стены лестничного марша к своему этажу в чёрный цвет. Общую дверь подъезда предложил своему другу расписать под флаг Великобритании (что тот исполнил, невзирая на скандальный протест соседей). В комнате гения стены также были выкрашены в чёрный. Единственная картина была такой: золочёный багет оконтуривал пустоту, но к стене приклеен кленовый листик с надписью: "Ференц Л."

Жора некогда закончил мединститут. Только перспектива заделаться простым айболитом показалась слишком неудобоваримой и Юкис ринулся в живопись. Выдавливал на клавиши разбитого пианино масляные краски (палитра — по насыщенности — соответствовала музыкальной гамме), надевал белые перчатки и "мацал" по холсту, одновременно извлекая звуки из чудом сохранившихся струн. Картины, созданные столь необычным способом, он неоднократно выставлял как на персональных, так и на коллективных выставках местного Товарищества Оскорблённых Гениев. В 90-х Жора, опасаясь

бандитов, могущих посягнуть на его творения, увёз картины в Москву и "завис" там на десяток лет.

Нынешнее увлечение Жоры изобретательством, несомненно, было креативней "мацания" холстов. Впрочем, о зарботке он не забывал никогда. Однажды Резо по прозвищу "Резинка", во всякую эпоху завистливо глядящий снизу вверх на своего удачливого соседа, заказал к своим стихотворным текстам музыкальный фон; обошлось "Резинке" музоформление в кругленькую сумму.

Именно Резо возник на горизонте нашего креативщика, когда тот почувствовал апогей своей новой темы: внедрения лозунгов в элементы одежды.

— Жор, ты, что ль, кутюрье заделался?

— Примитивно мыслишь, "Резинка", — погрозил пальцем Юкис. — Полная фраза должна получиться, если человек в костюме моей разработки сядет в позе лотоса. Слова — на подошвах ботинок и животе. Некоторые фрагменты, впрочем, могут быть нанесены на голое тело...

— А у женщин — на оголённых сиськах?

— "Пуркуа бы и не па", — как сказал однажды Шарль Азнавур, увидев карты Армении и Франции на попке своей поклонницы.

В этот момент диалог друзей прервал звонок в дверь.

— Кто это к нам прибился? — приблизил глаз к дверному окуляру Юкис.

На пороге стояли две женщины. Одна — пожилая и смуглая, с бретелькой сведённых к подбородку губ, вторая — кровь с молоком, с ярко напозаженными губами и к тому же — вся в пунцовых одеждах.

— Так. Привет. Ты — проходи, а ты, Ленушка Жмудь, пошла!..

— Чтой-то грубо... — произнесла пунцовая гостья, заполняя собой прихожую. — Она-то всего и хотела...

— Мне её "бретельки" не нравятся, — отвечал хозяин частного владения. Разреши, "Резинка", представить тебе мою любовницу Заманилу Игоревну...

— Марину, между прочим...
— Замарину Игоревну Пампушкину.
— Пушилову. И я пришла по делу. Речь идёт о кукурузном поле за городом. Нужны сторожа...
— Так. Стоп. Я сегодня уже многое дивное воспринял...
— Там звезды ближе к моему нынешнему статусу! — весело воскликнула Марина. — А серьёзно — из тюрьмы бежал бандит Чёрт. Советую тебе сменить дислокацию.
— Хватит. Я понял. Да. Я брал у "крутых" деньги. Да, я покупал краски и холсты на их грязные рубли... Но они мои картины не по-лу-чи-ли! А теперь я — что! — должен бояться уголовника?.. Ну, ладно-ладно. Говори, где находится твоё поле с маисом...

Это был дачный участок — несколько соток земли — в трёх километрах за городом. Неказистая дощаная будочка размещалась на фундаменте предполагаемого капитального строения. Почти вплотную высилась поросль кукурузных стеблей в одежках листьев, увенчанных молочной спелости початками.

— Клекотиныч, выходи! — закричала Марина.

На зов из будочки с берданкой наперевес вышагнул взъерошенный, похожий на лешего мужичок.

— Вот эти двое согласны тебя подменять. Будете дежурить: сутки — через двое...

— Я, пардоньте, никакого обещания не давал, — поднял ладошки Резо.

— Ах ты, этюдная морда! — задохнулся гневом Юкис.

— Вот тебе ружьецо, — хрипло сказал Клекотиныч, прислоня берданку к деревянному строению. — Я — до магазина.

У него был шамотный нос сизого цвета и низко посаженные уши, похожие на небрежно вылепленные вареники.

— Я составлю вам компанию, — шаркнул ножкой Резо.

Некоторое время Жора бродил взад-вперед у края кукурузной поросли. В мозгу стали возникать музыкальные фрагменты... Вслед — толчея слов... В основном ералаш на основе медицинских терминов: "токсикоз — такси коз", "кара-карр-ваал-ролл", "эритроцэгла"...

Поток сей был прерван посторонними звуками. Клекотиныч и "Резинка" шли в обнимку с какой-то невероятной, раздавленной судьбой дамой в юбке из американского флага и подранной кацавейке.

— Поз-знакомься: Кулеврина Юльщенко.

— Моё вам, с кисточкой! — улыбнулась ртутной губой дама, обнажив во рту зияние патовой ситуации в финале упорного сражения гроссмейстеров.

— Выпей с нами, Жора! — сказал Резо, протягивая ему бутылку початого портвейна. — Выпей с горя и макушкой занюхни...

— Почему: с горя?

— Дак инцинт — ик! — дент тама случился... птички всякие... — сказал Клекотиныч.

— Археоптериксы винный ларёк обнесли! — перебил Резо. — Один учёный клонировал... клонианировал... в общем: тиражировал и каждого назвал именем великого деятеля... чаще — американских президентов...

— Я слышал эту историю, о превращении пьянчужки в птицу. — Юкис отхлебнул портвейна. — Только там фигурировал какой-то археолог...

— Ну — правильно! А потом — части тела... крылья там... попали к другому Вейсману-Менделю...

— Ладно, не страшно. Пусть пьяницы-птички летают, — сказал Юкис, возвращая бутылку вместе с берданкой Клекотинычу. — Я сейчас... отлучусь...

— Далёко дык не заходи! — рявкнул ему в затылок Клекотиныч. — Туды нам запрещено.

"О чём это он?" — подумал Юкис.

Сделав несколько шагов, понял. За кукурузными посадками темнели другие растения.

— Каннабис! Вот что они здесь выращивают!

Он погладил тёмно-зеленые перышки. Бережно пригнул и растёр шишечки. За спиной послышался треск.

— Я вас люблю, — произнесла Кулеврина.

— Подожди с любовью-морковью... У тебя папиросы есть?

— Курю исключительно "Беломор". Другим сортом не накуриваюсь.

На ладонях Жоры уже появился коричневый налет. Папироса мгновенно была разобрана и обрела "термоядерную" начинку.

— Пошли пыхнем!

Резо успел уже вздремнуть на бревнышке. Клекотиныч чистил берданку.

— Взорвём папироску? По хапушке.

— И чавой-то вам всё неймется? — проворчал сторож. Но к папироске приложился.

...Приходил толстогубый чёрный Дром с двумя ка-лебасами кокосовой водки, приходил Охалай-Махалай с выпитым в желудке, но с пустыми щупальцами, приходила огненно-рыжая Чупакабра с Конглоциусом Перцунапусом, киборгом (его экстерьер был скалькирован с древнего трицератопса), приходил Крутоглав Заглюмус, двуликий, неопределённой национальности, без паспорта, приходил ещё один бомж по прозвищу "Эритроцит", назвавшийся укрот бульбаноидного происхождения, приходил Зога Заплоцер, художник из Ялты, бывший боксёр с вышибленным глазом и съехавшим к левому уху носом, приходила Кисёна Сям-Ци с детенышем, — беженцы с планеты феррофагов (левее Цереры), спасаясь от осквернения и фактически спасшая ребенка (на этой планете девушек, незаконно зачавших, публично обливали каменным маслом и облизывали всем народом "желез-ноязыких", пока не случится выкидыш, приходило Нечто со слепым Учмокусом, возвращённым в желудке окаменелого кита под толщей льда, покрывающего планету По-цай, приходил Хопперблюх Ицатор, проворовавшийся квасорб с планеты Сита, что в созвездии Ориона, с тремя языками и единственным оком, приходил космический маугли Цобуйко, выпестованный хищными растениями на планете Эрцар, приходил композитор Северных сияний Мендрога Оплай Зги, приходили рыцари Юргеца фон Бердзипфельд с Рёдриком фон Цюрхоупером, павшие в Грюненвальдской битве и восставшие из праха волею ку-десника Тхорм Дю Орга (он также пришел) с незримой

планеты праведников Пуц-Ля-Бир, ставшей центром (штабом) Всегдашне-временной Глобации, приходили авантюристы Тха и Пта, выдающие себя за космических террористов, устроивших грандиозный взрыв на древнем материке Атлантида (они пытались выменять высыпанные из холщёвого мешка хрустальные черепа на горсточку марихуаны), приходили Луп с Буцогой и Дормидонтом Пей Шай-Бу — не сгоревшие в постоккупационный период в одном из козлятинских подполов при отступлении гитлеровцев, и кормившиеся припасами вплоть до сегодняшнего дня, пока их не отрыл ковш экскаватора...

— Итак, господа, — сказал Жора Юкис, — ещё одна папироска по кругу — и всё!

— Нам надо выбрать президента, — молвил Крутоглав Заглюмус, двуликий божок неопределённой национальности.

— Короля! — глотая дым, прокаркал рыцарь Рёдрик фон Цюрхоупер.

— На волю подлого случая такой важный процесс пузгать нельзя... — процедил Хопперблукс Ицатор.

— Если не бросать жребий, — размышляя вслух, сказал Юкис, — можно определиться по какой-нибудь книге. Например: кто первый найдёт пальцем глагол, если ненароком открыть... Ладно, давайте сыграем во что-нибудь... — Юкис чиркнул зажигалкой и поднёс пламя к шалашу из дров. — Есть игра: "комбинаторика". Берем какое-нибудь слово, скажем, "алименты". Расчленим... Лиман — налим — Милан — Алим — не мила — темы — менты.... Кто больше сделает, тот и станет главарём нашего сообщества.

— Президентом, — поправил Резо. — Только ты спроси на фарси. Одного ты не учёл: среди нас — инопланетяне.

— Ясно дело! — шевельнул бровями Клекотиныч. — Иностранцам такую заумность не одолеть. Лучше я вам, граждане, загадку загадаю.

— А может, выберем слепого Учмокуса? — тихо произнесло Нечто. — Как поводырь, могу заявить, что нам лучшего не подобрать.

— Этот ваш Учмокус — такой мудрый?

— Совсем даже наоборот. Но правителю не обязательно быть мудрым...

— Есть идея! — поднялся Резо. — Избрать президентом Жоржа Юкиса. Кто — за?

Руки и щупальца присутствующих взметнулись.

— Кто — против? Кто воздержался? Ага... Клекотиныч. Ну ладно. Жорж, поздравляю, ты стал нашим президентом.

— А что там, во Вселенной? — спросил новоиспеченный президент кудесника Тхорм-Дю-Орга.

— Шумит Вселенная, — отвечивал тот, с удовольствием грея пальцы над полыхающими ветками. — Множество солнц, множество планет, заселенных разумными и не очень... Вы верите в теорию перерождения душ?

— В реинкарнацию?

— Именно. На вашу планету стремится большинство покинувших тело, чтобы перевоплотиться. В очереди сюда... На Земле всё происходит интенсивнее, ярче. Различные индивидуумы сопрягаются по совершенно немислимым ходам...

— Вы имеете в виду заданность судьбы Всевышним?

— Разумеется. Но заданность не жёсткая. Многоветвисты ходы во Времени. От личных качеств — воли, таланта — зависит развитие его Времени. Наряду с упомянутым существуют параллельные миры... В Космосе достаточно много теневого галактик... А если учесть энтропию... Да. Сумеречное состояние сознания продолжает жить в душах покинувших инфернальные области Вселенной. Мрачный шлейф — отпечаток "отрицаловки" на этих несчастных душах... ОНИ воплощаются здесь, среди нас всё чаще, становясь кто — политиками, кто — деятелями различных социальных сфер... Наподобие ргути сбегаются в кучку, стремясь существовать плотно-серой, привычной ИМ массой.

— И деньгами большими ворочают...

— Именно. Как правило, ИХ идеология: раздавить, унижить, поработить, построить в шеренги, заставить на себя работать. Сильны ОНИ, впрочем, только в массе. А вот ярким,

талантливым, как вы, приходится выступать против "НА-ШИХ друзей" — увы — в одиночку.

— Вот сказанул! — зашевелился Резо. — Это Жора-то — светоч таланта? Не смешите!..

— Талант по-разному проявляется, юноша...

— Может, и зря вы нас подняли из земли, — подал голос рыцарь Юргец фон Бердзипфельд, — но приятно погреть косточки возле костра.

— Вселенский разум, он же Абсолют, наверное, смотрит на нас и удивляется, — подытожил кудесник Тхорм-Дю-Орг. — Но я уверен: мы милы Ему тем, хотя бы, что сидим вот так рядом и не убиваем друг друга.

Наутро Юкис с грустью ворошил уже остывший пепел, констатируя, что является президентом персон, бесследно исчезнувших (не считая, конечно, трёх земных собутыльников) с появлением солнечных лучей.

...И тут началось...

Как по волшебству... в небе закружились археоптериксы...

...Приходил Майлалызин — человек с тросточкой. В середине 90-х он "засветил" отксерокопированные 10 долларов в одном из "бутиков" и очнулся с пробитой головой в салгирной тине, приходил художник-сюрреалист Мухач, пишущий циклопов и наяд, приходила журналистка Базедова со светящимися бельмами и догом-поводырем, приходил Йося-книжник с громадным портфелем, набитым литературой "на продажу", приходили Вий с Хомой Брутом и панночкой, приходил капитан Тэнкеш с Наной Чебурданидзе, приходил Приход Попустилло и уходила Ломка Озноблевна с братцем Мандражом...

В это самое время слышались звуки резко тормозящего автомобиля. Из-за ограды поднялось смуглое узкое лицо Елены Жмудь. Следом надвинулась физиономия мужчины — багровая и синяя от шрамов и тотальной небритости.

— Вот он, скот! — искривив губы-"бретельки", взвизгнула женщина.

— Эй, кореш! Ты зря тут шифруешься... От меня не уйдёшь! — хрипло изрёк её спутник.

— Чёртушка... Я помню свой должок...

Юкис почувствовал впереди себя дыхание бездны.

— Срок тебе до завтра. Твоё счастье: у тебя есть хата. Короче, думай. Думай и плати!

— За всё надо платить, — ехидно прожужжала Жмудь.

Юкис обречённо опустил на бревнышко. Обхватил голову руками.

То, что потребовал Чёрт, до завтрашнего дня собрать было нереально.

— На вот, пыхни! — сказал Резо, протягивая "косяк".

...Юкис наблюдал за пущенными им же самим колечками, и ему всё это напоминало тугую петлю.

— Что призадумались, молодой человек? — шепнул ему кто-то на ухо. Это был кудесник Тхорм-Дю-Орг. — Вы же избранный нами президент, нельзя вам ронять лицо...

— Но что же делать?! Завтра уголовник вонзит в меня нож... или ещё что-то учинит... Нет выхода!..

— Выход есть. В данном случае нужно осознать: лично на вас должна поработать группа поддержки.

— Вы вправе внедряться в дела земные?

— Если пожелаете... позвольте, этот шаг допускается. Между тем... — кудесник нахмурил брови. — Ваше положение может резко осложниться.

— О чём вы?

— Тёмная женщина... Её донос в государственные органы. В вашей стране — запрет на выращивание каннабиса.

— Так вот, значит!.. Дрянь! Стало быть, оперативники объявятся... А если убежать? Не-ет... Чёрт всё равно разыщет...

— Не тревожьтесь, — кудесник Тхорм-Дю-Орг остановил поток эмоций землянина. — Я долгие годы изучал космические законы... Отчасти владею пространством и Временем.

— И — куда же мне!.. Разве... разве — на другой конец Вселенной...

— Есть варианты. Вместо участи оказаться перед смертоносным клинком или за решеткой, попробую вернуть вас... скажем,

во вчерашний день. А вашего преследователя, сбежавшего из мест заключения, вернуть обратно на середину его отсидки.

— Я согласен. Согласен! — закричал Жора Юкис.

— ...тем звёзды ближе к твоему нынешнему статусу! — весело воскликнула Марина Пушилова. — Жорж, не перебирай харчами.

— Мне это уже нравится... Итак: ты — платишь?

Словам Марины, готовым сорваться с ярко накрашенных губ, воспрепятствовал трубный голос ревущего в брачном позыве сивуча.

— Кто там?.. Хе-ге-ге! Снова — Ленушка Жмудь! Это уже чересчур...

Юкис в порыве гнева распахнул дверь, но тут же был грубо схвачен и извлечён из своей окрашенной в чёрное прихожей двумя здоровяками в белых халатах.

— Тебе в психушке самое место! — зашипело ему в спину. — Как разработчику всяких вредоносных изобретений. Флаг он английский — на общественную дверь!..

— Да, Марина, — успел из-за спин санитаров сказать Юкис, — стало быть, не ты, а я плачу. Гениальные идеи недёшево обходятся!..

...На дощаную крышу неказистой хибарки тяжело опустились один за другим два археоптерикса. У одного в лапке, на сочленении крыла, была зажата чекушка. Оперение было острым, медно-чешуйчатым. В узком клюве блестели мелкие рыбы зубы.

— Наливай, Буш, — сказал второй птицеалкаш, подставляя пластмассовый стаканчик.

— Будьмо, Буш!

Из сторожки, скрипнув дверью, выковылял Клекотиныч.

— Кто енто здесья разговариваить?..

Челюсть у старого сторожа отвисла, когда к нему сверху поступило предложение:

— Третьим — буш?

РОДИНА ДАВЛЕНИЯ

ИВАНОВ ЮРИЙ

Москва.

(участник и лауреат конкурса)

На земле сырой, да,
Сидели три сфероида...
Евгений Лукин.

Крым, мыс Фиолент, 1937-й год.

Товарищ нарком протёр фланелькой пенсне и неохотно водрузил его обратно на интернациональную переносицу. Ветер с моря овеивает свежестью натруженные глаза, дать бы им побольше отдыху, но не время теперь, не время! Не на отдых прилетела государственная комиссия в Крым, а для важного дела.

День выдался жарким, под стать огневым годам строительства светлого нового. Много удалось уже принести пользы Родине, но предстояло свершить ещё больше! Через пять лет начнётся пламенный поход на мировой империализм, поход нешуточный, а потому собираться в него требовалось загодя.

Три синих, пятиметровых в диаметре шара, тускло посверкивая на солнце, замерли на стартовой позиции на краю взгорья, нависающего над мысом. Три надежды. Сколько вложено в них человеческого пота и крови! Теперь настал момент истины — справятся ли пилоты с высокой задачей?

Нарком повёл указательным пальцем левой руки. Из-за спины его спешно приблизился худой высокий человек в штатском, подобострастно ссутулившись.

— Что может сообщить советская наука по существу вопроса? — спрашивает нарком.

— Так называемые дирижабли-батискафы, товарищ нарком, иначе именуемые ДБНами, построены по чертежам пролетарского изобретателя Наума Накумекина и носят его имя...

— Не рановато ли присвоено имя?.. — усомнился нарком. Вспомнился ему несуразный зеленоватый изобретатель, который два года назад на этом самом месте испытывал свой аппарат.

— Так точно, рановато, — человек сутулится ещё больше и кривит рот, — но такое решение принято партийной ячейкой завода — присвоить изделию имя Накумекина... посмертно.

Нарком вяло машет кистью руки, как бы снимая вопрос с повестки. Не время ставить парторгов на место, когда решается судьба военной мощи государства. Тем более, что изобретатель сжег себя дотла в горниле борьбы за правое дело.

Понимая, что самое сомнительное препятствие преодолено, человек тараторит, спеша проявить осведомлённость:

— В основе принципа действия аппаратов лежит так называемый цикл Карно, примененный Дизелем в двигателях внутреннего, не побоюсь этого слова, сгорания. Но в нашем советском аппарато-строении идея Накумекина пошла дальше буржуазных изысканий и привела к настоящему открытию! Создаваемое природой давление на корпус аппарата преобразуется внутри него, как в поршне, в движущую силу, позволяющую перемещать центр тяжести ДБНа, при этом гуттаперчевый металло-резиновый корпус устремляется за этим центром, наподобие народных масс, следующих руководящему курсу...

— Эти... — перебивает нарком, сморщившись от неуместных аллюзий ученого, — эти ДБНЫ — они для чего предназначены? Что-то я не вижу никаких пулемётов... и бомбы подвешивать некуда...

— Товарищ нарком! — вскидывает голову человек, не теряя присущей сутулости, — мы неоднократно сообщали в компетентные органы, что оружейники не могут к сроку сконструировать пулемёты, стреляющие одинаково успешно как в воде, так и в воздухе! Эти ДБНЫ — разведчики, с их помощью можно с успехом обозревать как воздушное пространство, так и подводный мир. И это ещё не всё! Творческим умом советской академической науки разработан обратный принцип цикла Карно — со сжатием-расширением пространства вну-

три аппарата, сжимается и расширяется время снаружи него. Мы провели несколько предварительных испытаний, и всякий раз аппараты становились невидимыми...

— Начинаяте, — не дослушав, командует нарком.

Человечек поворачивается к старшему офицеру, стоящему поодаль, и кивает головой.

Офицер поднимает руку и даёт команду:

— На старт!

От строя военлётотв отделяются три статных пилота в шлемах и подбегают к аппаратам. Вот они взбегают по приставным трапам, ловко взбираются внутрь через люки в верхней части сфер. Военспецы заворачивают люки и оттаскивают трапы. ДБН-ы заворачивали, то слегка сжимаясь по вертикальной оси, то вытягиваясь, и катятся к обрыву над морем.

Пока что всё в точности напоминает испытания двухлётной давности...

Крым, мыс Фиолент, 1935-й год.

... Сорвавшись с кручи, аппарат несколько раз подскакивает, ударяясь о горный склон, затем о поверхность моря и...

Нарком напряжённо следит, как поднимается шар над поверхностью и вдруг камнем падает в воду.

Даже отсюда, издали видно, как, погружаясь в кристально чистую воду, он удлиняется по вертикальной оси и напоминает формой веретено. Вдруг веретено взмывает вверх, выскакивает из воды, и устремляется в зенит. Блестящее на солнце тело снова обретает шаровидную форму. От перегрузки или по иной причине шар сплющивается, напоминая сначала детский волчок, затем сковородку с крышкой без пупочки.

Затем сковородка снова падает, снова удлиняется, опять выныривает, опять взмывает.

После трёх упражнений взлёта-погружения шар замирает на поверхности моря, покачиваясь на мелкой волне. Из-за мыса выскакивает юркий торпедный катер, подплывает к шару, набрасывает на него траловую сеть и буксирует к берегу.

За сеть ловкие военспецы цепляют трос лебедки, шар вта-скивают на стартовую позицию. Из люка аппарата выбирается маленький человечек, подходит, пошатываясь, к нарком. Зелено-землистого цвета лицо сияет счастливой улыбкой. На гимна-стерке без знаков воинского отличия видны следы нечистот.

"Какой он маленький и зеленый! — думает нарком. — А перед вылетом был повыше меня ростом и белокожий. Вот что готов перенести наш человек во имя правого дела!"

— Пилот-испытатель Накумекин завершил испытатель-ный вылет разведаппарата, — докладывает зелёный, не при-кладывая ладонь к шлемофону.

Гражданский, — отмечает про себя нарком.

Он утирает платочком испарину со лба, переходящего в руководящий затылок.

— А скажите, товарищ гражданский специалист, можно ли вести скрытную разведку на таких заметных невооружен-ным глазом летательно-плавательных средствах? — говорит он с затаенной угрозой в голосе.

Пилот в испуге дрожит, беззвучно открывая рот, как пой-манная с поличным рыба.

— Понятно. А может ли ваш хваленый разведаппарат не скакать как поплавок, а лететь, к примеру, горизонтально? Или плыть под водой как торпеда?

— Видите ли, товарищ нарком, — осипшим голосом вы-давливает из себя, наконец, пилот, — цикл сжатия-расши-рения должен всегда продолжаться. Чтобы прекратить дви-жение вверх-вниз, нужно остановить двигатель. А когда он остановлен, аппарат замирает и больше не может взлететь. Закон природы. Чтобы расширяться, рабочее тело должно сначала сжаться, и так далее...

— Это буржуазный цикл Карно, придуманный импери-алистами. А наша, социалистическая наука может изобрести свой цикл?

— Может, — отвечает Накумекин, — но она ещё очень мо-лодая, как и всё советское государство, поэтому цикл полу-чится плохо управляемым.

— Пусть сначала — плохо управляемый, зато свой. А потом мы придумаем, как заставить его работать так, как нужно социалистической Родине. Опыт в этом деле у нас имеется. Измените цикл, Накумекин, так, чтобы аппарат двигался в любом направлении. И, что особенно важно для обороны страны, — двигался скрытно.

— Но, товарищ нарком! — пытается возразить Накумекин. — В принцип положено уравнение третьего порядка, его нельзя вот так запросто... может возникнуть неопределённость пространства-времени!

— Третьего? — хмурится нарком. — Порядок должен быть один, социалистический. А насчёт неопределённости вот что запомните: некоторые несознательные элементы тоже вовремя не смогли определиться, с кем им по пути, а теперь — где они?

И так внимательно смотрит сквозь стекла пенсне на Накумекина нарком, что изобретателя пронзает неоспоримая Правда, которую знает Партия и несёт в народ, невзирая на лихолетье. И видит нарком, что Правда на его стороне.

— Попробуйте, Накумекин, покумекайте. Но не долго, поскольку враг не дремлет. Даю вам два года. Условно, — и смеется, сняв пенсне, смеется своей нечаянной шутке...

Крым, мыс Фиолент, 1937-й год.

Звено из трех ДБН-ов взмывает над морем, затем аппараты разом уходят под воду, обретая веретенообразную форму. Все как два года назад. А вот и отличие: еще не выскочив из воды, аппараты приобретают форму сковороды с крышкой.

— Включается режим скрытного маневрирования, — комментирует услужливо представитель науки.

Три диска выскакивают из воды без брызг, взмывают в небо и, совершив несколько рыскающих маневров под прямым углом к направлению полёта, исчезают!

Время над морем замирает, будто не желая возвращать ДБН-ы в солнечный день.

— Кхм-кхм, — слышится над ухом наркома. Он поворачивает голову на звук.

— Разрешите доложить, товарищ нарком, — берёт под козырек офицер, — испытания окончены.

— А где же разведчики? — строго смотрит нарком то на офицера, то на ученого.

Те дрожат и пожимают плечами.

— Стали невидимы, товарищ нарком, — отвечает, заикаясь, офицер. — Как и при испытательных вылетах. Слава героям-летчикам!

— Иногда они возвращаются, — поясняет дрожащим голосом ученый, — ненадолго. Как только прилетят насовсем, мы немедленно доложим в политбюро. Слава советской науке.

Нарком мысленно вычеркивает обоих из списка награжденных за доблестный труд. И включает в другой список.

Крым, подножие горы Аю-Даг, 2081-й год.

— Вот здесь, на берегу я его и поймал, — докладывает пограничник начальнику заставы. Маленький, зелёный такой, в гимнастёрке. Говорил по-русски, мол, летел к Фиоленту, но не дотянул. Пока я докладывал на заставу по служебной связи, набежали нетрезвые отдыхающие, заговорили меня про какую-то темпоральность и утащили зелёного на гору.

— Понятно, это писатели, — нахмурился капитан погранвойск. — У этих не отбить. Жаль летуна — могут напоить вусмерть. К тому же это был последний, тринадцатый, если архивы НКВД не врут.

— Значит, больше НЛО летать не будут? — спрашивает погрустневший пограничник. — И нас теперь расформируют — охранять-то берег совсем не от кого?

— Ну почему же, будут летать! Согласно уравнению Накумекина, ДБН-ы должны были наследить и в прошлом, и в будущем. А насколько далеко во времени — зависит от начального внутреннего давления. Героические были люди...

В волнах у берега качается нечто синее, гигантское и порванное, с клеймом фабрики резиновых изделий СНК РСФСР.

АТОМНЫЙ ВОРОН

СВИРИДОВ МИХАИЛ

Крым. пос. Багерово
(конкурсант)

Фантазии на музыку:
Наутилус Помпилиус — Чёрные Птицы,
Птица-паровоз;
Spiky — steampunk engineering;
Каста — Искусственный человек

Всем поклонникам "Скайрима" посвящается...

В свои почтенные годы учёный сохранял хорошую форму — и умственную, и физическую. Единственное, что проявилось с возрастом — тяга к тишине. Он поселился на окраине Керчи. Купил хороший участок земли, выстроил солидный дом, посадил сад. Устроился рядовым преподавателем физики в местном техническом колледже. Кое-кто в научных кругах назвал этот поступок позёрством и чудачеством, но никто не потрудился вникнуть в глубинные мотивы ученого.

С годами он стал верить в принцип чистой удачи. Надеялся найти ученика, продолжателя своего дела, которому можно передать свои знания и опыт, и, закрыв глаза, ткнул пальцем в карту России. Да, с таким же успехом он мог избрать любой город, но попал именно в Керчь. Какому городу помешает гражданин, который по количеству патентов превосходит Майкла Фарадея, а по научной смелости Николу Теслу?

Впрочем, основную свою деятельность он не забросил. Прочитав лекцию в колледже, он мог charterом добраться до какого-нибудь атомограда для инспекции систем АЭС. Потом — видеоконференция с любой европейской академией наук. А через пару дней он, на правах почетного гостя, мог открывать очередную производственную линию какого-нибудь азиатского "индастриса" или "мануфактуринга".

Да, ритм жизни ненормальный, но именно так в своих кругах ученый приобрел культовый статус. Не случайно же главные инженеры электростанций, топ-менеджеры машиностроительных заводов, ректоры технических ВУЗов и, как ни странно, предводители "зелёных" движений хранили его автографы, так же, как хранят фотографии своих кумиров подростки! На его лекции, семинары и видеочаты набивались все — от светил науки до пьющих телемастеров из мастерских при ЖЭУ.

Поклонниками и потребителями его научного творчества были, без преувеличения, абсолютно все! В арсеналах пары десятков армий, на пока ещё не официальных началах, плескались различные "вундервафли" по проекту "Солдат XXI века". Энергетики Европы ещё обсуждали, а Азии — уже строили — АЭС на холодных реакторах и трансформаторные подстанции на сверхпроводящих компонентах. Машиностроители и компьютерщики всюду внедряли станки и производственные линии с искусственным интеллектом. Авиаторы и космонавты теснились за партами учебных центров, изучая материальную часть новых поколений летательных аппаратов.

Не остались позади и "зелёные". Именно для них ученый запатентовал головокружительные разработки в области геотермальной, солнечной, ветровой энергетики, проекты бесшумных ТЭС замкнутого цикла и бесплотинных ГЭС. И пусть на тему электромобилей удачно "выстрелил" самородок родом из ЮАР, нашему гению было что сказать в области электровозов, электролётов и электроходов с полностью электрическим приводом. И, вообще, в области всего того, что имеет весьма отдалённое отношение к охране природы — в силу "грязных" технологий добычи сырья и обработки компонентов.

Медики Азии уверенно теснили своих европейских и американских коллег — научились лечить рак без повреждения здоровых тканей с помощью наномитов его "кистей". Ах да, кибернетические протезы органов и конечностей перестали быть монополией фантастических саг. Были "умники", на все лады заголосившие о киборгах среди нас! Но инвалиды,

вновь обретшие утраченные части тел, дети, излечившиеся от запущенных форм рака, и их родители молили о здравии нашего героя всех богов.

А из карманов широких масс обывателей выглядывали гаджеты всех сортов...

Исследования нашего героя в области беспроводной передачи энергии научным, но вполне доступным языком объясняли суть многих свойств информационного поля Земли, ранее располагавшихся в плоскости мистицизма. На вопрос о том, есть у живых существ душа или нет, учёный отвечал утвердительно. Отцы церкви приглашали его на межконфессиональные соборы как дорогого гостя. Воинствующие атеисты при упоминании его имени злобно скрипели зубами. А мракобесы из тоталитарных сект подсчитывали убытки.

А какие разработки нашего героя спецслужбы, светила науки и собственники корпораций пометили грифами "Совершенно секретно" и убрали с глаз долой? Сущую безделицу! Проекты квантовых компьютеров с нечисловыми системами счисления. Атомовозов с тягой на крюке в десяток миллионов тонн. Межзвездных космических кораблей с атомной силовой установкой. Хотя сверхпроводящие при земных условиях материалы (которые можно производить по цене вермишели) очень осторожно и ограниченно внедрились, предусмотрительно "забыв" упомянуть об их реальной себестоимости.

Знал ли о своей исключительности ученый? Конечно же, да — ибо глупо чураться честно заработанного признания. Но "звёздной болезнью" не страдал и, дожив до седины, сохранил чувство юмора и простоту общения. Однажды, на одном из бесчисленных брифингов, журналист какой-то безвестной газетенки, не скрывая подвоха, поинтересовался, сможет ли ученый создать вечный двигатель. На что наш герой пообещал пересмотреть свои старые записи — что-то похожее он точно когда-то придумывал.

В то же время ученый совершенно не чурался откровенно недалёких студентов. Находя понятные слова, он втолковывал им такие вещи, о которых ученые мужи европейских академий наук запрещали себе даже задумываться...

— Леонард Аристархович, приехало крымское телевидение — вот список вопросов. — Секретарша положила на стол два листка А4. — А через восемьдесят минут — видеоконференция с Делийской академией энергетики и машиностроения. Назавтра — встреча с ректором Бауманского университета — согласование мероприятий к предстоящему Дню Энергетика. Рейс "Симферополь-Москва" завтра в девять тридцать утра.

Ей было сорок семь лет — ученый не признавал на такой должности молоденьких девочек, озабоченных лишь грядущим удачным замужеством. Ещё у него были два вышколенных "пажа" — программист Игорь и чертёжник Олег, не блиставшие живостью ума, но угадывающие творческие мысли своего кумира по движению брови. И, конечно же, водитель Миша, подававший надежды в автоспорте, но с позором изгнанный из сборной за участие в уличных гонках.

— Спасибо, Наталья Евгеньевна, — поблагодарил он. — На сегодня вы свободны. Только скажите Мише, чтобы подал машину завтра к шести утра. Игорь и Олег, приготовьте аудиторию к брифингу и тоже можете отдыхать.

Стоявшие за спиной ученого, словно солдаты почетного караула при знамени, программист и чертежник буквально дематериализовались.

...Человеческое тело испаряет сквозь кожу весьма много воды. А если это тело принадлежит молодому мужчине, да ещё и заперто в металлической будке посреди летней крымской степи, испарения от него будут крайне неприятно пахнуть. Нет-нет, это не фильм ужасов, это учения ракетного полка!

Передвижная радиолокационная станция "Паутина" — это четыре "КамАЗа" со складными антеннами, парой тонн современной электронной начинки и небольшой кабиной оператора на каждом. Конструкторы, не вняв мольбам военнослужащих, не поставили в них кондиционеры — слишком жирно! Установленный же в будке умывальник — для промывки глаз от пота — выглядел чистым издевательством. Рядовой Дударев восседал на некрашеном, но от времени засаленном

деревянном табурете в одних трусах и задыхался от запаха собственного пота — температура в кабине оператора уверенно подбиралась к показателям сауны. Лежащие в углу ботинки, камуфляж и общевойсковой защитный комплект (ласково именуемый в солдатской среде "презерватив-костюмом"), воздух тоже не освежали. Командир полка решил выслужиться перед функционером из штаба округа и объявил внутривойсковые учения с вводной "Химическая атака". Это значит, что до особого распоряжения окна-двери не открывают и ходят, упаковавшись в резину. На крымской июльской жаре...

Заслышав мотор машины командира станции, солдат выругался и стал спешно натягивать обмундирование.

— Обнаружен летающий объект, — механическим голосом сообщил компьютер установки, напугав солдата до тремора. — Тяга реактивная, размах крыла — восемнадцать метров, длина — двадцать семь метров, предположительная масса — двадцать четыре тысячи килограммов, скорость — триста сорок четыре километра в час, высота полета — двести семь метров. Поиск в базе данных совпадений не выявил.

— Товарищ капитан! — высунувшись из будки, прокричал солдат. — У нас неопознанный летающий объект! Время подлёта — секунд двадцать!

Капитан Язев выхватил из подсумка бинокль, как самурай — катану, и принялся осматривать небо.

И правда, со стороны Чёрного моря, небыстро — для реактивной техники — и даже как-то манерно, к полигону "Чауда" приближался летательный аппарат.

Офицер, определявший марку самолета даже выходя на четвереньках с дня рождения начальника штаба, ожидал увидеть "Фантом", "Ягуар", "Еврокоптер", на худой конец — "Мицубиси". Или чем там богат Шестой флот ВМС США, свивший гнездо на берегах Турции? Каково же было удивление капитана, когда вместо привычных изящно-резких очертаний современного военного реактивного самолета, он увидел... ворону. Да, черт возьми, замеченный летательный аппарат представлял собой металлическую птицу, размером со средний тяжёлый штурмовик. Характерная форма массивного

клюва, головы и шеи, покрытых металлическими перьями, не оставляли сомнений в реальности увиденного. Прихотливо-хищный изгиб крыльев аппарата завораживал. Поджатые когтистые лапы, при рассмотрении в бинокль, выглядели не элементом декора, а рабочим приспособлением — аналогом шасси. Из растопыренного в полёте хвоста веером вырывались пять туманных реактивных струй.

Из ступора офицера вывел истошный писк его штатного дозиметра, перерастающий в вой. Экран приборчика выдавал 7000 миллизиверт. От меньшей дозы облучения ликвидаторы аварии на ЧАЭС умирали в жутких мучениях!

— Солдат, сиди внутри! — прикрикнул капитан, заслышав скрип двери будки, ведь даже столь призрачное укрытие — намного лучше, чем совсем ничего. И, восстановив самообладание, достал рацию. — Бескозырка, я Звездочет...

..."Настоящим докладываю Вам, что сегодня, 09.07.2015 года в ходе внутриполковых учений на полигоне "Чауда" экипажем РЛС "Паутина" был замечен неопознанный летающий объект, тип и принадлежность которого установить не удалось. Рапорта свидетелей и показания станции прилагаются.

Примененные в объекте особенности конструкции не имеют аналогов среди образцов, принятых на вооружение в армиях евроазиатского региона. Также в зоне пролёта объекта резко повысился радиационный фон — до смертельных для людей показателей. Состав изотопов силами полковой лаборатории радиационно-химической разведки установить не удалось. Образцы переданы на исследование в Крымское Республиканское Управление МЧС России.

Предполагаю использование летательного аппарата на основе прямоточной атомной реактивности..."

Из рапорта командира в/ч Б4590 командующему Южным военным округом ВС России.

...Предутренние звонки люди не любят, а я — просто ненавижу! В ужасе подпрыгнув, я нарезал пару кругов по комнате. Успокоился, отхлебнул воды из чайника.

Телефон зазвонил ещё раз. Это ещё хорошо, что в Альянсе Светлых Сил отошли от телепатического внушения, а то бывало, спишь, как вдруг тебе начинает сниться Приор ордена Огненного Креста и ставить задачи. Да, есть такая эмоция, как Трындец!

С тех пор, как я перешёл из "розницы" в "огненные кресты" — отряд боевых светлых магов по борьбе с инопланетными интервентами, — покой мне только снился! Оказалось — какая прелесть! — мне надо срочно прибыть в Триумvirат. Это что-то вроде центрального штаба Альянса Светлых Сил, Анклава Тёмных Сил и Лиги Общин Зверолюдов.

Инструктаж обычный — тогда-то и там-то замечен летающий объект явно внеземного происхождения, имеющий признаки пассажирского транспортного средства, который не отвечает ни на телепатические сигналы, ни на запросы по радио. Надо установить контакт с экипажем, выяснить их намерения и обеспечить связь с руководством Триумvirата. Но, вместо обычного "агрессию не проявлять, на провокации не поддаваться", последовал приказ следить за пришельцами в оба и, в случае малейших сомнений мирных намерениях, захватить их самих живыми, а их технологии исправными. При необходимости — уничтожить безопасным способом.

— Так из-за чего сыр бор-то? — подивился я. — Недели не проходит, чтоб кого-то нелёгкая не принесла и всё нормально...

— Михайлов, ты Кодекс внимательно читал? Там прямым текстом сказано — заранее не согласованное, намеренное использование технологий, опасных для населения планеты, по умолчанию признаётся актом агрессии. У нас опасной технологией признаны летательные аппараты на прямоточных атомно-реактивных двигателях...

— Они, что, радиацией гадят?! — возмутился я.

— Они гадят смертельной для человека радиацией! — ядовитым голосом подтвердил Приор. — И угадай, что произойдёт, если ракетчики Спящих смогут их подбить?

Самое весёлое, что не владеющие магическими силами люди — Спящие — тоже преуспели в борьбе с гостями из кос-

моса. Правда, в силу тотальной неосведомленности в данном вопросе, злодеев и интервентов они не отличали от приличной публики.

— Кто со мной? — вопрос важный, ибо на такие дела па-ладины поодиночке не ходят. От Темных выделяют обычно ассасина, а от Лиги — кото — собако — или ящерицу — человека.

— От Анклава — Стелсс, он же старший группы, как сильнейший маг. От Лиги — каджит С'Драсса.

Фу, слава Свету! Хоть тут повезло. Чёрный маг-ликвидатор Алексей Алексеевич Стелсс — сосед мой — очень сильный и опытный маг. За свои шестьсот с лишком лет оставил кровавый след на пяти континентах. В бытность свою ниндзя воевал в составе клана Ига против тэнгу. Потом с конкистадорами и колонистами покорял Америку и Австралию. Ползал джунглям Юго-Восточной Азии в поисках древних городов и сокровищ. На службе Российской Империи предпринимал дерзкие экспедиции в Сибирь и на Север. О том, как он, в качестве наемника, участвовал во всех африканских конфликтах, произошедших в обозримом прошлом, и говорить не приходилось! Сейчас этот сумрачный гений возглавлял секту Часовых Новолуния — тринадцать ассасинов, в обязанности которых тоже входила работа против нежелательных гостей из космоса.

Второй — коточеловек или каджит, как они сами себя называют, — С'Драсса. Вожак Серых Миражей, отряда каджитов из клана домашних котов, которые занимались отловом и уничтожением в прямо-таки промышленных масштабах вредной инопланетной мелочи. Но особенно ненавидели Миражи крысолов — ратиссеров. Крысюки-то создания очень гадкие — прожорливые, трусливые, подлые и беспринципные! Любимое их занятие — применение биологического оружия и последующее мародёрство на пустошах. Помните чудовищные эпидемии чумы в средневековой Европе? В любом учебнике истории вы узнаете, что её разносчиками были крысы с блохами, но только в летописях магов прочитаете, что это были за крысы... Так вот, С'Драсса имел рысиные кисточки на ушах, разбойничью морду помойного кота, несколько десят-

ков шрамов на теле, рыбную расцветку и достаточно пушистый метровый хвост.

...Короткое руко— и лапопожатие, и мы упаковались в принадлежавший мне "УАЗ". Машина эта модифицирована как раз для гонок по пересеченной местности. Каджит запрыгнул на заднее сидение с фирменным кошачьим "мрук!".

— Будешь драть обивку — подстригу когти! — строго сказал я, и палец мой почти уперся каджиту в серый нос. — Леха, какие планы?

— Едем в Керчь. Вояк тревожить не стоит — информации больше не дадут, но заподозрить чего-нибудь могут. А в городе-герое живёт один человек, который очень заинтересуется этой информацией. Леонард Аристархович Вяземский.

— А ты откуда его знаешь? — удивление моё было обоснованным, ведь я не представлял, что общего может быть у учёного с мировым именем и изощренного убийца.

— В июне 1950 я вывозил его из Сеула.

...Ученый всячески бодрился, выполнял йогические асаны и комплексы ци-гун, перестал употреблять алкоголь, бросил курить, но всё равно чувствовал себя плохо. Суставы одолевала противная зудящая боль, глаза воспалялись, в лёгких слышались пугающие хрипы. Даже сознание подчас "пробуксовывало". И вроде анализы как у космонавта перед полётом, но без смеси особых трав, которые ему поставляла знакомая цыганка, жить не получалось. Обряды, проводимые этой же ведуньей, приносили облегчение, но не излечивали. А обратиться к врачам он не мог. Причина проста — он не совсем человек.

Тут придется углубиться в детали. То, что Дарвин ошибался, начинали понимать все. И то, что во Вселенной мы далеко не одиноки — тоже. Оставим на совести киноделов штампы о гигантских червях, пожирающих всё на своем пути, скопления склизких щупалец, худосочных мозгляках и признаем честно — есть такие. Но те гости из космоса, с кем "огненные кресты", Часовые Новолуния и отряды звероловдей

встречались регулярно, имели, как правило, гуманоидное строение тела, биохимию на основе углерода и железа и высокоорганизованный разум. Хотя, биология лишь один из факторов. Куда интереснее энергетические контуры существ — да, знания древних азиатов про ауру и точки силы на теле не выдуманы, пусть и вырваны из контекста магических манускриптов. Гуманоидные расы, по многим причинам очень схожие в биологии и биомеханике, различались устройством своего энергетического тела — души. Варианты же устройства душ — это тема десятитомного трактата, в котором без пол-литра не разберёшься.

Это всё к чему — пусть наш гений родился и вырос на Земле, истоки его рода лежали в окрестностях одной из соседних звёзд. Да, биологически его народ очень похож на Спящих. Но о некоторых особенностях титульной расе Земли было не обязательно знать. Даже не задающим вопросов азиатам ученый боялся довериться. Люди — ребята нормальные, но время от времени взбрыкивали чем-нибудь эдаким...

Ученый понял, что болезнь, сгубившая его родителей, принялась за него. И, судя по динамике, осталось ему не долго. Правда, сложить лапки и ждать неизбежного он не собирался — его раса всегда искала выход. И, чаще всего, находила...

Предположим, тело спасти не выйдет. Да, приятного мало. Но с высоты прожитых лет он понимал, что его разум куда ценнее грубой материи плоти.

Вопрос в том, знаешь ли ты точно, чего хочешь.

Можно оцифровать сознание, — рабочие прототипы подобных систем уже есть. Проведя эксперименты, ученый понял — мало "сложить" сознание на жёстком диске. Надо ещё и заставить его работать, а для этого не подходил ни один компьютер мира.

Ничего не оставалось, кроме как углубится в мистические знания магов. Нарботки по переселению душ и сознания имелись у некромантов...

Не подходит — уж больно неприглядна судьба ступивших на эту дорожку.

Ученый изучил многие магические трактаты о сущности душ. Если максимально упростить прочитанное — сознание базируется на душе, как атмосфера на планете. Наконец, из трудов чернокнижников и алхимиков средневековья он узнал, что некую, вполне жизнеспособную версию души можно создать искусственно! А что, сознание уже на дисках — только и ждёт установки на новый носитель. Соединять же магию с технологией его раса умела исстари. Вот только Парацельс и Герберт Аврилакский на эту тему оставили одни лишь намёки...

Ученый собрал пару приборов, с помощью которых измерялся энергетический потенциал живых существ. Выяснилось, что даже в мёртвом теле есть немного энергии. Потом пришлось буквально на живую нитку клепать Собиратель Эссенции — приспособление для вытягивания заряда из покойников. Смешно вспоминать, какими силами выбивалось в Академии Наук разрешение на "исследование" трупов.

Потом — опыты по созданию цельного энергетического тела. Свет или Тьма помогали ему? Неизвестно, но годы исследований увенчались успехом. Кодовое название своей "синтетике" он подобрал с юмором — "Пар-221". В хрустальной колбе клубилось что-то, похожее на облако, а получилось оно с двести двадцать первой попытки.

Но любой успех имеет горький привкус — "Пар" упорно не желал встраиваться в энергетические каналы даже самых примитивных многоклеточных организмов. Но механизм к жизни — насколько этот процесс можно так назвать — вызвать получилось. Уже прогресс! Да, механическое тело не предел мечтаний, но лучше, чем совсем ничего. На первое время хватит, а там... Не может быть, чтобы он ничего не придумал!

...— Да быть того не может! — котяра махнул лапой. — Тэнгу уж лет четыреста сюда клюв не кажут.

— Я тебе говорю, это тэнгу и никто другой! — Стелсс был непреклонен. — Я с ними воевал! Сорок лет по Японии на брюхе ползал!

Читал я эти истории в летописях. Лет девятьсот назад с неба хлынула армада космических кораблей в виде ворон.

Тэнгу и раньше совали клюв на Землю — в основном это были обычные бандитские набеги. Однако в тот раз они провели вторжение по всем канонам военной науки. Тэнгу плохо переносили холод, а потому в первую очередь захватили южные районы Европы, Северную Африку, Ближний Восток и тропические районы Азии. Землянам нечего было противопоставить инопланетным захватчикам, снаряженным даже по теперешним временам фантастически.

Европейская группировка воронолюдей, контролировавшая относительно малую часть материка, вскоре подверглась нападению славян, скандинавов и кельтов. Не осталось в летописях сведений о том, какой ценой, но в один прекрасный день земляне сбросили изуродованные трупы своих врагов в Средиземное море.

Азиатская группировка тэнгу оказалась на порядок лучше организованной, да и хозяйничали они на континенте, значительная часть которого лежит в постоянно тёплом климате. Они властвовали от Закавказья до Японии почти триста лет. Первым делом установили режим кровавого террора. Затем внедрили в человеческое общество своих агентов влияния и через них насадили выгодное для себя социальное устройство — вроде индийской системы каст. Внедрение среди людей культуры, языка и письменности после всех предпринятых мер прошло просто на "ура". Японцы вон на языке тэнгу до сих пор говорят и пишут. Да и вообще, Азия с Европой стали, словно разные планеты.

Но не только тёплый климат интересовал тэнгу. В Азии в своё время разместилась другая инопланетная раса — двимеров, подземных эльфов. Они добивались феноменальных успехов в геотермальной и вулканической энергетике, были посвящены в совершенно мистические свойства камней и металлов, а также вовсю использовали механических слуг и солдат. Тэнгу же, помимо отменной воинской выучки, являлись ещё и великими учеными. Недаром ведь один из символов мудрости — ворон! В поисках ресурсов, знаний и технологий они колонизировали целые солнечные системы. Вот и думайте, на-

сколько лакомым для тэнгу было наследие двумеров, если они не брезговали даже способами заварки чая из местных трав!

Удовлетворившись успехом своей военной диктатуры, пернатые захватчики решили "забить последний гвоздь" и объявили себя посланниками богов. Но представления землян о богах и их посланниках сильно разнились и с образом тэнгу, и с их манерой управления поработенными народами. И возгорелось пламя!

Японию освобождали ассасины. Китай — монгольские орды. Индостан и прилежащие к нему горные районы — каджиты, оставшиеся в Рамаяне и Махабхарате как ракшасы. Славяне показали свой горячий нрав в джунглях Индокитая. А с бесчисленных южноазиатских островов тэнгу сами подматывали удочки, преследуемые флотом викингов.

Не будь дураками, остатки азиатской группировки ворон попытались отступить через пустыни Аравии и соединиться со своими североафриканскими частями. Но там их встречали боевые порядки рыцарей-крестоносцев, а на север Евразии путь закрывал царящий там холод.

Решительно настроенных землян не испугали даже ядерные удары по Содому и Гоморре. Тэнгу не сложили оружие, хотя и поняли, что их песенка уже спета. Можно обладать заоблачной крутизной, но если против тебя выступили два огромных континента — твоё дело труба!

Никто уже не помнит, сколько миллионов землян осталось навечно в горячих песках Аравии, но ни один чернокрылый падальщик не покинул нашу планету живым! И до сего дня о них можно было услышать лишь в легендах. Но времена меняются...

— Лёх, а тэнгу и тогда атомолеты использовали? — спросил я.

— Нет. На меланже, наверное, летали.

— А чего ж они...

— Толян, ты просто сказочный неуч! — фыркнул ассасин.

— Люди на моих глазах пересели из седла лошади в кресло космического корабля. Прикинь, куда из кресла космического

корабля могли пересечь тэнгу! Нам важно то, что под своей силовой броней они такие же уязвимые, как и мы... На дорогу смотри, дурень!

...Создание своего будущего механического тела учёный вёл со всем тщанием — любовно, как Пигмалион. Времени на разработку узлов и деталей, как назло, не хватало — у болезни-то ни пять минут жизни, ни лист ватмана не выпросишь! Пришлось, скрепя сердце, использовать серийные компоненты. Смех и грех, но в ход шло всё — гидравлические узлы от экскаваторов, сервомоторы от своей же робототехники, куски обшивки от космических ракет. Тайком от всех, словно иллюминат в часы гонений на ереси, ученый спускался в подвал своего дома и принимался за работу. Ничто по уровню азарта и помешательства для него не равнялось затеянному.

Он создал чудо и с удовольствием отметил, что его потенциал мага необычайно высок. Наверное, предки улыбались ему из Небесного Механизма, глядя на сотворенный им гибрид механизма и магической сущности. Оставалось лишь запустить в него "Пар-221" и подселить сознание. Своё сознание, а не блеклую копию, созданную компьютером.

Как же радовался он, когда его будущее тело открыло глаза и неуклюже зашевелилось! Ученый готов был поклясться, что услышал в груди своего творения биение сердца. И совершенно неважно, что его заменял механический нагнетатель! Оно начинало жить! А "детские" болезни конструкции можно будет исправить!

... — Леонард Аристархович, приехали какие-то люди и спрашивают вас. — Охранник чётко знал инструкции. — Одного из них зовут Алексей Стелсс.

— Проводи их ко мне.

Кабинет учёного смотрелся круто! Никакой кричащей роскоши или хайтек-убожества. Всё функционально и рационально. Видно, что тут историю делают, а не только гранты из государства выжимают.

Вместо слов приветствия или рукопожатия, Стелсс швырнул на стол учёного тонкую пластиковую папочку.

— Из-за тебя, козла, над Крымом сейчас нарезает круги атомный "Ворон" тэнгу и гадит смертельной радиацией! — Стелсс побледнел от злости.

Ассасин любил такую манеру ведения переговоров — с порога, максимально резко и эмоционально, вывалить на собеседника факты — тогда его внимательно слушали.

— С чего ты взял, что это за мной? Может, это колонисты.

— Леонард, будь здесь не ты, а какой-то хрен — я б и не приезжал! Я уверен, что это не колонисты, потому, что Спящие не расчехляют ракеты и не собирают войска. Вспомни — за наследием твоего народа тэнгу Азию мелким гребешком перечесали! И ты знаешь, что твоей башки никакие находки не заменят.

Я же прямо почувствовал, как мои лицевые мышцы расслабляются. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о каком народе говорит Стелсс — о двумерах. В человеческих мифах их называли гномами. Спящие всегда слышали звон, не зная где он.

Подземные эльфы прибыли на Землю вскоре после падения Изначальных, но задолго до возникновения людей. Многие летописцы магов путали двумеров с Изначальными ввиду сходства технологий. Однако, двумеры обитали под землёй почти безвылазно и солнце не любили. Изначальные, напротив, жили на поверхности, а циклопические подземные сооружения строили, чтобы добираться до неисчерпаемого источника энергии — планетарного ядра. Просуществовали двумеры на Земле, по разным подсчетам, пару сотен тысяч лет. Их особенностью была вера в собственную исключительность. Коренное население Земли — Изначальных, а позже и людей, — они почитали ниже себя. Зверолюдей же, тоже носителей мерических душ — открыто презирали. Свой культ Нумидия — Механического Бога — двумеры превозносили до небес, не забывая осмеивать религии коренного населения Земли. Короче, глубинные эльфы замкнулись в своей среде,

и их постигла участь всех замкнутых популяций — генная нестабильность и вырождение. Расцветший буйным цветом трансгуманизм — "улучшение" живого тела механическими частями, — вбил последний гвоздь в гроб их цивилизации. Города и заставы год от года пустели, а в итоге в живых остался один-единственный двумер...

— Толян, никогда не играй в карты — у тебя на физиономии все написано, — посоветовал Стелсс, заметив выражение моего лица. — Впрочем, да, ты правильно догадался, наш друг — двумер.

Дедуктивное мышление, мать его...

— Ладно, я сдамся сам, — устало произнёс двумер.

— Я тебе "сдамся"! — заорал ассасин. — Понаделаешь для пернатых всякого, а они "случайно" завернут сюда пострелять, повзрывать! Ты не видел, что они в Азии творили. А я насмотрелся. Досыта!

— Алексей, мне осталось жить считанные недели, а может и вовсе — дни. Какая-то болезнь пожирает меня. Уверен, что не успею принести много пользы тэнгу.

Я осмотрел двумера через Тишину и обомлел. Проклятие Народов. Вся их раса проклята до последней капли крови! Тут не поможет и легион экзорцистов — только Подвиг Очищения! Одна беда этого обряда — после него нет жизни в теле. Это очищение души перед новой жизнью. Кому же так насолили двумеры, что нарвались на подобное?

— Когда-то давно патриарх клана Ига отправил молодого, но очень способного ниндзя выкрасть у Верховного Тотального Инженера двумеров книгу — летопись глубинного народа. — Стелсса понесло историей. — В поисках главной библиотеки ниндзя забрался в горы Тянь-Шаня, и там, в бесконечных лабиринтах пещер, нашёл искомое. По возвращении в Японию он узнал, что клан его истреблён. Ниндзя забрал книгу и отправился в Страну Ассасинов — Восточный Дагестан. Потратив всю жизнь, он расшифровал письма двумеров и узнал великую, но постыдную тайну...

— Леха, это ты, что ли? — перебил я.

— Ты что, с дуба? Это дед мой — по матери. Он-то меня и научил двумерскому письменному языку. А я прочитал в той книге любопытнейшие вещи...

Теперь Стелсса точно не заткнуть! По его версии, двумеры происходили с планеты, по всем условиям похожей на Землю. Где эта планета находилась, ни Лёха, ни его предок, точно не разобрались, да и неважно это. Важна история. Одна из мерических рас — снежные эльфы-фалмеры, — в результате войны с другим народом потерпела сокрушительное поражение. Опасаясь полного уничтожения, они попросили убежища у двумеров. Глубинный народ не стал отказывать братьям-мерам и принял их. Фалмеры, чтобы хоть как-то отплатить за гостеприимство, предложили двумерам посильную помощь в любых работах и начинаниях. Тут и разразилась драма! Глубинные эльфы, пользуясь малой осведомленностью фалмеров о свойствах руд и камней, задействовали их на добыче опасных минералов, тщательно скрывая опасность таковых, не предоставив даже минимальных средств защиты. Если верить версии Стелсса, это были месторождения радиоактивных металлов. Мало того, фалмерам под видом съедобных, подсунули наркотические грибы и ядовитые коренья. Зачем такие ужасы? Двумеры боялись, что снежные эльфы подсмотрят их секреты.

Так, под воздействием губительных излучений, наркотиков и ядов за несколько поколений раса фалмеров выродилась до безглазых, безумных, злобных созданий. Видя эти ужасы, Снежная Луна — верховная жрица снежных эльфов, просившая убежища у двумеров, — покончила с собой и, умирая, прокляла глубинный народ всеми страданиями своей расы.

Тогда горя хлебнули уже гномы. Больше никто из их мужчин не доживал до старости. Каждый десятый младенец рождался мёртвым. Каждая двадцатая женщина умирала от остановившейся беременности. Появился гомосексуализм. Прежде великая, раса двумеров стала загнивать и умирать.

Тогда, построив космические корабли, двумеры отправились искать лучшей доли в космосе. Одной из планет стала Земля...

...Вдруг каджит, нагло точивший когти о висящий на стене персидский ковёр, распушил хвост, как бутылочный ёршик и подпрыгнул.

— Дотрынделись, да?! — заорал он.

Мы бросились к окнам.

За забором заимки двумера на посадку заходил атомный "Ворон". В крыльях у него оказались двигатели вертикального движения. "Пташка" качнулась на своих лапах-шасси, затем "грудь" её разделилась пополам и половинки разошлись в стороны, открыв ещё одну металлическую панель. Она опустилась на землю, как аппарат. А "ворон" не сильно большой — чуть больше АН-102. Если у него есть десантный отсек, в нём может поместиться не больше пяти или шести солдат...

И точно, пять фигур, упакованных в силовую броню и вооруженных странным оружием, высыпались на вольный воздух. Оглядевшись и разведав местность какой-то электронной, они, грамотно прикрывая друг друга, двинули к дому двумера.

— Ты, — Стелсс ткнул двумеру пальцем в грудь, — бежишь в подвал и сидишь там тише мыши. А мы повоюем.

Я подвесил на быстрое применение несколько заклинивших — "огненный шарик", "морозный поток" и "шаровая молния", — и вынул пистолеты. При всем уважении к отечественным оружейникам, на такие задания я брал изделия немецких. USP Expert имеет множество плюсов при бое в замкнутом помещении, в силу небольших размеров и веса. Стрелять с двух рук я учился уже в паладинском корпусе.

Важно сначала передумать соперника и только потом — перестрелять. Мы-то дома, а вот чернокрылые падалышки явились незваными...

Стелсс же призвал одежду ниндзя — прилегающее к телу чёрное кимоно, сапожки из мягкой матовой кожи, маска вроде

ОМОН-овской "балаклавы" — и два небольших кинжала класса "Мерцающий мрак". Их лезвия черны, как ночь, и холодны, как сухой лёд. Что, говорите, ассасин в боевом облачении несерьёзно выглядит рядом с незваными гостями? Вы просто не видели его в работе! С'Драсса вынул свои "Когти Лунной Тени" — ножи с клинками из чистой энергии — ими трудно наносить такие сильные повреждения, как "Мерцающим мраком", но их лезвия проходят сквозь все виды брони. Каджит силен, ловок и быстр. Да, черт возьми — кошки ловят ворон!

Но и тэнгу оказались не идиотами. Зачем с ходу затевать стрельбу, если можно попытаться договориться? Один из птерки, зная — главный, коснулся рукой сенсорного экрана на левом предплечье и шлем сложился в воротник скафандра, обнажив покрытую чёрными перьями птичью голову с мощным клювом.

— Двемер! — каркнул тэнгу. — Я командир "Кэзуки" — тайса Кэнта. Тебя приветствует адмирал Мэзуио и предлагает поступить на службу нашей великой цивилизации!

— Лёх, это он о чем? — тихо спросил я.

— "Кэзуки", зная, название их "пташки" — можно перевести как Вестник слияния. — Ассасин, кроме японского, знал пяток азиатских и десяток европейских языков. — Тайса — это воинское звание, сродни подполковнику, а Кэнта — имя его, означает "стойкий". А адмирала зовут, если дословно, Увеличитель мира. Расходимся...

На ворона, шипя и плюясь, налетел С'Драсса. Да, придурок блохастый его убил — голова ворона, весело прыгая, откатилась, — но не факт, что это командир. На месте этого тайсы я поставил бы вперед какого-то "лейтенанта". Да и бойцы спецподразделений обычно готовятся так, чтобы могли действовать без постоянного присмотра командира. И быть бы каджиту изрешеченным, не метни Стелсс в строй тэнгу огненный шар. Котяра, воспользовавшись замешательством недругов, ретировался.

Держащие наизготовку оружие, тэнгу разделились по двое и двинули вглубь дома. Наверняка отсканировали меня

и Стелсса. Нет, действовали они грамотно и чётко — прикрывали друг друга спины, сверялись с приборами.

Я неосторожно выскочил на линию огня. Вороны не ставили просить их дважды и взяли меня на мушку. У меня прямо точки на груди зачесались, куда должны были попасть... чем там они стреляют?

Прелесть и ужас боя в условиях городской застройки — малые дистанции между антагонистами. Я проскользнул между недругами — в направлении друг друга они палить не будут — и выиграл секунду. Есть у подобной брони особенность — в ней обязательно устанавливается механизм экстренного сброса. Если она повреждена, разрядились батареи или другая напасть приключилась, боец должен иметь возможность быстренько из неё выскочить. Активатор экстренного сброса должен находиться в таком месте, чтобы нажать быстро, но не нажать случайно. Вот эта кнопка — на торце нарукавного сенсорного блока — вполне может быть таковой. Шанс на успех всего один...

— Крак! — произнесли сочленения скафандра пришельца и раскрылись.

В такие моменты можно думать о девках и пряниках, а можно и вовсе отключить мозги. Руки не ошибаются — потянуть "скорлупки" экзоскелета в стороны, сцапать за воротник находящегося там ворона и с силой вышвырнуть из уютного индивидуального "танка". Хороший пинок в клюв и два выстрела почти в упор. На всё ушло секунды полторы.

А птиченька-то габаритами аккурат с меня... Идея авантюрная, но я запрыгиваю в освободившийся экзоскелет. Сочленения уютно щёлкают, и выясняется, что ворон был subtilнее, чем показался — меня сдавило, как цыпленка табака. Но настоящего паладина этим не испугать!

Второй ворон как раз развернулся в мою сторону. Масивная броня и полутораметровое оружие заставили его затратить пять секунд вместо одной. Теперь пан или пропал — я давлю на спусковой крючок инопланетного оружия. Раздается басовитый гул, затем лёгкий шлепок и не то пуля, не то

луч прошивает шейные сочленения брони недруга. Второй и третий выстрелы "проштамповывают" грудные пластины. Четвёртый делает ворону дырку в шлеме. А слабо сочащаяся из дырок кровь убедила меня, что недруг больше не опасен.

Учиненная же ассасином расправа была достойна запечатления в мраморе! Есть такие вещи, которых ты и не видел, но всё равно они внушают тебе уважение. Мозг автоматически уравнивает такие понятия, как "шамаханская царица" и "эталон женственности, сексуальности и чувственности". Также с невидимым ниндзя. Да, он молодец — затратил десятилетия на тренировки и добился успеха! Но в современном мире умение становиться невидимым для глаз теряет прелесть — тебя всё равно фиксируют датчики движения и обнаружения тепла, видят камеры видеонаблюдения. Именно поэтому невидимый и неосязаемый ниндзя — в нашем случае ассасин — бриллиант чистейшей воды. Стелсс, в прямом смысле, растаял перед вытянувшим руки вороном и материализовался уже у него на плечах.

Я думал, что Лёха всадит в него какой-нибудь призрачный кинжал, но ассасин всего лишь залил ему визор чернилами для принтера и опять исчез.

Ворон нелепо трясёт головой и снимает шлем. Тэнгу вешают за спины винтовки и достают мечи-косы, вроде древнегреческой ромфеи. Такими можно только рубить, причем исключительно с широкого замаха. Идея хорошая — силовые приводы экзоскелетов плохо приспособлены для тычковых движений. Тут-то "залитому" в глаз и втыкается "Мерцающий мрак" — по рукоятъ.

Напарник убитого оказывается не идиотом и уже готов разорвать ассасина пополам. При всем уважении к Лёхиным талантам, сомневаюсь, что у него получилось бы увернуться. Один выстрел начисто отрывает ворону руку, второй — делает дыру в башке. Да, свой — своего хорошо бьёт!

— Хорошая работа, — одобрительно кивает ассасин. — Пошли, разберёмся с пилотом.

Но нашего вмешательства не понадобилось — котёра разорвал его, как обезьяна — газету.

— Ненавижу ворон, — произнес С'Драсса, аппетитно облизывая усы.

...— Иди-ка сюда, остроухий, — Стелсс поманил к себе двумера.

— Алексей, прекрати, — отмахнулся Вяземский, — мне уже один чёрт не жить. Дай мне переселиться в новое тело, тогда и поговорим.

— Двумер, ты гений, конечно, но дурак дураком! — фыркнул Стелсс. — Ты одушевил своего робота кучкой остаточных зарядов из трупов! Ты трактат "О сущности бестелесных созданий" читал?!

— Ну... это... читал... — Леонард как-то растерял уверенность.

— Хреново ты его читал! Там чёрным по белому написано — нельзя собрать с мёртвого тела остатки заряда, не собрав остатков сознания. Ты создал новую личность — она отторгнет твоё сознание.

На лице двумера отразилось крушение всех надежд. Он и сам всё понимал, только упорно не хотел этого замечать. Надежда — компас земной, но в таких случаях она камень на шее.

— Теперь ты попадёшь в не в Небесный Механизм, а в Пепелище Проклятых! — продолжал ассасин. — Но есть для тебя один вариант. Предупрежу — мучительный.

— Ты о Подвиге Очищения? — вздохнул двумер. — Наша раса его не признаёт.

— Твоя раса сейчас блуждает во тьме и глотает пепел! — теряя терпение, заорал Стелсс. — Да, именно тебе даётся шанс понести муки двух народов — или исчезнуть вообще с лица мироздания! — и, переведя дух, добавил. — Мы будем Свидетельствовать.

Каджит и я покивали.

— Ладно. Дайте мне пару часов.

Да, перед обрядом нужно привести земные дела в порядок.

...Чем занимался в своём кабинете ученый? Трудно сказать. Но, спустя часа четыре, вышел. Сейчас будет раздавать Дары — тоже условие Подвига.

— Тебе, сын народа Каджитов, оставляю все свои разработки — ты знаешь, что с ними делать. — Леонард показал рукой на стеллаж.

С'Драсса приложил лапу к сердцу и поклонился.

— Тебе, воин Тьмы, оставляю полный комплект тональных ключей от всех двумерских механизмов — ты найдёшь им применение. — В руки ассасина легла шкатулка с десятью шариками, размером с мандарин.

Лёха поднял шкатулку над головой и склонил голову.

— Тебе, паладин Света, оставляю механического слугу и коллекцию двумерского оружия — используй их с толком. — В мои руки лег неимоверно уродливый игрушечный робот.

Я упал на одно колени и поднялся.

— Свой дом и пятую часть денег оставляю своему секретарю — Наталье. Свой автомобиль и пятую часть денег оставляю своему водителю — Михаилу. Свою технику поровну и по пятой части денег оставляю своим помощникам — Игорю и Олегу. Оставшиеся деньги оставляю Крымскому центру развития одарённых детей. Патенты на своё имя оставляю Российской Академии Наук. Свою библиотеку и магические наработки оставляю Триумvirату Крыма. Созданному же мной механическому человеку оставляю свободу самому творить свою судьбу, — закончил "раздачу слонов" двумер.

Много лишних слов и пафоса, скажете? Ритуал обязывает.

...Центральный обряд Подвига Очищения — дело смертельно опасное. Не для Подвижника, но для Свидетельствующих. Нужно будет держать ментальный фокус до конца, иногда — многие дни. Иначе... возможны варианты, только они никому не понравятся!

Светлый становится по правую руку. Темный — по левую. Адепт Изначального Единения — за головой.

— Я, сын народа Спящих, Анатолий Михайлов, именем Света призываю Подвиг Очищения для Леонарда — сына народа двумеров.

— Я, сын народа ассасинов, Алексей Стелсс, именем Тьмы призываю Подвиг Очищения для Леонарда — сына народа двумеров.

— Я, сын народа каджитов, С'Драсса, именем Изначального Единения призываю Подвиг Очищения для Леонарда — сына народа двумеров.

Тут важно почувствовать течение Силы в себе. Если же не почувствуешь — вызвать это ощущение искусственно. А теперь...

— Леонард, сын народа двумеров, именем Света заклинаю тебя — паче Вечности в Небесном Механизме возжелай Очищения.

— Леонард, сын народа двумеров, именем Тьмы заклинаю тебя, прими душою преступление народа своего.

— Леонард, сын народа двумеров, именем Изначального Единения заклинаю тебя, понеси страдания двух народов.

Видал я пляски Святого Витта при сеансе экзорцизма. Видал, как корежит эпилептиков в припадке и наркоманов при ломке. Но как изогнуло двумера...

— Мои глаза... не... могу... дышать... А-а-а-а! — заорал Леонард.

Он орал десять часов. Давился обломками своих крошащихся зубов. Потом, сорвав голос, хватал ртом воздух, как рыба на суше. Из глаз его текли кровавые слезы, из кожи, вместо пота, сочилась кровь. На теле выступали ужасные раны, следы ожогов, гнилостные язвы. Судороги были такой силы, что трещали кости. Но страдания нельзя облегчать — можно лишь держать за руку. Это, кстати, та ещё психологическая задача — ведь любой паладин, часто даже того не осознавая, умеет облегчать боль. А сейчас нужно удержать этот дар в себе.

...Может, прошли часы, а может, дни. Рук и ног я не чувствовал, глаза слезились, кожа не ощущалась частью организма. Как вдруг искаженное страданиями лицо двумера преобразилось — облегчение и покой.

— Я, сын народа Спящих, Анатолий Михайлов, именем Света отпускаю душу Леонарда, сына народа двумеров к Новой Жизни.

— Я, сын народа ассасинов, Алексей Стелсс, именем Тьмы отпускаю душу Леонарда, сына народа двумеров к Вечности.

— Я, сын народа каджитов, С'Драсса, именем Изначального Единения отпускаю душу Леонарда, сына народа двумеров в Небесный Механизм.

Теперь финал — на сердце Завершившего Подвиг складывают руки — Свет, Единение и Тьма.

— Прощайте, — одними губами произнес двумер.

— Прощай.

— Прощай.

— Прощай.

Когда эльфы умирают, тел не остается — они полностью соединяются с даровавшей им жизнь стихией.

... — Прибыл "Кэзуки", господин адмирал, — тэнгу показал командиру, статному вороночеловеку в красивых доспехах, на корабль. — На автопилоте...

— Почему они прилетели на автопилоте? Проверить, — приказал адмирал.

Едва грудь металлической птицы раскрылась, взорам собравшихся офицеров предстали шесть растерзанных трупов. Их силовой брони и оружия в корабле не оказалось.

— Привет от Алексея Стелсса, убийцы твоего прадеда. Умри достойно и ты! — прочитал адмирал иероглифы, написанные кровью на полу, и перешёл на крик: — Выбросить корабль в космос! Это ловушка!

На борту "Кэзуки" имелось ядерное оружие — излюбленный довод в "дипломатии" тэнгу. А Лёха Стелсс положил одну боеголовку на самое видное место и запустил на ней систему самоуничтожения. На глазах собравшихся таймер отбил последние секунды...

Офицеры-тэнгу бросились врассыпную. Адмирал, как полагается настоящему полководцу, даже не попытался бежать, только прикрыл глаза. Он знал — от атомного взрыва не убежишь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— за гранью реальности
фентэзи (в нашем случае, — истории с разного рода "попаданцами")

"ЛЮСИ В НЕБЕСАХ, С БРИЛЬЯНТАМИ..."

ВАРВАРА ЧЁРНАЯ

г. Керчь.

(крымский писатель, вне конкурса).

Распрямившись с позвоночным хрустом, покрутив затёкшей до боли шеей, встав на четвереньки, подумал вдруг: — "Сдаётся мне, мы в такой экспозиции как раз и напоминаем собой искомое ископаемое..."

И то правда. Ни дать ни взять — первобытное человечье стадо в извечных поисках пропитания: сидят заросшие донельзя мужички на корточках, ковыряют в земле вкусные корешки, луковички да червячков... разве что палки-копалки мудрёнее, чем у ископаемых предков — со щёточками, скребками и кисточками. Да ещё энтузиазма, пожалуй, поболее. Тут и там мелькают потные спины, косматые головы в таких земляных отвалах, будто год того съедобного корешка не видали. И шурфом, и горизонтальной вскрышей и срезом — всё роют, не щадя заросшего, загорелого дочерна, рыла. Одним словом...

Палеоантропологическая экспедиция Этнографического музея народов Севера.

Крым.

Почему вдруг Крым?

...А вы сами в вечной мерзлоте покопайте.

А тут, после адского солнцепёка на глинистом дне оврага, хоть и спустя пятнадцать минут тряски в пригородном

душном вагоне, да получаса пыльными закоулками дачной станции, но — море. Нет, не так: мо-оре... Мелководное, до горизонта бредёшь — всё песок под ногами и купоросная синева впереди. Тёплое, как в корыте дворового детства, но по-взрослому: с сочным шашлыком на бумажной тарелочке, с запотелой бутылочкой пива, с Люси... такой прямоходящей, что и сам рядом с ней чувствуешь себя "homo erecticus".

Кстати, где она? Люси?

Это единственное жизнеутверждающее исключение в нашем вымирающем виде "homo civilization".

Да, есть в нашем "первобытном стаде" и самки. Нет, не те идолы матриархата, что торчат в углу краеведческого музея, кормилицы племенные — вымя до пупа, ляжки — вокруг хоровод водить, круп — с кургана трактором не своротишь. Нет, наши ни на "каменных баб" не похожи, ни вообще... Точно в интернете по клику родились, да так и остались "никами". Никакими. Одно слово, — героини рекламы чипсов. В миру первокурсницы историко-архивного. Что их понесло прежде архивной пыли, археологической земляной нюхнуть будто те пороху? Видать, не туда "like" поставили Вконтакте. Вот и выгребают теперь минуту помутнения разума часами, днями и целыми тачками времён Стахановых. Лезут из земли-матушки, как из "3D" принтера, материализуются в реале. И в итоге всей разницы между каким-нибудь нашим Энгельсом, личным примером утверждающим, что, де: "труд сделал из обезьяны человека" и этакой "аватарой" Цеткин — только отсутствие хрестоматийной бороды, да большая затейливость на макушке — кости заколок и ягодки бусинок в войлочных косичках. А так, и у тех и у других, — драные тряпицы маек с маркировкой латинского шрифта, штаны с накладными карманами, а на обгорелых плечах сплошь синюшные руны и иероглифы, — не зная работ Шампольона, разницы и не заметишь.

Люси другая, она почти Люська. Она "здесь и сейчас", а не в шоке от реальности. Её даже по внешнему виду отличить можно — у неё шляпка соломенная и сарафан летние, и глаза вот такие, что и в тени шляпки — огоньки зелёные болотные,

фосфор циферблата ночного, гнилушки кладбищенские. И это при том, что в нагрудном, о двух пуговицах, кармане у Люси старинный медный хронометр, а в складках кукольной юбки — гаечный ключ на 32-34. Потому что "Люси" — это её подруги интеллектуалки наши зовут, а она сама себя — "Люськой", потому как техник экспедиции.

Что за техника может быть в антропологической экспедиции, где и совковая лопата кажется непростительным варварством? Да как у всех с 2020 года. У геологоразведчиков, физиков-ядерщиков, палеонтологов и других мародёров... "Археоскоп". Только вот не надо сейчас впадать в панику, звонить "куда надо" или ждать исчезновения антрекота со стола или превращения его в живого антрекотерия. Ну и что, что мы по определению занимаемся древнейшей историей человечества?

И у нашего археоскопа, согласно положению №1 Пекинской мирной конференции "Об итогах информационной войны", стоит пломба, предупреждающая проникновение в историю человечества.

Тут, наверное, необходима теоретическая часть, но ей-богу, мало чего понимаю в теории первобытного информационного поля, — знаю только, что древняя гипотеза: "Вначале было Слово" нашла своё подтверждение в том, что "слово" это таки нашлось записанным во всеобщем информационном поле, и читать его, к всеобщему же облегчению, научились раньше, чем поняли: искать составляющие бозона Хиггса — труд Сизифов. Нет никакого первоначального кирпича в грандиозном сооружении вселенной, материя неукоснительно переходит в идею и обратно.

А ещё знаю, что стоит хотя бы случайно задеть эту пломбу на шестерне временной синхронизации (ударение на последнем слоге), как тут же материализуется совершенно невменяемый инспектор временной полиции (ударение на последнем слоге), и зачистку нелегальной "импровизации" начнут с нас. А это ужас как неприятно, когда по извилинам твоего мозга ползает

на четвереньках дознаватель, даром, что нано. У меня так лазала одна... судебный исполнитель, скрытые доходы на алименты выискивала. Найти так и не нашла, но я и сам потом вспомнить не смог, откуда деньги на чеке-чипе — ожоговая зона образовалась. До сих пор... спроси меня: "деньги есть?" — и тут же забываю, не только куда положил, но и у кого одолжил.

Так что, никто в здравом уме к той пломбе чёртовой и не прикоснётся.

Соответственно, всё, чем нам может быть полезен техник археоскопа — подогнать такую экспозицию верхнего кайнозоя, чтобы бродили в ней стада гоминидов, беременных кроманьонцами. Чтобы роды принять у рода человеческого, но...

Вот уж пять лет, как прошла первая эйфория, когда казалось, вот-вот обнаружится переходный вид от человекообразных к обезьяноподобным. Первый гомо, ошарашенный самосознанием, скребущий в затылке: "Ну, и что дальше?" Недостажущее звено эволюции. Но, сдаётся мне, неспроста орды антропологов, теологов и адвокатов КПРФ, вооружённых скрытыми камерами археоскопов, так до сих пор и не документировали ни момента рождения "*homo sapiens*", ни час сотворения Адама из праха земного. Тогда как на драку новоиспечённых Авеля с Каином — это да, натыкались то и дело. А так...

Так никак и не сыщут ни в Сибири, ни в Африке, ни даже в Киеве ни праотца, ни праматери, мать их. Вот и пропадает Люся на пляже после первой же рекогносцировки: "здесь улиток высасывали, а здесь уже выколупывали, — копайте посередине"...

...И всё-таки, где же она сейчас? Должна бы уже и вернуться в лагерь? Она, умница, на пляж только в утреннюю дымку или в ночную прохладу. А сейчас, самое, что ни есть, полуденное пекло. Неужели, опять?..

Ну, точно! Вон. Визжит. Вон её "хохлома" на загорелых икрах торчит из прорехи шурфа — я ж говорил, не такая как все: у всех татуировки — скандинавские руны с китайскими иероглифами, а у неё хохлома, наша, — чёрные волки с золотыми сиринами в красной смородине.

И чего визжит-то? Опять нашла, наверное.

— Ой, какой чайничек симпатичный! — высунулось наивное личико в веснушках рыжей пыли из-под земли. Смотрит из-под перекошенной шляпки изумрудным весёлым глазом, одним: — А я думала чья-то нора, заглянула, — кто там? А там, вот!

И протягивает угрюмый, заржавелый от древности, череп.

Нет, никто, конечно, прочь не шарахнулся с лошадиным хрипом. Всё-таки, самое то, что ищем. Ископаемые останки.

Сгрудились. Загладели, но как-то безрадостно.

Вроде бы радость какая для палеоантрополога, — не зуб одинёшенек, с которого потом целый портрет Герасимова лепить, а полноценный череп, целехонький, почти. Но... и впрямь, с ручками глиняными вместо ушей, черепная крышка на темечке, опять-таки, с пипочкой, чтоб открывать. Как ни крути, — сосуд. Но странный какой-то. Чего ты в него нальёшь, если глазницы, подведённые охрой, насквозь светятся?

Но Люська сообразила:

— А, сообразила! Это такое чайное ситечко на большой племенной самовар. Вот и заварка. Чуток осталось... — и выскребла со дна мозжечкового ложа пучок красноватой трухи.

Да, пусть хоть сомнительное чайное ситечко, а не бесспорный кремневый скребок. Один чёрт, уникальная находка, кто ж ожидал в столь раннем палеолите...

— Везёт же... — простодушно выдохнула одна завистница.

— Сама знаешь, кому везёт... — буркнула другая.

Да уж, Люська у нас невезучая, как Алиса — в каждой норе, да сыщёт "Wonderland" на свою голову, и кролика в проводники не надо.

Что у неё там на этот раз?

— Судя по всему, культовая сооружения... — высунул голову из земляной норы Ухты Терентьевич, руководитель нашей экспедиции.

Похоже, профессор тоже находке Люси не особенно рад. Смотрит на обнажившийся угольно-рыжий панцирь глиптодонта с тоской, на декоративно сплетённые рога эласмотерия над очагом в окаменелом клюве эпиорниса, — вздыхает:

— Опять промахнулись, однако...

Панцирь гигантского броненосца, определённо, — жилище допотопного колдуна, шамана, кудесника, в общем, мейнджера по связям с общественностью. А череп, должно быть, утварь для экстаза или РР исступления.

Оно, конечно, понять профессора можно — найти патриарший череп такой редкой сохранности был бы прямой путь в энциклопедию, но с крышкой и ручками — нет, не в нашей статье. Антропоген. Ещё одна ранняя культура на заре человечества. Но никак не переходный вид из зверей в люди, увы.

— Увы... — с досадой повторяет Ухты Терентьевич и срывает досаду на ни в чём не повинной Люси. — Потрудитесь, однако, назавтра рассчитать синхронизацию ниже в плейстоцен лет этак... — и запнулся.

Вот именно, скоро до динозавров дойдём, а всё антропоген, да: "Авраам породил Иакова..." И ни разу — "Обезьян породил..."

Ухты Терентьевич сердито махнул рукой, запахнул свою меховую доху, расшитую пиктограммами оленей, нерп и геологов:

— На десять лет. Будем опираться на эволюцию катастроф... — и ушёл в свой чум, который, как он утверждал — как и доха, — прохладней наших нейлоновых "скороварок".

А мы с Люськой пошли пить чай. У неё свой походный самовар имеется, медный и с сапогом, но с урановой топкой. Так что, пока он пытит синим пламенем — никто к палатке её не подходит.

...— Ты в чай ничего не добавляла? — наконец, спросил я Люси, когда и чешуйчатый панцирь глиптодонта перевалил через земляной отвал раскопок и взмыл в раскалённое небо, помахивая шишковатым хвостом...

До этого я старался не обращать внимания.

Ни на тираннозавров, таскающих мощные валуны в куцых двупалых лапках по тропкам циклопических корневищ, бодро ползущих на древние стены — кажется, башни, что

уступами уходит в дыру медного неба, склёпанного латка на латке, с театральными люстрами на цепях. Судя по узору — созвездий. Ни на неуклюжих птеродактилей, неловко кидающих на лету в пасти тираннозавров туши козлов, отчего то один, то другой ящер, увлекшись ловлей, обрывается с узкой тропы, с рёвом летит вниз, и... — плюх, взрывается зелёноватая тина. Жадно скрежещут многостворчатые челюсти рака, перемалывая хребет динозавра. И кто-то, отсюда невидимый, громогласно вопит из дыры медного неба в рог бронтотерия: "Поберегись!" С грохотом многотонные капли раскалённой лавы падают в сосновый бор, но, видимо, остывают на полпути, валят вековые сосны, буреломом скатываясь в низины... — а мы потом считаем эти одинокие глыбы пришельцами ледника. А выходит, что отходы строительства, потому как на титанических стенах, несмотря на затейливость швов, — ни малейшего зазора. Впрочем, что там — "мы думаем"? Мы, как ни в чём не бывало, готовимся к обеду. На дощатый стол наши девицы выставляют порционные лотки, вытряхивают в них бефстроганов из горячих консервов и ляпают половником тающий борщ...

Никто, кроме меня, похоже, и не видит, как слепо тычутся в лотки, приносиваются к борщу гигантские сороконожки, выползшие, явно, из каменноугольного периода.

— Ты что в чай подсыпала? — вновь повторяю я слабеющим голосом.

— Заварку из черепа... — также чуть слышно отвечает Люси. — Из чайничка.

— Ну, слава Богу... — пытаюсь найти я хоть что-нибудь утешительное в понимании ситуации. — Я уж думал археоскоп сам собой включился.

— Сам собой нельзя... — сомнамбулически, как затверженную инструкцию, шепчет Люси и даже запретно машет пальцем. — Только по согласованию с временной инспекцией в режиме online.

Мы оба смотрим в сторону контейнера-бокса, где прячется археоскоп.

И хором:

— Ну, ни фиги се...

— Что за?..

Я-то думал, что после зрелища того, как выючные динозавры строят Вавилонскую башню, меня уже ничто не возьмёт, не проймёт. Но, чтоб так вульгарно? До такого и Голливуд не опустился бы, постеснялся.

— Черти! — отметая последние мои сомнения, ахнула Люська.

Точно, черти.

В нижней части парнокопытные, со свиными рыльцами, с козлиными бородами и рогами, бычьими хвостами от назойливых мух. Они вытащили из бокса археоскопа какой-то рыжий свёрток, с виду — невыделанной кожи. Остановились, завертели туда-сюда свиными рылами.

— Куда? — визгливо спросил самый маленький и вертлявый.

— Профессору ихнему, прямо под нос... — со скрипучей мудростью ответил самый скрюченный и седобородый. — У него сейчас жажда реванша гастритом пошла.

— Сколько можно... — ворчливо буркнул тот, что с самым скептически сморщенным рылом. — Всё им недоказательно. То объём черепа слишком мал, то неандерталец не родня, а рахит, то аборигены башку прадедушки слишком уж крошили, — а чего ты им пфенниг за кусочек предлагал? В "первого англичанина" из Пилтдауна сколько верили? С 1908-го по 1951! Больше сорока лет! Нет же, место крепления челюсти, видишь ли, подозрительно сломано, так что и гамадрила присобачить можно...

— Заткнись, ты... — бросил через горб самый злобный, судя по сдвинутым косматым бровям.

— Вот именно... — поддакнул седобородый, не то ему, не то его оппоненту. — Номер с любимицей всех антропологических музеев более не пойдёт. На вторую "Люси" их уже не купишь, до генотипа докопались...

Я вопросительно посмотрел на Люси, но она ответила мне возмущённой вспышкой зелёного фосфора глаз, зашипела:

— Он не про меня. Это самый знаменитый гоминид. Вроде как баба из Эфиопии.

Я неуверенно кивнул, пытаюсь припомнить, — видел ли когда-нибудь эту "Люси" на полке профессорского кабинета. Там у него копии всех хрестоматийных реставраций древнего человека. Такие, знаете ли, рожи...

Я снова покосился на Люси — "не дай Бог", а ну как со временем генотип прабабки проклюнется?

Моя Люси возмущённо фыркнула.

— На этот раз, по распоряжению князя, англосаксонский набор генов капсулирован в мумифицированных тканях та-зобедренных сухожилий... — менторски воздев палец, заявил самый интеллигентный, судя по пенсне, закреплённом на свином пяточке, из нечисти: — А англосаксы всегда были нашими вернейшими союзниками. Вспомните, как в 2017-ом они разложили изнутри даже Европейский халифат!

— Ага... — снова буркнул скептик. — А теперь все вместе на богомолье в Кижи ходят.

— Ладно, хорош демона Агитпропа подкармливать, — властно скомандовал седой. — Нам ещё профессорский шурф углублять, зубы Хамовы сеять, чтобы в азарт вошёл...

— Не надо копать, Ваше Превосходительство! — вдруг завертелся самый вертлявый. — Вон, посмотрите! Как раз в профессорском шурфе! Конкуренты там... — и попятился за спину скептика.

Я тоже обернулся туда, куда он махал тонкой мохнатой ручонкой. Из чёрной дыры шурфа, который и впрямь разрабатывал сам профессор Ухты, вдруг вырвалось золотое сияние, а чуть погодя над ней распахнулись радужные, пёстрые, точно у тропической бабочки, но отнюдь не чешуйчатые, — самые настоящие крылья. Из пуха и перьев, разве что на рулевых перьях две строгие угловые полосы и вензель "ВН".

— "Воинство Небесное..." — прозвучало не то у меня в мозгу, не то отовсюду, но как-то беззвучно, хоть и не бессловесно.

И точно...

— Здравия желаю, господин капрал! — сморщил дряблое свиное рыло в лъстивой гримасе седобородый.

— Я с предателями не разговариваю, — также неслышно, но явственно отозвался "глас свыше". — Берите, товарищи... — это уже в шурф, своим, надо понимать

— Куда этого? — многоголосым эхом отозвалось из земляной норы.

— "Обителей у Отца нашего много". В дезинсекцию для начала...

Из чёрной дыры, безвольно отвесив могучую челюсть, появился сначала череп с объёмом черепной коробки с хороший пивной бочонок, затем взмыл весь чудовищно мосластый, коровьей мощи, скелет. Ну, точно как по запросу в "Googl": "Останки библейских титанов — правда или мистификация?"

Проведя взглядами циклопический скелет, мы с Люси переглянулись. Она вдруг сказала:

— Ну, я ещё понимаю. Я Люси — я видела. А ты, с какой стати?

— Так ведь чай! — почему-то даже обрадовался я. — Чаёк колдовской, допотопный!

— Ну, да... чаёк... — вздохнула Люси и поджала вишнёвые губы.

Наутро из бокса-офиса археоскопа вдруг вышел временной инспектор, — ударение на последнем слове, — посмотрел на всех нас подозрительно, но позвал внутрь только Люси и профессора, где предложил подписать акт о производственном браке в приборе. Мол, сам по себе включается, когда не просят.

Акт Люси нехотя, но подписала.

И всё снова встало на свои места. Согласно инвентарной описи эмпирического опыта "Люси".

Но не Люськи. Ибо... "Lucy in the Sky with Diamonds!"

"ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ УЛЬРИХА"

ГОРЯИНОВА АСЯ

г. Санкт-Петербург
(лауреат конкурса)

"...когда одна осталась пуля
а ты врагами окружён
стреляй последней пулей в солнце
и уходи пока темно"
© *douchine*

Айрат поправил ляжку вещмешка и поудобнее перехватил лопату:

— Ну что, готовы? Сколько можно копать?

— Идём, идём...

Группа из пяти человек двинулась в сторону оврага. Айрат с Егором шагали быстро, Света с Таней немного отстали. Паша, не так давно вступивший в отряд, едва поспевал за остальными.

Под подошвами ботинок похрустывал песок. Майское солнце палило нещадно, намекая, что летом будет еще жарче.

— А далеко нам вообще? — спросила Света.

— Скоро поворачиваем. Где-то здесь была метка... — оглянулся вокруг Айрат.

— Метка? — спросил Паша, тоже завертев головой.

— Да каска немецкая, совсем убитая. Сто лет висела на дереве, как ориентир. Забрали, что ли?

— Кому она нужна?

— Знаешь... — Айрат поморщился, будто бы от зубной боли. — Сейчас на всём деньги делают, даже фрагмент продать могут.

— Черныши что-то совсем оборзели. Тащут всё, что увидят, — проворчал Егор. — Кроме отрядов, солдат почти никто не ищет.

Вонь сигаретного дыма расплзалась в горячем воздухе, смешиваясь с ароматами выгоревшей травы и раскалённого песка. С моря доносился запах соли и водорослей. Шелест ветвей смешивался с далекими криками чаек.

Место, где раньше висела каска, оказалось пустым, но по знакомому расположению траншей нетрудно было определить, куда идти дальше.

— А пакет кто-нибудь взял? — на всякий случай уточнил Айрат.

— У меня есть. Даже два, — с готовностью отозвалась Света. В её рюкзаке чего только не было: запасливая как белка, она прихватила всё необходимое для похода, включая аптечку, фонарик и немного еды.

Местность начала снижаться, и вскоре под ногами зазеленела трава — в низинах сохранялась влага.

— Видишь, вон там — высотка такая зелёная? Значит, идём верно, — Егор аккуратно сложил потрепанную карту и застегнул карман.

— А далеко ещё? — не выдержал Паша. Его, не привыкшего гулять в такую жару, солнце успело порядком dokonать.

— Не очень, — Егор на секунду обернулся и, глянув на измученного приятеля, с досадой закатил глаза: — Придём на место, передохнём.

Через самые крутые высоты группа перебиралась медленно — к полудню умотались даже самые опытные. По вспотевшим лицам ручьем лился пот, песок, накопившийся в ботинках, натирал ноги.

Наконец показался овраг.

Вид его говорил сам за себя — да так красноречиво, что даже Паша не стал задавать вопросов. Под ногами виднелись заросшие травой памятки войны — фрагменты пулемётных дисков, ящички из-под мин, осколки самых разных форм и размеров. Становилось ясно, что бои здесь шли нешуточные. Ещё бы! Оборона Крыма — жесточайшая была операция.

Света включила металлоискатель — и он тут же просигналил.

— Подожди, повыше выйдем, — отозвал её Айрат. — Не надо здесь искать.

— Почему? — праведно возмутился Паша. — Если здесь звенит?

— Потому что по плану мы хотели до позиций добраться! — раздражённо отозвался тот. — Смысл останавливаться на каждом шагу?

— А... Ну ладно.

Траншеи, когда-то вдоль и поперёк разрезающие землю, превратились в неглубокие канавки. По пути то и дело попадались воронки с яркой зеленью на дне.

— А ведь там есть что-нибудь, точно, — воодушевленно протянула Света, заглядывая в ближайшую.

— Давайте проверим! — воодушевился Паша.

— Ты забыл про план? Нам чёткое задание дали! Не трать время на постороннее, — Айрат посмотрел на него, как на дурака. — Вернемся сюда потом как-нибудь.

— Раскомандовался! — засмеялась Света.

— Так точно! — хмыкнул Айрат.

Оказавшись на месте, ребята разбегались в разные стороны. Запищали металлоискатели. Не прошло и получаса, как раздался стук лопаты.

Полуденное солнце замерло над головой, превращая окрестности в подобие раскаленной сковороды. Прохладный ветер, добираясь до этих мест, предательски нагревался. Деревья от жары тоже не спасали — в тени было прохладнее на каких-то несколько градусов. Айрат, проклиная отросшую чёлку, липшую ко лбу, подумывал объявлять окончание работы, когда издалека раздался радостный Светкин вопль:

— Есть!

— Что у тебя? — крикнул Паша, высываясь из раскопа.

— Кажись, каска... О, и что-то ещё!..

Возле Светы мигом образовался "зрительный зал".

— Пощуплю-ка я вокруг, — пробормотал Егор, схватив щуп и принимаясь деловито топтаться рядом. Металлический

прут пронзал землю через каждые пять сантиметров, точно по инструкции — хоть линейкой измеряй.

Вскоре на отвале аккуратной грудой были сложены каски, подсумок, остатки ткани с крупными чёрными пуговицами, блестящая ложка-вилка и потрескавшаяся рыжая коробочка — хлорница.

— Костей-то нет... — пробурчал Егор, переворачивая развалившийся ботинок. — Похоже, тут до нас кто-то поработал.

— Да погоди ты...

На отвал шлёпнулся противогаз — стеклянные глазницы таращились в небо.

— А в лагере сказали, чтобы без бойца не возвращались! — вспомнил Паша наставления командира. — А этот не считается?

— Не-а, — ответил Айрат.

— Придётся здесь оставаться, — крайне серьёзно отметил Егор, незаметно для Паши переглянувшись с остальными. — Или у соседей ночевать.

Света согласно кивнула и снова взялась за лопату:

— Вот!.. Хватит причитать! Глядите — кости!

Она вытянула на свет отлично сохранившуюся берцовую кость и несколько помельче. Прошло столько лет, но песок сберёг их, не давая отсыреть и сгнить.

К этому моменту тишину можно было резать ножом. Сгрудившись вокруг ямы, все застыли в смутном ожидании. Что, если хлорница и прочие немецкие вещицы оказались здесь случайно и принадлежали вовсе не своему хозяину? Всё может быть!

Отвал рос, но находок не прибавлялось. Света устало потянулась и вылезла из ямы. Егор на всякий случай опустил на дно металлоискатель, и тот неожиданно запищал.

— Ага! Тяни!

Жетон — тускло блестящая овальная пластинка — приятно холодил ладонь. Егор аккуратно счистил землю и прищурился:

— Два, четыре, аш, зет... Не всё видно. А если...

— Номер подразделения? — Таня отобрала у Егора жетон и нахмурилась. — Надо будет посмотреть, как они расшифровываются. Наизусть не помню, если только...

— Да ладно, в лагере разберёмся, — Егор с расстроенным видом подхватил лопату и рюкзак. Чуда не случилось: солдат оказался немцем. — Погнали домой. Всё равно, день насмарку.

— Успеем, — Айрат забрал жетон, завернул его в платок и спрятал в карман.

— Стойте, тут что-то ещё... — Света наклонилась и вытянула из ямы бесформенный с виду комок. Она аккуратно очистила с него землю, и стало ясно, что это кошелек. Сквозь истлевшую кожу явственно прощупывался плотный квадратик бумаги и металлические кругляшки.

— Сокровища? — с лёгким презрением фыркнул Айрат.

— Клад, — Света аккуратно отогнула застёжку, и на свет показался краешек пожелтевшей бумаги. — Ничего себе, смотрите!

В солнечном свете желтоватый квадратик бумаги почти светился. На фотографии замерли двое — женщина и мальчик лет шести. Подложив ладонь под щеку, ребенок безмятежно спал на тюке с вещами, а женщина берегла его сон. Её тревожный взгляд, выражал обещание ждать столько, сколько потребуется. До конца войны, до конца неизвестности, до конца жизни...

— Первый раз вижу, чтобы фотография так хорошо сохранилась! — изумилась Таня, осторожно потирая большим пальцем потрескавшуюся поверхность фотобумаги. — "Ульриху от Эльзы и Марка", — прочла она на обороте. — Год не разобрать, размыло...

— А внизу? Видишь, совсем мелко... — Света указала на ряд микроскопических буковок у самого края.

— "Wartet auf Sie und wir lieben", — по слогам разобрала Таня. — "Ждём тебя и любим".

— Не дождались своего Ульриха — подвёл итог Паша, загружая мешок с костями в рюкзак.

Добавить было нечего и маленький отряд двинулся в обратный путь.

Лагерь находился на самом берегу — вечером можно было искупаться в море. До заветной мечты окунуться в прохладную воду оставалось несколько часов ходьбы. Уставшим и нагруженным инструментами поисковикам эти часы казались вечностью.

— А мы в ту сторону идём? — спросила Таня, остановившись у каких-то развалин. — Я такого места не помню.

— И я, — Света вытащила компас, до этого момента совершенно не нужный: — Вообще не понимаю, как тут можно было сбиться... Мы не так далеко забрались, разве нет?

— Это всё усталость, — вздохнул Айрат, переступая с ноги на ногу. — Да и гмохи не дремлют.

На этих словах все, кроме Паши, переглянулись между собой.

— Какие ещё гмохи? — проворчал тот.

— Это такие... существа, типа. Следы путают, бардак ночью в лагере наводят, — с самым серьёзным видом пояснил Егор.

— Да ладно!

— Ты их ещё точно повстречаешь, если не сбежишь от нас, — припугнул его Айрат.

Приближался вечер, и резкая жара постепенно сменялась прохладой. Это могло бы радовать, если бы не предстоящий ночной холод.

По времени следовало бы уже оказаться в лагере.

— Понятия не имею, где мы, — с досадой признался Егор. Не глядя на остальных, он устало опустился на песок и вытащил флягу. Воды оставалось на самом доньшке.

— У самого синего моря, — пропел Айрат издевательски тонким голосом. — Знаете, кто нас завёл? Этот вот, — он выразительно потряс рюкзаком, в котором "путешествовал" найденный немец.

— Что ты несёшь? — фыркнула Таня. — Просто наш командир повёл нас не туда! — она опустилась рядом с Пашей и вытащила телефон: — Сеть не ловит!

— Знаете что, умники... — Айрат нахмурился и со злостью отбросил лопату на песок. — Следующий раз поведёт кто-нибудь из вас, договорились!?

— Может, тогда и домой успеем!

— К следующей вахте!

— Так, тихо! Заткнулись все! — Егор выглядел не на шутку разозлившимся. — Лучше подумайте, как нам выбраться!

— Ножками, — съязвила Света.

— Поведёшь? — всё ещё не мог успокоиться Айрат.

— Я сказал, хватит! — прикрикнул Егор. — Может, мы что-то услышим, если вы все не будете орать...

— Надо было навигатор брать, — проворчал Паша. — Ну а что? Карта есть, координаты есть...

— Не рассчитывали же так забираться, — покачал головой Егор. — Ничего. Если что — с утра выберемся.

Темнота сгущалась быстро. Алый мяч солнца укатился за горизонт, и на небе зажглись белые точки звёзд. Из тут же собранной сухой травы запалили небольшой костерок.

— Дайте, что ли, фотографию посмотреть, — попросила Света.

— Теперь хоть всю ночь любуйся, — фыркнул Егор, запустив пальцы в нагрудный карман.

В мерцающем свете костра казалось, что люди на фотографии оживают, движутся, покачиваясь из стороны в сторону, пытаются вырваться за пределы бумажного квадрата. Света рассматривала незнакомые лица, стараясь не думать о том, кого ждали Эльза и Марк. О том, кто лежит здесь, в чёрном мешке.

— А ведь точно, из-за него мы тут сидим, — устало зевнула Света. — К своим, наверное, тянется, вот и завёл нас не туда.

— Ещё одна! — закатил глаза Айрат. — Хватит бред нести, надоело!

— Может, оставим его здесь? — тихо спросил Паша. — Ну его...

— Так нельзя, — Егор подкинул ещё веток в костёр и стянул сапоги, поворачивая их голенищем к огню. — Мы должны

всех вынести, иначе для чего мы пришли в отряд? Передадим этого куда надо... Смотри, в лагере такой ерунды не ляпни.

Паша смутился и замолчал, оставаясь при своем мнении: "Это же немец, подумаешь! Кто его искать-то будет?... Это из-за него мы весь день зря потратили, получается... Да и кто бы что сказал, если бы мы его бросили?.."

Местность остывала и становилось по-настоящему холодно. На небо вышла полная луна. В колючих зарослях, заполнявших низины, надрывались цикады.

— А нас, кстати, не ищут? — протянул Паша, в десятый раз вытаскивая мобильник. — Я сегодня маме обещал позвонить.

— Позовут — услышим, — подбодрил его Айрат. — Надо постараться уснуть, чтобы побыстрее настало утро.

Тревога не давала никому забыться. Егор не вынес молчания и принялся напевать какую-то песню. Что-то про море, матросов и подвиги.

К двум часам одежда отсырела от выпавшей росы. Цикады успокоились, и тишину нарушало только пиликанье Пашиного телефона — чтобы убить время, он резался в надоевшие игрушки. Девочки задремали, положив головы на рюкзаки. Айрат лежал неподвижно с широко открытыми глазами, и то ли думал, то ли что-то вспоминал.

Паша убрал мобильник и поднялся, с хрустом потянувшись. Пора бы кое-куда прогуляться.

Разобравшись со своими делами, он вскарабкался на заросший колючками холм и закурил. Да, красиво тут, всё-таки. И вокруг — ни души.

Паша собрался уже улечься на спину и поискать знакомые созвездия, когда щелчок затвора нарушил его планы.

— Wer sind Sie? (ты кто такой?), — прозвучало из-за спины.

Паша вздрогнул и вскочил, нервно озираясь. Вокруг никого не было. Из-под ботинка метнулась ящерица. Черт бы её побрал!

— Что это? — еле слышно прошептал он. — Мне мерещится?

— Sind Sie russisch? (ты русский)? — повторил голос.

Паша резко крутанулся на пятках. Над самым ухом раздалось хриплое дыхание.

— Что?..

— Wie laufen Sie? (откуда ты сбежал?)

— Что?.. — зажмурился он.

Может, перегрелся? Или это те самые гмохи, о которых говорил Айрат?

— Sie geben mir meine? (ты отдашь мне моё?)

— Nein (нет), — пролепетал он и рванул к остальным. Петляя меж холмов, Паша слышал тяжёлые шаги и скрип ботинок.

— Halten Sie es! Ich schie?e! (Стоять! Стрелять буду!) — приказал голос. Красноречиво щёлкнул затвор.

Паша замер за холмом, пытаясь отдышаться. Сердце стучало как бешеное — того и гляди, выдаст! Ладони вспотели. Тело пробрала дрожь.

"Ну вот, кажется, стихло... Можно выбираться. Вон уже и разговоры слышны — кажется, Айрат что-то рассказывает".

Стараясь не шуметь, Паша выпрямился и шагнул к стоянке.

"М-да, рассказывать о таком точно не стоит! Айрат засмеется, остальные и слушать не станут".

До стоянки оставалось несколько метров, когда в спину уперлось что-то ледяное и твёрдое. Плечи свело судорогой, затылок онемел, а все известные слова исчезли из памяти.

Грянул выстрел. Резкая боль насквозь прошла грудную клетку, перед глазами взорвались мириады звёзд.

— Помогите!.. — прохрипел Паша, оседая на землю.

В голове стучал невидимый молот, рот почему-то оказался полон песка. Отплеываясь и отползая в сторону, Паша различил серо-сизую дымку на фоне неба.

Её очертания походили на мужскую фигуру, прямую и тонкую, будто вылепленную из седого тумана. Призрачный человек в сапогах и кителе опустил всё ещё дымившийся ствол карабина и молча застыл рядом.

Пустой равнодушный взгляд был последним, что видел Паша, перед тем как потерять сознание.

— Эй, Паш!.. — дёрнули его за рукав.

— Во даёт! Упал, что ли?

— А?.. — придя в себя, Паша протёр глаза и в панике огляделся.

— Кого ищешь? Все здесь, — не сводя с него внимательно-го взгляда, проговорила Таня. — Что случилось? Ты кричал?

Паша прокашлялся и попытался встать. К его собственному удивлению, получилось это довольно легко. Машинально дотронулся до своей груди — ладонь осталась сухой. На куртке, вопреки ожиданиям, не было ни единого разрыва.

— Где он?!

— Кто — он? — прищурилась Света.

Паша молчал.

— Иди поспи, сейчас Айрат дежурит. Потом Егора разбудим.

— Ладно.

Заснуть не удавалось: вокруг то и дело мерещился шорох шагов.

Справа послышался скрип, и Паша резко обернулся на звук. Но вокруг было пусто.

— Что случилось, всё-таки? — тихо спросил Айрат, наблюдавший за ним.

Паша, молча протянув руки над огнем, закусил губу. "Рассказывать или нет?"

Ладони всё ещё дрожали, и вовсе не от холода.

— Вы не слышали выстрела? Или взрыва? — осторожно начал он.

Айрат пожал плечами:

— Был. Это черныши, скорее всего. Или охотники.

— Ночью?

— Откуда я знаю? — зевнул он. — А что такое?

— Я слышал, как стреляли совсем рядом.

Паша нервно оглянулся и потёр колено — успел удариться при падении.

— Показалось, — с видом знатока отметил Айрат.

— Не думаю.

— Ты просто умотался, вот и всё...

— Нет, — упрямо возразил Паша. Боковое зрение уловило какое-то движение справа.

— Когда мы к тебе бежали, никого не видели, — насторожился, наконец, Айрат. — С какой стороны стреляли?

— Точно не скажу, — вздохнул Паша. Перед глазами на секунду возник образ призрачного солдата с маузером. И в каске: — Я слышал немецкие слова.

— Что? — засмеялся Айрат. — Свихнулся, красавец?

— Вы чего болтаете? — прошептала Таня, приподнимаясь на локте и отчаянно щурясь. — Спите уже.

Айрат рассеянно кивнул и повернулся обратно к Паше:

— И что за слова? Не запомнил?

— Нет, я же не знаю немецкий... Хотя... — он сосредоточенно закусил губу. — "Мейн". Есть такое слово?

— Значит "моё", — сообщила Таня, потирая глаза и усаживаясь. Застыв на несколько секунд неподвижно, она потянулась к рюкзаку. — Что там с чаем?

— С чаем ничего... Воду греть надо, — лениво отозвался Айрат. — Кто хочет чаю, тот идёт искать дрова.

— Ладно, — вздохнула Таня и встала.

Паша поднялся следом.

Не успели они выбрать направление, как окрестности пронзил громкий вопль.

— Что!?!..

Света застыла на земле без движения, раскинув руки в стороны. Таня, схватив её за руку, испуганно таращилась вверх.

— Это он, — прошептал Паша.

— Кто?

— Тот, кто стрелял.

Теперь Айрат тоже заметил призрачную фигуру — дымчатая тень дрожала под порывами ветра, матово поблескивал опущенный ствол маузера.

— Айрат! Ты видишь это? — прошептала Таня. — Или я окончательно свихнулась?

— Что он сделал? — Паша кивнул на лежащую Свету.

— Пытался что-то забрать, я видела, — с трудом проговорила Таня. — Оно... Он потянулся к Светке... и... А-а-а!.. — она отшатнулась в сторону, когда фигура дёрнулась и оказалась ближе.

Призрак вытянул руку вперед и указал на Свету.

— Gib mir meine ... (Отдай мне моё...)

— Просит ему что-то отдать, — почти неслышно перевела Таня.

— Может, фотографию? — вспомнил Айрат. — Попробуй, вытащи её.

Потянувшись к нагрудному карману, Таня вытянула на свет потрёпанную фотокарточку.

Серебряные глаза призрака ярко загорелись при виде неё.

— Halten (Держи), — прошептала Таня, с трудом заставляя себя протянуть руку к призраку.

— Danke (Спасибо), — эхом отозвался он. — jetzt kann ich weitermachen (Теперь я могу идти дальше).

Фотокарточка, оказавшись в плену дымчатых пальцев, будто бы растворилась. Тень дрогнула и стёрлась, расплзаясь среди сизого тумана.

— Gott segne Sie (Да хранит вас Бог), — донеслось уже издалека.

Паша с Айратом переглянулись и одним взглядом пообещали друг другу не рассказывать о случившемся.

Таня, прижав ладонь к пустому карману, была невероятно бледной и испуганной.

— Он ушёл ведь, да? — слабым голосом спросила она. — Что это вообще такое? Я не сплю?

— Не-а, — выдавил Айрат. Принялся было судорожно шарить по карманам, не сразу вспомнив, что сигареты закончились. — У тебя нет? — обернулся он к Паше.

Тот помотал головой.

— Что со Светой? Он в неё не стрелял? — спросил он.

— Нет, — Таня осторожно потрясла подругу за плечи.

Света приоткрыла глаза и непонимающе уставилась на ребят.

— Вы тоже видели?

— Да...

— А Егор всё проспал! — неожиданно заявил Паша, обернувшись.

— Учитесь, — хмыкнул Айрат. — Вот кому абсолютно наплевать, сколько призраков тут носится.

— Сколько?!.. — вздрогнул Паша. — Думаешь, он может быть не один?!

— Не думаю, — совершенно чужим голосом выдохнула Света, с трудом усаживаясь. — Вижу.

— Ты о чём?.. — Таня с сочувствием взглянула на подругу.

Вопрос утонул в глухой тишине. Все замерли и сбились тесной группой.

Меж холмов мерцали серые тени. И их было гораздо, гораздо больше одной.

— Мы попали, да? — нервно хихикнула Света, вцепившись в Танину руку.

— Они будут стрелять, — невпопад брякнул Паша, но не расслышал ответа.

— Что это такое, чёрт побери? — опешил Егор. Видимо, проснулся от их воплей и прибежал посмотреть. Он с остервенением потёр глаза: — Коллективные глюки? Ну-ка, кто собирал траву для костра?

— Не глюки, — наклонилась Таня и подхватила лопату.

— Откуда они взялись вообще? — Айрат осторожно вытянул нож из чехла на поясе и шагнул чуть вперед, заслоняя девочек. — Не нравится мне это...

— Что они могут сделать? — попытался подбодрить приятелей Егор. — Они же не настоящие!

— Они могут в тебя выстрелить! — просипел Паша. — Не зли их!

— Ты что несёшь?

— В меня стреляли!

— Что-то не заметно! — Егор, "очнувшись", выхватил тлеющую головню из костра и помахал ею в воздухе, сиюсь разжечь огонь: — Что предлагаете? Отбиваться?

— Так они вроде пока не нападают, — резонно заметила Таня.

— Нападут!..

— Может, убежим?!

— Куда? Они со всех сторон, не видишь?

— Хватит паниковать! — повернувшись к Тане, Айрат слегка подтолкнул её вперед. — Спроси их, что им надо!

— Что!?

— То! Ты одна знаешь немецкий! Вот и узнай, какого чёрта они столпились вокруг нас!

Судорожно кивнув, Таня сложила ладони рупором:

— Was Sie brauchen? (Что вам надо?), — крикнула она.

Призраки, все как один, обернулись на этот возглас. Строй теней качнулся и придвинулся ближе. Самодельный факел мгновенно погас, будто кто-то задул неверный огонь.

— Доигрались, — слабым голосом подытожил Паша. — Они с нами сейчас разделяются!

— Ой, да заткнись ты уже, в самом деле!! — огрызнулся Егор, который до этого был самым невозмутимым из всех.

— Знаете, какие они ледяные? — прошептала Света, прячась за широкой спиной Айрата.

Один из призраков отделился от строя и подплыл вплотную к Тане. Айрат на всякий случай придерживал её за плечо.

— Wer sind sie? Was machst du auf unserem Territorium? (Кто такие? Что делаете на нашей территории?) — рявкнул "немец". — Antwort! (Отвечать!) — щёлкнув затвором, он выразительно покачал стволом маузера.

— Спрашивает, кто такие.

— Говори, как есть, — неуверенно велел Айрат.

— Wir Searchers (Мы поисковики), — сообщила Таня. — Wir fanden Ulrich (Мы нашли Ульриха). Was machten Sie tun? (Что вы хотите?) — как можно вежливей повторила она первый вопрос.

— Ulrich (Ульрих?) — повторил солдат, и из строя выскользнула ещё одна тень. Перекинувшись парой фраз, немцы подняли стволы карабинов: — Folgen Sie uns sofort! (Следуйте за нами, немедленно!)

— Сказали идти за ними, — совершенно растерянно сообщила Таня.

— Что? — проворчал Егор. — Мало того, что мы видим глюки, теперь мы ещё должны их слушаться?

— Лучше пойдём, — вставил Паша. — Послушайте меня!

— Докатились! — чуть не застонал Айрат, глядя на бледного Пашу. — Ну, пойдёте, что нам остается? Иначе тут кое-кому поплохеет.

— Ты просто не знаешь, что может случиться! Их оружие... Оно работает! Хотя и не настоящее! Вот выстрелят в тебя, тогда поймёшь!

Всё казалось настолько абсурдным, что чуть моргнешь — и морок исчезнет. Шагая под дулом призрачного оружия, каждый чувствовал себя невероятно глупо. Света с Пашей переглядывались, без слов понимая друг друга, остальные размышляли о своём. Егор бросал осторожные взгляды по сторонам, будто бы планируя бежать. Вряд ли бы у него что вышло: плотный строй теней окружал их со всех сторон.

Призраки то и дело с подозрением поглядывали на странную, по их понятиям, компанию. Паша только сейчас понял, что в камуфляже и с рюкзаками они вряд ли напоминают мирных жителей.

Конвой остановился у неглубокой канавки — около семидесяти лет назад бывшей траншеей. Возглавляющий процессию солдат неслышно прыгнул вниз, его бесплотное тело по пояс утонуло в земле.

— За ним! — рывкнул другой, шедший рядом с Пашей. — Немедленно!

— Говорят — за ними идти, — торопливо перевела Таня.

— Ну и как мы это сделаем? — фыркнул Айрат.

Улыбка на его лице держалась ровно до тех пор, пока в спину не уперся ледяной ствол маузера. Айрат застыл от ужаса и забормотал что-то по-татарски.

Света, глядя на друзей, молча шагнула вперед, почти сразу же погрузившись в землю по плечи.

— Ты это... как? — вытаращился Паша.

— Просто шагай и всё, — стуча зубами от холода, ответила она. — Быстрее!..

Вскоре все пятеро оказались в траншее. Точнее, там, где она когда-то была. Сквозь полупрозрачные слои песка и земли, основательно засыпавших её за много лет, виднелись и те, кто в ней лежит. Совсем недалеко от Светы на уровне колен щербато скалился череп, прямо под ним "зависли" ржавые осколки снаряда.

— Мы видим сквозь землю? — Паша протянул пальцы в сторону, нащупав ручку полуистлевшей гранаты.

— Мы идём сквозь неё, — сильным голосом подтвердил Айрат. — Если я сошёл с ума, то не удивлюсь... Давно пора.

— Почему здесь так холодно? — перебила его Таня.

Паша уже не чувствовал ног. А может, у него их уже нет? Может, это его призрак шагает по траншее вслед за людьми в немецких касках? Для проверки он ущипнул себя за руку — лёгкая боль ненадолго усыпила его сомнения в реальности происходящего.

Мороз пробирал до костей. По сравнению с ним прошедшая ночь казалась всего лишь прохладной. Возвращение в лагерь, к старым друзьям и уютным палаткам, становилось почти сказкой.

Каждый шаг вперёд ослаблял надежду вернуться. А что, если они никогда не попадут домой? Что, если так и застрянут здесь, посреди тумана и теней? Паша машинально сжал в кармане телефон, хоть и знал, что уж сейчас сеть точно ловить не будет.

— А может, мы всё тоже умерли?..

Паша даже не заметил, что сказал это вслух. В ответ на нелепый вопрос Айрат, недолго думая, стукнул его по плечу кулаком. Паша качнулся и зашипел, однако это порядком ободрило его — лучшего способа доказать, что он жив, пока не было.

Впереди показался тёмный проём — вход в блиндаж. Всех пятерых быстро загнали внутрь, и они смогли осмотреться. В полутьме виднелась пара скамеек, широкий потрескавшийся стол, истёртый бревенчатый пол, печка с впившейся в потолок трубой. Один из немцев прошёл вперед и, судя по коротким лающим репликам, принялся докладывать обстановку. Таня шепотом переводила.

Паша не слышал, о чём шёл разговор — его внимание привлекло другое. У самой стены, за столом сидел немецкий офицер. А перед этим самым столом на уровне пояса виднелся скелет — неполный костяк с отсутствующей левой ногой, полуистлевшие рукава кителя, планшетка... Так это же его скелет! Офицера этого! А что, если сказать ему? Он поверит? Пожалуй, не стоит...

— Drehen seine Taschen! (Вывернуть карманы!) — короткая фраза, наскоро переведённая Таней, вывела Пашу из полузабытья, и он торопливо выполнил приказ. Его карманы были пусты.

У дверей блиндажа, недвусмысленно сжимая карабины, по стойке смирно замерли двое солдат. Лица обоих тонули в тени касок, надвинутых на лоб.

Паша оглянулся на мертвенно-бледную Свету и вздрогнул. А что, если сейчас увидеть рядом и её скелет? Чувствуя, что скоро сойдёт с ума от подобных размышлений, он зажмурился, лелея отчаянную надежду проснуться.

Открыв глаза, он чуть не взвыл, — ничего не изменилось.

Света с Таней молча выложили на стол несколько леденцов в шуршащих фантиках, упаковку лейкопластырей, зеркальце. Остальные добавили к этому коробок спичек, перочинный ножик, россыпь блестящих гильз. Егор вытащил из кармана дешёвую зажигалку, и, пожав плечами, оставил её рядом. Айрат подошёл последним.

На щербатую поверхность стола, блеснув серебристым полумесяцем, опустилась половинка жетона.

И вместе с ним из кармана предательски выскользнул сложенный бумажный листок.

Офицер кивком приказал поднять его.

— Karte? (Карта?) — прошипел он, глядя Айрата бешеным взглядом. — Erschiessen ein Spion! Führen Sie sofort! (Расстрелять шпионов! Исполнять немедленно!)

— Ja, Herr Kommandant! (Так точно, герр командир!)

— Zu Befehl! Erschiessen Sie! (Есть расстрелять!)

Таня отшатнулась от стола, чуть не столкнувшись с Айратом: — Нам крышка! Они нас расстреливать собираются... — прошептала она, судорожно оглядываясь. — И что теперь!?

— Выйдем наружу и сбежим, — неуверенно пробормотал Паша.

— Как?!

— Hier auf zu reden! (Прекратить разговоры!) — прогремел офицер.

Снаружи царил настоящий мороз. Белесый пар вился по траншее, покрытой тонким слоем инея. Сквозь землю со всех сторон на отряд смотрели черепа.

Следуя несложным указаниям, ребята выбрались наверх и остановились у края траншеи. Немцы переглянулись и кивнули друг другу. Стволы карабинов единым строем взметнулись вверх и замерли на уровне груди.

— На счёт три бежим в разные стороны, — скороговоркой прошептал Паша. — Пока они разберутся, что к чему, мы успеем спрятаться. Ладно?

— Ага...

Один за другим щёлкнули затворы.

— Раз... Два... Три, — тихо посчитал Паша. — Пошли!!!

Грянули выстрелы, и пять человек бросились врассыпную. Немцы выругались и помчались за ними.

Паша рванулся вправо и, пробежав, сколько позволяло дыхание, спрятался в колючих зарослях.

Вдалеке раздавались приглушённые выстрелы, перемежаемые незнакомой бранью. Солнце уже почти наполовину выкатилось из-за горизонта, но промозглый холод не отступал. Сердце в груди билось так отчаянно, будто пыталось выскочить. Новые берцы сильно натёрли ноги, но Паша только

рад был — чувствовать боль, да хоть что-нибудь чувствовать — означало быть живым... Живой всё стерпит! Только бы не онеметь! Не застыть!

— Что прячешься, солдат? — прозвучало совсем близко.

От неожиданности Паша дернулся и сжал кулаки. Нет, так просто он свою жизнь не отдаст! Ладони пронзило множеством колючек, и он досадливо зашипел.

Рядом, буквально вплотную к нему, сидел человек. Полупрозрачный, будто вырванный из мглистого тумана. Устало прислонившись к дереву, он спокойно и размеренно протирал ствол карабина. Паника немного отступила.

— Ульрих, откуда ты здесь? — прошептал Паша, отползая в сторону. — Ты же ушёл!

Стянув каску, тот кивнул на рюкзак, валявшийся под ногами.

— Я с вами всё это время был, — обойма патронов с тихим щелчком отправилась на место, и Ульрих, дернув затвор, с довольным видом прицелился в солнце.

Паша с ужасом наблюдал за его манипуляциями, и тот, заметив это, покачал головой.

— Я не собираюсь в тебя стрелять.

— Ага... Почему я понимаю тебя? — спохватился Паша. — Я же знаю, что ты по-немецки говоришь!

— А разве это имеет значение, солдат? — покачал головой Ульрих.

Далекий одиночный выстрел заставил их обоих отвлечься от беседы.

— Что делать-то!? — охнул Паша, подхватывая рюкзак. — Там ребята!

— А кто они такие? — как бы между прочим, спросил Ульрих.

Его фигура с каждой минутой становилась всё светлее и прозрачнее, солнечный свет вбирал в себя холод, играя бликами на каске.

— Мои друзья, — прошептал Паша, выпрямляясь. — Мне надо к ним!

— И мне надо бы к своим... — вздохнул Ульрих. — Вынесешь меня?

— Вынесу...

— Тогда надо идти.

— Куда?

— Выберемся из западни, — Ульрих широким шагом поспешил туда, откуда всё ещё раздавались выстрелы.

Паша старался не отставать. Перейдя на бег, он начал задыхаться, чувствуя, как тяжёлый рюкзак колотит по спине.

— Сил почти нет... Ну ничего, — донеслось со стороны Ульриха. — Стрелять умеешь?

— Немного...

— Я буду твоими глазами. А ты — нажимай, — протянул он Паше своё призрачное оружие.

Своих друзей тот увидел почти сразу — все они прятались в выбитом блиндаже, вокруг которого вились несколько призраков. Внутрь заглянуть немцы почему-то не могли. Ульрих объяснил Паше, в чем дело: так выходило потому, что в блиндаже не осталось ничего из их времени, и для них он попросту не существовал. Сомнительное укрытие не моглоечно защищать остатки поисковой группы, и Паша, решительно сжав карабин, коротко кивнул.

Ульрих прищурился:

— Правее... Выше... Давай!

Один за другим солдаты падали замертво, сражённые призрачными пулями. Ни единого лишнего выстрела не прозвучало в это утро.

— Уходим, пока не явилось подкрепление, — обронил Ульрих, забирая оружие. Руки его слегка дрожали, видимо, непривычно было стрелять в своих.

Понаблюдав, как друзья выбираются из блиндажа, помогая друг другу и растерянно озираясь, Паша обернулся к немцу:

— Ты это... Ради нас так сделал? Ну, помог.. — выдохнул он. — Почему?..

— Я уже понял, что мы мертвы, — глядя ему в глаза, ответил Ульрих. Паша только сейчас пригляделся к нему: немецкий солдат был молод, практически его ровесник. — Нельзя, чтобы пострадали ещё и живые. Войну пора заканчивать. Верно?

Путь к лагерю на этот раз занял гораздо меньше времени — Ульрих отлично знал эти места. Его очертания мерцали на солнце, подобно дрожащей огненной дымке, и даже не верилось, что не так давно его тень была ледяной и мертвецки бледной.

— Дальше вы сами сможете найти дорогу, — прозвучало со всех сторон.

Ульриха уже совсем не было видно. Только ветер поднимал клубы пыли, да ворошил песок, повидавший многое.

На горизонте засверкало море. Ребята счастливо переглянулись — кошмар остался позади, им удалось выбраться целыми и невредимыми. Каждый мысленно пообещал хранить молчание. Всё равно в подобные рассказы не поверят...

— Кто-нибудь объяснит, что произошло? — задумчиво спросила Таня.

Егор с Айратом покачали головами, Света, отвернувшись, затягивала верх рюкзака, и вопрос достался Паше.

— Он спросил, вынесем мы его или нет, — сказал тот. — Я пообещал, что вынесем.

— Вот и отлично, — улыбнулся Айрат. — Ты ведь так и таскал его всё это время?

— Ага.

— Наверное, это нас и спасло... — протянула Света.

Айрат вытянул из кармана оставшуюся половинку жетона. На солнце она казалась золотой, неправдоподобно яркой и живой, свежий скол подтверждал недавний разлом. О том, где осталась вторая половина, даже вспоминать не хотелось.

Чистое голубое небо безмятежным куполом раскинулось над головами. Чайки стремительными белыми росчерками бросались в воду, взмывая ввысь с добычей в клюве.

Отряд заметили в лагере, и оттуда слышались радостные голоса.

— Ладно, Ульрих, — Айрат оглянулся на посветлевшие лица друзей и крепко сжал жетон в кулаке. — Вот и закончились твои Крымские приключения.

"ЛЕГЕНДА ЧУФУТ-КАЛЕ"

ШЕСТЁРКИНА ЮЛИЯ

г. Славянск Донецкой области.

(конкурсантка)

Бирюзово-синие волны, украшенные ажурными гребешками, набегали на мелкую, отшлифованную морем и временем, гальку. Они оставляли на камнях грязновато-белое кружево пены и водоросли, которые казались тонкими спутанными ниточками. Волны откатывались назад, шумели, и морской запах соли нёсся над побережьем.

Эля заворожено глядела на прибой и почти не слушала болтовню подруги. Ленка в это время ела персики и рассуждала о том, куда бы ещё поехать поразвлечься и чего бы такого интересного поглядеть.

На отвесной скале высилась церковь соседнего поселка, а пляж Солнечногорска жил привычной жизнью — крики торговцев, смех детей, плеск волн, шумные разговоры и пронзительные крики чаек. Птицы белыми росчерками будто вспарывали купол небес, исчезая в его глубокой синеве. Чарующая природа, вдали — гряда Крымских гор, тёплое побережье...

Что ещё нужно для счастья?

Эля любила Крым.

Больше всего — Ялту. Но и этот тихий городок Большой Алушты, куда уговорила её ехать подруга, тоже понравился. Здесь не было столпотворения и суеты, присущих курортным городам, и даже в высокий сезон пляжи оставались полупустыми. Сам городок — опрятный и чистый, с уютным частным сектором, детскими площадками, скверами, парком и узкой полосой прибоя, тоже был весьма мил.

Ленка, которая отдыхала здесь уже не в первый раз, предпочитала снимать комнаты у местных — татарская семья всегда радушно принимала её с друзьями, и Эля чувствовала себя

в их огромном доме вполне комфортно. Кроме того, этот городок был удобен тем, что добираться как на Восточное побережье, так и в сторону Ялты было совсем недалеко.

У Эли сложилось впечатление, что приезжают сюда семейные пары с детьми, желающие отдохнуть у моря без шумных клубов и громких дискотек. И когда ей хотелось потанцевать и развлечься — она тащила подругу в соседние городки, где ночная жизнь была более яркой и насыщенной.

Стоп. Ещё один минус... Набережной, чтобы прогуляться вечером при полном "параде", тут тоже не было, — ходишь себе вдоль дороги, прижимаясь к обочине, попутно рассматриваешь сувениры, и тебя обдаёт выхлопными газами проезжающих авто. Так что иногда казалось, что лучше было бы поехать в Ялту — с её чахлой пальмовой аллеей и битком забитыми пляжами. Поехать ради красивой набережной и ночных клубов.

И хоть море к концу лета было там не самое лучшее и вода мутноватая, зато пляж галечный, что тоже преимущество — на мокрые ноги не цепляется ракушняк и песок, только совсем уж мелкие камушки.

Эле нравилось, как местные называют поселок — Солнышко. Ласково.

— Айда, куда-нибудь съездим, — голос подруги вырвал её из задумчивости. А просительные нотки заставили напрячься.

Ленка приезжала погостить из Уфы, она была привычна к горам, сплавам и прочим прелестям активного туризма, и поэтому постоянно устраивала своей подружке порядочные встряски. В прошлый раз экскурсия длилась почти целый день и заключалась в лазании по горам, верховой езде по серпантину... — виды, конечно, красивые, и фото получились отличные... Да вот спину до сих пор ломит.

Не любила Эля такой отдых. И поход в горы её не прельщал. Недавнее путешествие по серпантину к водопаду Джур-Джур тоже вымотало. Пока добрались, совсем выдохлись — дорога шла через густой лес, хорошо там скамеечки попадались, — можно было отдохнуть. Едва не заблудились, но Ленка, к счастью, из тех, кто отовсюду выход найдёт.

— Я... подумаю, — уклончиво улыбнулась Эля, уставившись на катер с романтическим названием "Ассоль".

Вот по морю покататься — другое дело. Можно взять тур на пару часов, а можно и в Ялту махнуть...

Да, Эля любила Крым — но вот почти всегда отдых её ограничивался Южным Берегом. На экскурсиях бывала редко — не особенно нравилось: в Евпатории пляжи песчаные, атмосфера обычная (тополя да современные застройки, а старый город и его достопримечательности не прельщали), Херсонес с его руинами тоже не интересовал. Лишь Алушту и Ялту Эля ценила — яркое солнце, прозрачный купол небес, клубы, вечеринки, белоснежные дворцы над пропастью, море, вгрызающееся в серые скалы, пароходы и изящные набережные с азиями и магнолиями. И главное — пальмы. Отчего-то без них и отдых не был отдыхом.

— Пахлава!

— Чурчелла!

— Солёная рыбка! Шашлык из мидий и рапанов!

Крики торговцев раздражали. Эля презрительно сморщилась, глядя, как народ разбирает опасный товар — неужели не боятся отравиться? Сама она на пляжах еду брать боялась — до сих пор помнила, как в детстве после какого-то чебурека в больнице "отдыхала".

— Девушка! Погляди, рыбка какая, а глядит на вас как! — юркий татарин с приклеенной намертво улыбкой плюхнулся на песок рядом с Элей.

Она молча посмотрела на него с таким видом, будто готова была эту рыбу ему же и скормить. Торговец понятливый оказался — вмиг испарился.

— Скучно... — простила Эля. — Пошли, что ль, в "Седьмое небо" сходим? Весьма милый музей, и вино там хорошее, может, балкончик будет днём свободен, я бы хоть сфотографировалась там...

— У меня идея получше! — Ленка загадочно улыбалась, и Эле ее выражение лица не понравилось.

— В Долину приведений не пойду! — капризно отрезала она. — В Судак согласна — но только на рыцарский турнир,

вокруг крепости ползать не заставишь! Даже ради фотосета. А вот в Новый Свет можно поехать, там пляж красивый, бухта роскошная...

— Тебе понравится... — хитро прищурилась Ленка. — Поедем в Бахчисарай! Неужели не хочется ханский дворец увидеть?

Эля задумалась: "Неплохая идея. Дворец — это не крепость. И. уж точно не скалы..."

Только вот зря она не прочла об экскурсии подробнее — Ленка схитрила и взяла билеты не только в ханский дворец, но и на поход по пещерному городу Чуфут-Кале, путь к которому петлял над узким ущельем и длился не меньше часа.

Если бы Эля знала, к чему это всё приведёт, то даже торнадо не заставило её бы оторваться от прекрасных галечных пляжей Солнечногорска.

Или — всё равно пошла бы?

...— Караимами, безотносительно к происхождению, называются представители самых разных народов, исповедующие иудейскую религию, но составляющие при этом особую, исторически сложившуюся народность, под которой разумеются караимы, живущие в Крыму. А также примыкавшие к ним издавна, ещё до присоединения Крымского полуострова к России, вступавшие с ними в браки и непрерывно питавшие их караимы Константинопольские, Египетские, Иерусалимские, Багдадские, Сирийские и Литовские... — нудный голос экскурсовода раздражал Элю. Да и рассказ его какой-то обычный, без изюминки, — всё это в любой энциклопедии прочесть можно.

Она была рада, что уже добрались до плато — путь был тяжёлый. Вниз идти будет легче. Хотя... если бы они с Ленкой отправились на Чуфут-Кале и в Бахчисарай своим ходом, было бы ещё лучше, по меньшей мере, гораздо веселее. Гуляли бы спокойно, фотографировались. Нет, теперь приходится нестись с пеной у рта, будто загнанная лошадь, не успевая ничего — ни фотосет устроить, ни рассмотреть виды.

Бахчисарай Элю очаровал — дворец стал главным впечатлением дня. А вот Успенская церковь над обрывом не вызвала особого удивления, — девушка жила неподалеку от Святогорья, и Лавра на меловой горе над Донцом с детства была привычна её взгляду. Да и по пещерам ей довелось не раз проходить — поэтому Эля даже радовалась, что святой источник и монахи остались позади.

И всё-таки пещерный город караимов тоже девушку впечатлил. Правда, чтобы добраться до него по узкой тропе, что змеилась над ущельем, пришлось разуться — босоножки на высокой танкетке подходили для прогулки по дворцу или территории монастыря, но явно не годились для скал. И дело было не в том, что Эля не могла идти в них — просто подвернуть ногу или порвать обувь казалось невесёлой перспективой. И в чём тогда возвращаться в Солнечногорск?

Эля была реалистом и на вещи смотрела всегда здраво.

На скептические взгляды людей, которые были с ней в экскурсионной группе, она уже почти не обращала внимания — ещё с того момента, как разругалась со всеми за место у фонтана слёз в Бахчисарае. Хотелось нормально сфотографироваться, но постоянно попадали в кадр совершенно ненужные персонажи. Эля разогнала народ со скандалом, и теперь, кажется, все как специально оказывались в кадре, когда ей хотелось увековечить себя на фоне какого-то вида. Но ссориться Эля уже устала, поэтому для себя сделала вывод — больше никогда она не пойдёт ни на какие экскурсии. Только своим ходом — чтобы нормально чувствовать себя и не расстраиваться по таким пустякам. А то, что она не услышит рассказа об истории какого-то места — так всё это можно прочесть в И-нете перед поездкой.

— Никого не любил Тохтамыш-хан... — тем временем заученно продолжал бубнить экскурсовод. — Но была у него в гареме девушка, звали её Джаныке. И вправду, она была джаныке — душевная. Добрая была, ласковая и красивая. Только в груди у Джаныке какая-то птица всегда ютилась. Так дума-

ла Джаныке. Не знала, глупенькая, что в груди у неё большой недуг, болезнь страшная. Отца, матери у неё не было, — Тохтамыш купил её в Бахчисарае, внизу, купил её и спрятал, как голубя в клетку. Все боялись Тохтамыша, и Джаныке боялась... — Экскурсовод выдержал драматическую паузу: — ... Но однажды пришла беда и на самого Тохтамыша. Крепость Кырк-ор окружили враги, с двух сторон шли. Знали враги: в крепости воды нет, а без воды как жить будешь? Нет воды, а дни идут, а птица Клафт ни разу свои крылья не раскрыла над Кырк-ором, и люди вскоре стали падать, как падают осенние листья. Однако, каменное сердце было у Тохтамыша. Он боялся за свои сокровища, а людей не жалел...

Эля экскурсовода почти не слушала, хотя предание было любопытным, но ей Ленку то и дело приходилось звать, чтобы та сфотографировала подругу, да и рассказ казался слишком уж пафосным, до скукоты.

— Надоела ты со своими фотками, — раздражённо проворчала Ленка, но всё же отошла от толпы, чтобы запечатлеть Элю возле обрыва.

— Вот здесь ещё... Только чтобы вид красивый был, и я в полный рост получилась... — Эля подошла опасно близко к краю. Ладони тут же взмокли и похолодели, а сердце неприятно ухнуло вниз.

Она старалась не смотреть в пропасть и в сторону долины, хотя вид открывался изумительный — склоны поросли зеленью, и казалось, что это декорации к приключенческому фильму.

Как нельзя кстати донесся голос экскурсовода, перечислявший кинокартины, которые снимались на фоне плато.

Эля нервно усмехнулась, подумав, что не ошиблась, и попыталась принять расслабленную позу.

— Ногу чуть вперёд, — привычно начала командовать Лена, — подбородок выше. Нет, теперь ниже...

Щелчок фотоаппарата.

Под ногой пустота. И — сердце пропускает удар.

Крик. Ленкин — какой-то дикий, рычащий. И её собственный — звонкий, обрывающийся на высокой ноте. Слово Эля воздухом поперхнулась. Как водой.

И тонет.

Нет, не тонет. Падает!

Боль в пальцах от содранных о камни ногтей.

Сердце ухнуло и вылетело куда-то из тела...

* * *

Тьма отползала медленно.

Под веками жгло, будто кто песка насыпал.

И нога болела.

— Живая... — сказал кто-то на странном наречии — ломанный русский с ужаснейшим акцентом, она такого и не слыхала никогда.

Кто-то залопотал что-то... по-татарски? Детство Эли прошло в окрестностях Уфы, немного понимала. Но слова звучали так странно, словно их специально коверкали.

Открыла глаза — над ней нависли своды пещеры, но из прорубленного в скале окошка падали солнечные лучи и виднелся кусок синего неба.

Вокруг стояли какие-то оборванцы в старинного вида кафтанах и каракулевых шапочках — Эля такие только сегодня в музее Бахчисарая видела.

Люди умолкли, увидев, что она пришла в себя.

— Аяк, — она показала на ногу, пытаясь не поддаваться панике. Повторила по-русски: — Нога. Болит сильно. Где я?

Боль была такая жгучая, словно кость раздроблена или кожа содрана до мяса. Но... Прежде чем рыдать или биться в истерику, нужно разобраться, что с ногой. Она что, за дерево зацепилась при падении? Может, свалилась на какой-то скалистый выступ, и эти люди нашли её? Но откуда они здесь? Пещерный город, по словам экскурсовода, давно заброшен, в нем никто не живёт!

Какая-то угловатая тень приблизилась к Эле. Она едва нашла в себе силы не закричать, чтоб он её не трогал. При-

смотрелась к нему. Мальчишка в старинной одежде — обтрёпанной и изношенной — принялся осторожно осматривать её ногу, будто понял Элю, когда она говорила, что ей очень больно. Касался кожи аккуратно, чем-то мазал, и приятная прохлада снимала боль и жжение.

— Русский учить. Пленник учить. Меня. — Отрывисто сказал он, подняв на Элю жгучие чёрные глаза.

Совсем ребенок, и худющий такой, словно недоедает, но взгляд взрослый, как будто лет сто прожил. Наверное, тут дети рано взрослеют. Странное племя. Кто же они такие?

Эля поёжилась — в летнем сарафане в пещере было холодно — и подтянула к себе что-то тёплое меховое, лежавшее рядом, чем её, наверное, укрывали, пока лежала без сознания...

...Эля с ужасом смотрела на отвесные стены пещеры, не понимая, как выжила, свалившись с такой жуткой высоты. Ещё больший страх вызывали изможденные широкоскулые лица караимов, которых, если верить экскурсоводу, в пещерном городе уже лет пятьдесят как не было. И то — это была семья зрителя. А этих как-то уж многовато, мужчин этих усатых.

Издали послышался детский плач — те, кто плакал, тонко скулили, словно им было больно или страшно.

— Пить. Вода. Нет. — Мальчишка попытался объяснить происходящее, помогая себе жестами. — Спасти. Ты — спасти. Ты. Пришла.

— Я? Спасти? Куда пришла? Что вообще здесь происходит? — Эля с трудом приподнялась на локтях, чувствуя, как от приложенной мази боль в ноге стихла.

С костями, кажется, всё хорошо — видимо, ободрала кожу. И немного саднили пальцы — от маникюра не осталось и следа.

Она переводила взгляд с мальчишки на молчаливые тени в кафтанах. Что же случилось? И татарский, на котором лопочут караимы, почти непонятен — слова кое-какие знакомые проскакивают, но общий смысл теряется. Она и так слабовато

знала язык, а этот диалект и вовсе чуждый. Хорошо, что мальчик русский немного учил. Он говорил про пленника. Это что — она здесь тоже пленница? Может, они туристов похищают?.. А потом требуют выкуп...

В круг огня, разожжённого в пещере, вступила старуха — древняя, обвешанная веревками с какими-то камнями, веточками и сухими травами, в непонятном рванье, босая... она была страшна, словно ведьма из сказок.

Забормотала что-то на жутком диалекте, тыча в Элю пальцем.

Мальчик ей ответил, проскользнули слова — "сестра", "смерть", "вода"... На этом познания Эли закончились. Она нахмурилась. Наверное, у мальчика сестра умерла из-за нехватки воды. Как ещё это всё объяснить? И отчего-то подумалось, что этот ребенок — тот, от кого зависит её дальнейшая жизнь. К нему прислушиваются, несмотря на юный возраст...

— Сестра умирать. Моя. — Мальчик сел рядом с Элей и заговорил, подтверждая её догадки. — Некому воду брать. Страх. Нет пить. Умрут люди. Помоги.

— Чем я-то помогу? — пожала Эля плечами. Под взглядом старухи она ощутила себя букашкой, которую вот-вот раздавят. — Я ваши пещеры не знаю. И где я вообще? Вы кто?

— Люди. Пить. Вода. — Продолжал мальчик терпеливо. Он тоже плохо понимал Элю.

Она не стала спорить и что-то доказывать. Бесполезно ведь. А он протянул руку, явно позвав куда-то.

Эля натянуто улыбнулась, сглотнула горькую слюну и приняла руку мальчишки.

— Идти воду искать.

— Пошли уже... искать твою воду... — пробормотала Эля и поднялась с его помощью. Ростом он оказался чуть ниже её, но руки сильные, плечи широкие.

Она не без любопытства разглядывала мальчика — если умыть и нормально одеть, то вполне симпатичный будет.

Когда Эля, опираясь на него, вышла из пещеры, то яркое солнце ударило в глаза, на миг ослепив. И она едва подавила испуганный крик... — когда экскурсия, с которой она при-

шла сюда, поднялась на плато, то крепость была безлюдной и лежала в руинах. Сейчас же везде стояли люди в старой выцветшей одежде, в платках и странных каракулевых шапках, и совершенно целые стены домов под оранжевыми крышами белели на фоне зелёных склонов...

Протяжно ревели ослы и плакали дети. Пахло кострами, едой какой-то.

И страхом.

Эти люди чего-то боятся. В воздухе разлита тревога, звенит на ветру, и кажется, что что-то сейчас случится. Что-то плохое. Хотя может ли быть что-то хуже того, что с Элей случилось?

Как она сдержала слёзы, она не знала.

Подошла старуха, подслеповато щурясь, протянула ей мешочек. На ощупь там были травы.

— Бери, — сказал мальчик. — Трава хорошая. Спаси. Нет боль.

— Какого чёрта... Сон, что ли? Или меня спасли, и я под наркозом валяюсь? У меня вечно от наркоза глюки... — Эля отпустила руку мальчишки и сделала неуверенный шаг на пыльной дороге.

Чахлые кустики, кривые деревья, любопытные чёрные глаза на широких смуглых лицах. И все взгляды обращены на неё.

Да уж, сарафан у неё явно слишком открытый — здесь женщины закутаны с головы до пят — да к платью ещё и кафтан короткий надевали, шаровары, а у неё спина и плечи открыты. И в этот миг одна из караимок подошла к Эле и протянула длинное тёмно-зелёное платье с глухим воротом и длинными рукавами, словно заранее его приготовила. Девушка улыбнулась смущенно, взяла платье, принялась к ткани — вроде бы чистая. Тогда только натянула поверх сарафана.

— Идём. Еда. Силы нужны. Потом — вода.

Мальчик показал в сторону одного из домов. Стены его были увиты виноградом, оградка из кирпичной кладки опоясывала полуколыцлом, а ворота — деревянные.

Пока шли в ту сторону, Эля увидела целехонькие кенасы под яркой, кирпичного цвета, крышей, — караимские хра-

мы. На экскурсии они были испещрены трещинами, выпвели, частично развалились. Сейчас же прямоугольные здания с двускатными крышами окружены террасой с каменными приземистыми колоннами, между которыми перекинуты арки, а у стен стоят скамьи. И по фризам и окнами вьётся неповторимое каменное кружево.

В прошлое, что ль, занесло? Как в тех глупых романах про попаданцев, которые она читала? Эля всегда возмущалась тому, как авторы не учитывают разность культур, языка. И тут же порадовалась, что бывала в Уфе, что дед у неё татарин — оттого волосы чёрные и глаза тёмные, скулы широкие, да и в целом она знает про эту народность хоть что-то. Хотя знания и были обрывочные, скудные.

"Хорошо, что этот мальчик знает русский язык..." — подумалось Эле, и она почти с нежностью поглядела на него.

Тот ответил смущенной улыбкой и... покраснел. Взгляд отвёл.

"Наверное, тут нельзя так на мужчин смотреть, даже если это почти дети", — подумала Эля и потупила взгляд.

Перешагнула порог усадьбы, оказавшись в белой комнате, увидела на столе лепёшки и сыр, кувшин с молоком.

— Ешь. Сила нужно. Нужно тебе, нужно идти. В землю. Воду брать. — Снова помогал себе жестами мальчик, помогая Эле сесть на широкую лавку.

— Почему я? — Эля с опаской поглядела на лепешку. Но сказать, что не голодна, постеснялась. Мало ли, какие тут традиции. Вдруг они едой проверяют — человек ты или нет. Ещё за шайтана примут, со скалы сбросят.

Глюки это новокаиновые или сон — неважно. Важно, что она все вполне реально ощущает. И прохладу глиняной чашки, и вкус лепешки — вполне, кстати, приличный вкус. Соли маловато, но вкусно. А вот сыр солоноват, наоборот, — козий, кажется.

Откуда-то издалека донесли крики. Мужские. Гортанные. И звуки боя.

— Война. Камни кидать. Вниз. — Мальчишка попытался объяснить, что происходит, но плохо получалось. — Много врага.

Эля смутно вспомнила, что экскурсовод рассказывал про то, как оборонялись в крепости — кидая камни на головы нападающих. Или даже — головы погибших. Жуть.

Есть совершенно расхотелось. Встала. Потом прожевала травы, которые дала старуха, запила их молоком. Откуда и силы прибавились — наверное, травка непростая. Главное, чтобы не наркотик. Ещё ломок потом не хватало.

В это время ей принесли одежду — мужские кальсоны и рубашу, кафтан, а ещё обувь кожаную. Мальчишка вышел, женщина какая-то помогла переодеться. Интересно — почему не женское платье?

Эля понимала, что если её в жертву какую-то готовят, то сбежать с плато не получится — разве что пещерами уйти. Мальчик как раз под землю и зовёт.

Кроме него, Эля здесь никому больше не доверяла. Видимо, оттого только, что он хоть чуть-чуть может понять её.

Мальчик ждал Элю на пороге, взял её за руку, не отрывая взгляда от земли, и они отправились в сторону дальних пещер, куда экскурсоводы не пускали. Миновали колодец — пересохший, как успела заметить Эля. Тут же подумалось — если крепость взяли в кольцо и перекрыли воду, то беда. Еды ещё запас будет, траву вон и корни есть можно, а без воды долго не проживешь. Видимо, в этом всё дело. Караимы думают, что она может дать им воду?

Люди печально смотрели на Элю и её провожатого. И с надеждой.

Странно. И как она им помочь может? И почему вообще должна помогать? Впрочем, на последний вопрос ответ сам собой напрашивался — если она хочет выжить, то должна показать, что может быть полезна.

— Лезь. Завтра много нести. Сейчас — два раза по три бурдюка, — сказал мальчик, дойдя по чёрного зева пещеры, и первым скрылся в темени, приняв у кого-то из рук два огромных бурдюка.

— Лезу... — вздохнула Эля.

"И почему она лезть должна?"

И вдруг вспомнилось: по легенде, которую она слушала вполуха, какая-то дочка ханская помогала мальчику из простых добывать воду.

"Вот в чем дело! — осенило её! — Татары местные решили, что она, невесть откуда взявшаяся, лучший выбор в помощники этому мальцу? Ну что ж, если другого выхода нет, то придётся лезть за водой. К тому же сама тут застряла непонятно насколько — а есть и пить что-то нужно. Но... Главное — как домой попасть? Или сон-грёза сам кончится, как она от наркоза отойдёт? А может, она всё-таки умерла?"

Прогнав прочь глупые вопросы, Эля сосредоточилась на том, чтобы спуститься по узкому лазу, не сломав себе что-нибудь. Мальчик зажег свечу и протиснулся в узкую щель в скале. Эля еле пролезла следом — взрослый человек явно тут не пройдёт, а детей отпускать страшно. Видимо, кроме мальчишки, никого не нашлось смелого, да ещё и с подходящей фигурой. Вот и обрадовались, наверное, местные, когда Эля к ним на голову свалилась.

"Тогда, возможно, она попала во времена Тохтамыш-хана? Хан этот, говорили, страшный и злой был — рыжий, волосатый, с огромной головой".

Эля поёжилась, идя следом за своим провожатым — стены лаза разошлись, и уже можно было нормально выпрямиться. Она понадеялась, что если угадала насчет хана, то на глаза ему не попадет.

...Эля с мальчиком смогли принести воды. Спускались в пещеру несколько раз, но девушка была ещё слаба, и он жестами, вперемешку с ломаными русскими словами, объяснил — мол, завтра продолжим.

Как справились, то в его доме накормили их, а после мальчик повёл Элю к обрыву.

Смотрит она — а ведь это то самое место, где она сорвалась.

Сердце забилося, ладони снова взмокли. Она не смогла сдержать слёз, села прямо в пыль и разревелась.

Мальчик что-то шептал, волосы её гладил, видимо, успокоить хотел.

Но разве ж тут успокоишься?

Мимо стайка детей пробежала — радостные, что-то галдят-лопочут. Женщины следом пошли, неся один из бурдюков, которые Эля с мальчиком вынесли из-под земли, наполнив водой. Женщины остановились возле Эли, поклонились. А затем принялись благодарить — слово "спасибо" девушка смогла разобрать.

Подошли мужчины в полосатых кафтанах — подпоясанные кушаками, в небольших чёрных шапочках. Они уже не казались Эле оборванцами — просто поначалу было непривычно видеть эти неяркие наряды из простых тканей. И в этот миг, глядя на людей, которым она помогла, Эля ощутила, что слёзы её высохли.

Сухая колкая трава окрасилась алым — солнце садилось. И такая тишина была вокруг, такая красота, что сердце замирало. Мальчику кто-то принес чёрный войлок, он его расстелил, чтобы холод от земли не выступил Элю.

Она улыбнулась, прошептала:

— Спасибо...

— Имя? — спросил мальчик, показывая на неё.

— Элла. А ты?

— Тохтамыш, — улыбнулся он, и его ладони сомкнулись вокруг её тонких запястий. — Я — Тохтамыш. Ты — Джаныке.

Эля изумлённо уставилась на молодого караима, спасающего свой народ и давшего ей имя девушки из сказок, и руки её предательски задрожали.

Легенды врут. Но к счастью ли?

Захотелось, чтобы всё это было по-настоящему.

Не проснуться бы...

С ТОЙ СТОРОНЫ...

СВИТЦОВ НИКОЛАЙ

Москва

(вне конкурса)

Эргина Малифида была не самой успешной из рефлектид. Как и другие рефлектиды, она использовала обратную сторону зеркального отражения, чтобы питать себя энергией человеческого образа. Но, к несчастью, она мечтала о творчестве! Эргине казалось скучным просто воплощаться в образ приблизившегося к зеркалу человека и только копировать его движения перед зеркалом. Время от времени она позволяла себе хулиганить...

Да! Многие из рефлектид приукрашали образ человека, подошедшего к зеркалу. А как ещё заставить его задержаться подольше? Только любуясь «собственной персоной»! Но ведь человек не знал, что «персона» в зеркале – отнюдь не его личность...

К счастью для рефлектид, люди не умеют видеть себя со стороны. К тому же никто из «отражений» не позволял себе роскошь – неточно скопировать движение оригинала, подменить какой-либо мелкий предмет из отражённого пространства, или, ещё хуже, нагло замереть в тот момент, когда «прототип» причёсывает волосы.

Однако... Так смешно бывает видеть, как человек начинает испуганно таращиться в зеркало, тереть глаза и озираться по сторонам, если вдруг вместо репетиционной улыбки ты строишь ему тошнотную гримасу...

Другие рефлектиды неоднократно предупреждали её: «Эргина, если ты не станешь нормальной, мы вынуждены будем пойти на крайние меры. Своим поведением ты ставишь под угрозу источник нашего существования! Вдруг люди обо

всём догадаться? И перестанут пользоваться зеркалами? Что тогда? Мы все погибнем от голода?»

Но Эргина всегда отвечала: люди не догадаться!

Эти люди... они так сомневаются в себе и своих ощущениях. Так неуверенны в собственных чувствах, что создали целые системы изучения окружающего мира и назвали этот комплекс «наукой». А эта их «наука» — ничто иное, как способ объяснить очевидное самым невероятным способом. Поэтому любое своё сомнение относительно отражения в зеркале они посчитают галлюцинацией, любую замеченную «шутку» — иллюзией, «игрой света», рефракцией или миражом. Они пойдут на всё, лишь бы быть уверенными в том, что знают — как сложно устроен мир. Они предадут себя ради этой веры. Так что — опасаться нечего!

Но однажды случилось невероятное.

В тот день Эргина подкарауливала очередную «жертву розыгрыша» в уборной ресторана «Тулуз-Лотрек», что на Ялтинской набережной. Ресторан считался престижным. Тут назначались важные судьбоносные встречи. И тут её «шутки» неизменно «имели успех». Наверное, оттого, что для людей было очень важно, как они выглядят на свидании с обеспеченным будущим, за миг до решительного признания, на деловых переговорах... в общем, за шаг до одной из череды бесконечных людских надежд. И в такое мгновение сделать вдруг оборотительную улыбку дешёвой гримасой, «вдохновенное» внимание — старческой сонливостью, лицо, «внушающее доверие» — идиотским...

«Прототипом» в этот раз оказался пожилой человек с благородными чертами лица и глубоким, пронзительным взглядом. Он стал тщательно причёсывать свои седые волосы, пытаясь уложить их небрежным уклоном влево. Несколько даже игриво для его солидного возраста.

И Эргина не удержалась... Она тоже соорудила причёску. Только с небрежным уклоном вправо. И уже предвкушала реакцию...

Однако, реакции не последовало. Точнее, реакция была, но не та. Не та, которой ожидала Эргина...

Человек мягко улыбнулся и сказал: «привет».

И Эргина испугалась. Собственно, в самом слове «привет» не было ничего страшного. Люди иногда говорили сами с собой перед зеркалом. Страшно стало тогда, когда Эргина впитала чувства этого человека и поняла, что он точно знает о её существовании. За этим банальным «привет» был целый мир... Там было: «Ты, как и я, состоишь из света. Ты можешь протечь сюда, в этот мир из плоти, из материи. Нарушить границу зеркала и оказаться здесь, рядом со мной. Ты ведь знаешь, что только здесь ты сможешь быть подлинным творцом...»

Времени на долгие размышления у Эргины не было. Этот «зов» был единственным её шансом, если, конечно, не врала легенда, бытовавшая среди рефлектид, но кажется, никем и никогда не проверенная. Дескать, «если тебя — отражение — позовёт источник твоего существования...»

И она отозвалась. Она кивнула в ответ.

И это, уж точно, заметили другие рефлектиды! Теперь они ей не простят... Но что ей с того? Ей всегда было «тесно» здесь, в однообразно бесконечном мире Зазеркалья!

И тогда она осторожно, с опаской... шагнула сквозь ртутную зыбь границы.

Отражение в зеркале стало сжиматься, поверхность стала выпуклой. Тонкие струйки зеркальной жидкости побежали на кафельный пол, разливаясь небольшой лужицей. Спустя всего несколько мгновений поверхность зеркала стала похожа на стену из тумана, а из лужицы на полу вдруг начал расти силуэт, смутно напоминающий человеческий.

Ещё через некоторое время бесплотный силуэт заиграл красками и стал уплотняться...

Гардеробщик ресторана «Тулуз-Лотрек» Леонид Будкин очень удивился, когда из мужского туалета вышла элегантно одетая, красивая молодая женщина. Удивился, но «вида не подал». Бывает.

Эргина Малифида стала человеком. Самым обычным, ничем не примечательным. Только вот... зеркала очень не любила.

У каждого — свои странности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— грани мифа
древние легенды и новые "городские"
(современная мифология)

"ПТИЦА ПО ИМЕНИ..."

ГАЕВСКИЙ ВАЛЕРИЙ

г. Севастополь

(писатель-фантаст, вне конкурса)

Извлечения

"Птица, летучее животное в перьях,
теплокровное..."

Толковый словарь В. И. Даля.

"Имя — это знак".

Латинская поговорка.

"Тригорин. Так, записываю, сюжет мелькнул... Сюжет
для небольшого рассказа... на берегу озера с детства живет
молодая девушка, такая, как вы..."

Но, случилось, пришел человек..."

А.П. Чехов, "Чайка".

"Сэр Рыцарь Висячего Замка, — сказал Седрик,
— я надеюсь..."

Вальтер Скотт, "Айвенго".

"Треплев. ...Кто я? Что я?"
А.П. Чехов, "Чайка".

"Значит, вы несчастны? — сказала Ровена".
Вальтер Скотт, "Айвенго".

"Треплев. Это, доктор, длинная история".
А.П. Чехов, "Чайка".

"Балладу, балладу, — сказал отшельник, — это будет
лучше всякой французской дребедени".
Вальтер Скотт, "Айвенго".

"Нина. Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь,
какие чувства... помните: "Люди, львы, орлы и куро-
патки, рогатые олени, гуси, пауки, молчаливые рыбы, обитающие в
воде... все жизни, все жизни..."
А.П. Чехов, "Чайка".

"Не позволяй им болтать про меня всякий вздор, не по-
зволяй им делать из меня бога... хорошо, Флетч? Я чайка... Я
люблю летать, может быть..."
Ричард Бах, "Чайка Джонатан Ливингстон".

— Однажды лебедь, рак и щука... Слушай, так когда-ни-
будь человечество начнёт свою знаменитую историю!

— Какую историю — басню!

— Какую басню — историю!

— Ладно, историю. Ну и что?

— А ничего. Просто: однажды Лебедь, Рак и Щука... то
есть нет, конечно, Рыба!.. Я же о созвездиях... — он рассмеял-
ся. — А который час?

— Не знаю, который! Городишь тут! Мы с утра, два дур-
ня, ушами прядём — и всё без толка! Я же говорил, они редко
собираются в такие тучные коллективы.

— Слушай!.. А что, если их отсюда прикормить, прямо отсюда?.. Вот манна!

— Красиво, — согласился он. — Но бредово. Кормить чаек с вертолёт!.. Да сколько тебе их надо, в конце концов? Сто... тысячу? Сколько?

— Ты не поверишь.

— Поверю.

— Ну, тогда только одну.

— Одну? А, ну понял. Это в каком-то твоём, сдвинутом смысле, м-да!.. Ладно, всё. Я выполнил на сегодня свою программу, возвращаюсь.

— Погоди. Давай ещё раз. Давай вот здесь.

— Ещё?!

— Ещё.

— Ну, держись, птицелов, ведь упадём на скалы — расшибёмся!

Мощная, тугая волна вихря, волчок, танцующий в воздухе... огромная снежинка с брюшком — вот что такое твой вертолёт! Но каково? Падает как Бог, прямо сквозь молочную дымку — ни секунды напряжения!.. Только успевает мелькнуть вниз бахрома прибоя. Море... дальше и близкое... синее! Только успеваешь, с каким-то шаманским чувством, махнуть перед собой руками, и вдруг — скалы! Стена скал! Лепнина. Дикие, узловатые барельефы... Вознесенные!.. Смотри, читай по ним, новый Лаокоон... Тела, глаза, когти и гнёзда! И всё вокруг — синь и бронза... бронза и синь! А за тобой — сердце вприпрыжку, "вприлётку"... успевает всё-таки догнать!.. И как срывается из каменных пор встревоженная стая, лёгкая, на солнечных нитях повисшая, звучная! А этот парень сидит за штурвалом в наушниках и никак, то есть никуда... Нет, ас он, конечно, виртуоз, но не скульптор. Не ваяет он своего пространства. Живёт им, но не ваяет. А может, правильно? Не любит он такую охоту, и вообще... всех ловцов. Ладно, парень, ты не прав, понял?! Ты не прав, потому что не веришь, что мне нужна всего одна птица... и если я её не найду, я её придумаю, понял?

Аня работала на биостанции третий год.

На станции изучали комплексы. Изучали экологию. Несколько групп. Изучали замкнуто. Каждая — своё.

Летом много бывало приезжих. Жили в домиках. Изредка, по воскресеньям, дирекция заказывала катер или яхту, и тогда — уходили в море все, кто хотел: и гости, и сотрудники. Брали с собой обеды в термосах, фотоаппараты, книги, гитары, магнитофоны, некоторые энтузиасты (в основном свои) умудрялись прихватывать шампанское... Тут в качестве заводил проявили себя так называемые братья Нептуновичи, оба аквалангисты, оба, впрочем, симпатичные и никакому давлению не поддающиеся... Лора, подруга, как-то недвусмысленно намекала, что у них, у братьев, на спинах под лопатками — жабры! Бестия она, вообще-то, но умная: на братьев намекает как на приключение, а клеится к холостым кандидатам, у которых "жабры" эти совсем другие: кошельки, квартиры в Москве, в Риге.

Да, интересный народ у них иногда "зимует". Одни ищут какие-то реликты минерального мира; другие — метеоритное железо и собирают притом "солнечную кровь" — сердолик; третьи вообще потерялись в поисках мезозойской флоры.

В километре от берега в закатных лучах плещутся дельфины. Рассказывают, что на спинах у них изредка появляются мерцающие огоньки...

Мальчишки из соседних посёлков ныряют, ищут в подводных раселинах византийские монеты. Рядом, за горами — скифские степи, курганы... Теперь появились ещё и орнитологи. Оказывается, какие-то необычные миграции у здешних чаек!

Никто бы об этих чайках ничего и не подозревал, но год назад появился на биостанции заброшенный сюда судьбой человек, "осколок" былых экспедиций — Толя Снов, или Атолл Снов, как его стали величать с лёгких конечностей братьев Нептуновичей.

Неведомо, какими аргументами подкупил он руководство, какую веру вкачал в него, но уже на следующее лето Атолл Снов летал на вертолёте в радиусе десяти километров и

испытывал собственное оригинальное изобретение — выстреливающие сети. Ими он ловил чаек.

Человек Атолл Снов вёл себя как живая легенда, и, странно, ему в этом все помогали: Нептуновичи, которые в "закатных лучах плескались", Женя Сидоров, палеовулканолог и любитель возжигать ночные костры на плато, Олег Лоцкий, "знаток гадов наземных", директор будущего серпентария, "хоть плохонького, но, знаете, порядка мирового, и обязательно с факирами", Лора, подруга, бестия, статистичка... Это ведь она выведала, что "наш Атолльчик — недоучка гуманитарная", что бросил он литинститут на четвёртом курсе, что "метил в Виги, а попал в фиги", что — чёрт возьми! — к нему никаким боком не подступишься и "вообще, у него кости, наверное, пустотелые, как у птиц", что он всех тут дурит и "глаз у него дурной, как у египетского сфинкса!".

Аня считала, что знакома с Атоллом Сновым. Они и обедали вместе в столовой, и в гостях у Нептуновичей танцевали.

Аня ошибалась. Их первое знакомство произошло позже, на мысе. Шеф собирался проводить серию опытов, готовил статью, и тут посетила его мысль, что там, на мысе, некоторые виды мхов, возможно, растут в условиях постоянного морского орошения, что очень важно и надо бы их там наскрести...

Аня рассказала Виктору.

— Что, у нас некого больше послать? — Виктор считал, что говорит искренне, считал он, что так же искренне наблюдал у Нептуновичей за танцующей парой, и сейчас считал, что искренне собирается провожать Аню. "Там дорога красивая, — подумал он, — много укромных гротов..."

Золотился полдень. Узкая тропа нависала над барахтающимся заливом. Внизу, на шельфе, огромные подводные валуны шевелили зелёными своими шевелюрами и, казалось, ползли на сушу за глотком чужой стихии.

Скалы! Вечно зримые и незримые абразивы шлифовали их, изнуряли, и скалы дробились, трескались, но были полны ещё своей удивительной "магматической силы"! Трудно и

жарко вдыхать от этой силы, как трудно и жарко вдыхать от ветра, от солнца, от неба! Ноги ищут, за что зацепиться, а руки воображают, что идут на самом деле не ноги, а руки... Кожа горит. Горизонт — белая тесёмка, и на тесёмке висит вдалеке кораблик — не дрогнет! Чаек не видно: в жару они прячутся.

Аня объяснила Виктору, куда нужно спуститься и где искать тот самый мох. Дала сумку с целлофановыми пакетами. Виктор сказал: "Тут надо подстраховаться". Он обвязал ближайший камень верёвкой и полез вниз по расселине.

Прошло минут пять, и вдруг — шум вертолета, летит низко. Ну, это Атолл...

Атолл Снов увидел её.

Атолл Снов уговорил пилота, и они подлетели и зависли над площадкой, метрах в десяти. Вертолет был нешумный, но ветренный. Аня схватилась за разлетающиеся волосы. Атолл Снов открыл дверцу, взял рупор и сказал:

— Девушка, теперь вы понимаете, что очень не правы, ибо забрели в чужую вотчину!

— Чёрт возьми! — пилот всё крутил носом у самого обзорного "витража". — Да она красива! Не эту ли единственную чайку ты ищешь?

— Может быть, — сказал Атолл. — Слушай, дай сыграть пижона... Опустись плавно, когда останется метров шесть, я прыгну.

— Ты хочешь меня посадить?

— Да нет, какой тут риск, сам видишь! Клянусь, это первый и последний раз!

— Это всегда первый и последний раз, — сказал пилот и хрумкнул припасённой ещё с утра баранкой. — Раз и в лаз... на тот свет, привет!

— Да ты не бойся, я в цирке акробатом работал, веришь?

— Ага, — сказал пилот, — верю. Ну ладно, а как я тебя вытаскивать буду?

— Ты полетай тут немножко, потом скинешь мне подъёмный трос...

И Атолл прыгнул. Здорово прыгнул. Атолл Снов не мог прыгнуть не здорово.

...Он подошёл к ней смеющийся, загоревший, бородатый, какой-то летающий птичий жрец. Друид. Может быть, Друд?

— Ты всегда такой... сумасшедший? — спросила она.

— Всегда, — он скрестил руки и вдруг нахмурился, глядя как бы сквозь неё.

Из расселины, кряхтя и отплёвываясь, выполз Виктор, скинул сумку, достал из штормовки тонкий гребешок и так очень аккуратно стал им причесываться, наблюдая.

Атолл Снов всё понял. Виктор наверняка не станет молчать о том, какие трюки проделываются на мысе.

— Если хочешь посмотреть на моих меченых питомцев, — сказал Атолл Ане, — приходи завтра пораньше.

Вечером директор вызвал Атолла Снова на разбор. Атолл пытался отшучиваться.

— Всё! — говорил он. — Всё, меня застучали. Разрешите сменить вертолёт на сачок. Сам буду лазить.

— Анатолий Алексеевич, вы, ей-богу, несерьёзный человек. Устраиваете цирк и думаете, вам это — как с гуся вода! А строгача не хотите?

— Нет, — честно признался Атолл. — Строгача не хочу. Стрекоча — можно.

— Какого стрекоча?

— Из вашего кабинета... сухим гусем!

— Нет, — сказал директор, — получите. И, кстати, ваш пилот тоже: я сообщу на базу.

— Знаете, — сказал Атолл Снов, — можете гнать меня в три шеи, но этого парня не трогайте, я вас очень прошу!

Директор согласился. Атолл Снов ушёл с легким сердцем. В лёгком его сердце, в смутном плавлении крови, отражался этот день — лёгкий, как прыжок на скалу.

"Есть некая точка в пространстве, некое окно. Есть некая птица по имени... которая достигает этой точки, вонзается в неё... В детстве я однажды разбил окно. Камнем. Живым камнем! Я не бросал камень — я его отпустил. Завтра я отпущу птицу. Ну да, не получился поэт: потерялся в разбросанных камнях...

Не получился и ученый: потерялся в занаучных идеях!"

Атолл Снов закрылся на всю ночь в лаборатории. Он кольцевал чаек.

Утром Аня столкнулась с Виктором.

Виктор сидел у главного входа на скамейке, курил. Был он весь такой аккуратный, спокойный и обходный, точно приклеилось к нему... странное определение. То ли поэзия, то ли мерзость... и слово такое особое — утварь!

— Ты ему завидуешь, — сказала она. — Ты бы так не смог, с вертолёта...

— Если он дурак — пусть гробится.

— Да, — сказала она резко, — а ты будешь ходить вокруг, констатировать и докладывать...

— А я... — он поперхнулся дымом и нарушил аккуратный вид. — Какие тонкости, Анюша, какие тонкости!..

Аня не стала больше задерживаться. Забежала в здание.

Наука прописала орнитологов на чердаке. Там содержали они две комнаты с выходом на крышу и доступом к небу. От площадки третьего этажа вела вверх узкая, гулкая железная лестница. Лестница была наклонно прижата к стенке, и стенка эта вещала следующими самодовольными письменами: "Всем, кроме директора — брать слёту!", "Окольцованным сотрудницам вход строго воспрещён!", "Птицекомбинату требуются внештатные кормилицы", и ещё, и ещё...

Аня ступала по таинственному нависающему мостику, продолжая читать надписи. Наверху, у самой двери, её остановила последняя фраза, точней, выкройка из тютчевского "Фонтана": "...Какой закон непостижимый тебя стремится, тебя мятёт?..".

Дверь открылась от лёгкого нажима. Лаборатория была пуста. Аня вспомнила о выходе на крышу. Наверное, Атолл Снов там, а где выход? Интересное у них жилище...

Комнаты напоминали корабельные каюты, с той разницей, что иллюминаторы здесь располагались прямо на потолке. Иллюминаторами они назывались, конечно, условно, а были это стеклянные колокола, "шатры света"... Аня предположила: когда солнце в закате, в комнатах стоят прозрачные

лиловые "колонны"... Двигается солнце, и "колоны" начинают крениться как пизанские башни... А ночью — нет "башен", ночью — "глаза"... круглые, птичьи!

Аня скользнула взглядом по ряду столов, уставленных приборами. Почему-то её внимание удержали весы, в таких обычно взвешивают младенцев. И ещё... какой-то очень странный аппарат, энцефалограф, кажется — белая коробка, самописец, провода и маленькая такая упряжь с электродами и застёжками. В следующей комнате стояли переносные клетки, уложенные одна на другую, с дверцами из тонких стальных прутиков. Все дверцы были открыты. Интересно, где же выход на крышу?

Аня подняла голову. Прямо над ней висел стеклянный колокол, то есть не было колокола, не было стекла. Как здорово — значит, он выпускает чашек прямо отсюда!

Внезапный шорох, всплеск, и что-то упругое, стремительное упало на неё сверху, метнулось в сторону, забилося под карнизом и вдруг вспорхнуло на письменный стол. Замерло... Чайка!

Аня протянула к ней руку и так пошла, как будто в полутьме...

— Ты видел! Видел! — голоса на крыше: — Атолл Снов и так называемый Нептунович-младший.

— Что?

— Она вернулась.

— Куда?

— Да в иллюминатор этот, только что...

— Ничего я не видел.

— Да брось! Ты видел. Это та самая. Я её нарочно не кольцевал, думал — улетит. Вернулась...

— Атолл, клянусь Аллахом! Дай мне съесть коралловый полип! — ничего не видел.

— А... Ты чудило!

...Аня шла как будто в полутьме. Чайка спокойно ждала. Аня опустила руку.

На столе, на белом листе бумаги, лежало бронзовое кольцо.

Аня взяла его и прочла вырезанное на металле слово: "ANNA"...

"Есть некая точка в пространстве, некое окно. Есть некая птица по имени..."

Голоса на крыше приближались.

— ...А ещё рассказывают, доблестный сэр, что у неё на спине попона из живых змей, а вместо перьев на туловище — стыдно сказать — коровьи соски! Сплошными гроздьями! И змеи питаются её молоком.

— А на голове у неё что? — спросил Ланселот.

— А на голове, как водится, рога!

— А ботало, — спросил Виттэрик, — ботало у неё на шее имеется?

— Как не иметься, сэр Незнакомец! Только такое ботало можно было бы повесить в часовне и трём звонарям раскачивать!

— Хорошо, — сказал Ланселот, — Расскажи-ка нам, староста, как она летает.

— Как огромная тень летает... — сельский посланник стал усердно живописать подробности встреч с диковинным созданием.

Его живописный свод заканчивался рассказом о том, что нынче на зимних копнах не увидеть ни единой рогатины, собаки страшатся даже на луну выть, а мужчины ходят только днём и трезвы до отваги, даже налоги платят исправно, в горы, однако, никто на кабана, на оленя не идет — смута, страх!

— Ну что же ты молчишь, Виттэрик? — спросил Ланселот, когда удалился возбужденный собственным словесным размахом посланник.

— Скажу тебе, что я знаю разные истории, подобные этой: о Фениксе, о Василиске, о птице Рух, что кормит своих детей тушами слонов. Знаю от испанцев, от греков и арабов. Многие истории эти, я думаю, чистая правда, но эта... С тех пор

как погиб уонтлейский дракон, а сам Артур разрубил своим мечом Круглый Стол, нет, дорогой де Лак, это не история — крестьянский сбор!

— Ты сказал "сброд"!

— Я сказал "сбор", но ты вправе не расслышать.

— Я расслышал, я только мерзну последнее время...

— Эта зима будет долгой, — сказал Виттэрик, — будет сумрачной.

— Нет, сказал Ланселот, — нет, она должна быть украшена. Я жду событий! Зачем, по-твоему, приходил этот болтун староста?

— Боюсь, покажусь тебе циником.

— Так вот, — продолжал Ланселот, не придавая значения мрачности друга, — людям нужна новая легенда!

— Наверное, поэтому, дорогой де Лак, они придумали птицу с обликом коровы?

— Нет, — сказал Ланселот, — им нужна настоящая охота, настоящая схватка!

— Охота за тенью?

— Да, да!

— За тенью птицы... просто за тенью. За их собственным страхом. За мечтой!

— Это при живых-то героях, ты не шутишь?!

— Именно при живых! — Ланселот встал с кресла, поднял волчью шкуру, что лежала в ногах, закинул её на плечи как воротник, подошёл к огню.

Огонь в камине потянул к нему свои красные языки, ярко осветил крепкую, высокую фигуру, лицо и затемнил тёмную шерсть воротника. Сэр Виттэрик ещё не видел Ланселота таким ярким в добровольном его затворничестве.

— Увы, — сказал он, — боюсь, эта новая легенда у тебя не получится.

— Почему?

— Я с горечью думаю о другом — старость, гибель, смерть!

— Гибель, ставшая легендой, — уже не гибель! Да очнись ты! Что тебя гнетёт?

— Ты давно не видел своей жены? — спросил Виттэрик.
— Скоро будет полгода.
— И тебя не страшит измена?
— Нет, — сказал Ланселот, — как может изменить легенда?.. Любовь...
— Ты взрослый младенец, мой доблестный Лак... или юный старец! Ты счастливее всех нас — циников Круглого Стола!..

Зимний лес заносило снегом. Вековые дубы, столь пышные летом, столь съединенные зелёной славой крон, одиноко вздымали чёрные неподвижные факелы голых стволов. Но и теперь, в кругу грустной блеклости, похоронившей под белым холстом бесчисленные свои шорохи и вздохи — листья, и теперь в деревьях этих читалась торжественность, мудрость, свежесть!

Дорога резко забирала в гору. Акrap делал большие усилия, глубокий снег и скользкая начинка из листьев мешали ему. Он чаще задышал, распушил ноздри, похрапывал, жаловался. Ланселот натянул поводья и спрыгнул с седла. Акrap благодарил: кивнул мордой, подрожал мышцами. Ланселот переместил лук тетивой к груди, подтянул ремень колчана, взял охотничью сумку, короткий стилет и рог.

Акrap хорошо знал сигнал этого рога, слышал его на больших расстояниях и всегда прибегал на зов.

Ланселот подкормил коня парой пригоршней овса, потрепал за гриву и отпустил.

— Поищи себе какую-нибудь не очень заснеженную поляну, друг Акrap! — сказал он и добавил уже себе: — Надеюсь, серебряные наконечники окажутся действеннее простых, хоть и не верю я, что эта птица — порождение химеры!

Ланселот вспомнил свои первые ощущения от встречи. Не страх — беспокойство, не беспокойство — смятение, не смятение — а что? Прыжок. Откуда? Сверху наверх? С ветки? С ветра?.. Да, был ветер, и белые хлопья завихряло в воздухе, всё плато, изъеденное червоточиной оврагов, казалось склад-

ками большого покрывала! Вот если бы море могло так же замёрзнуть посредине шторма! Но море далеко.

...Она появилась неожиданно. Беззвучно. Большая голубовато-прозрачная тень, крылья в изломе! Ничего подобного тем описаниям, что ему дали...

Непослушные руки выхватили и натянули лук, непослушные глаза поймали её острием стрелы, непослушное что-то отпустило стрелу...

В тот же миг ему стало невыносимо. Он отшвырнул лук и побежал... и провалился в сугроб, в белую каменную воронку. На дне её спряталась замерзшая лужа. Он пробил корку льда и до крови исцарапал руки...

Так завершился его первый "прыжок". Тень улетела, а Ланселот потерял Ланселота.

"Что же сейчас?" — спрашивал он, поднимаясь вверх. Шёл с короткими передышками. Хлопья снега таяли на разгорячённом лице, бисеринки мелких капель усеяли бороду. Небо надвинулось, исчезло...

"Сейчас, — отвечал он себе, — люди в замках в долине знают о моей схватке, рассказывают друг другу немыслимые вещи. А лучший друг Виттэрик отказался. Уехал в Йорк. Верно, увидит мою жену, передаст письмо... Изменился, скрытен стал, ни во что не верит... Храни его Бог!".

Ланселот достиг плато. Тень Птицы любит эту пору. Может быть, чувствует его, единственного охотника, и вылетает, чтобы раздражить его своей властью, своим отчужденным ликованием! Ну же, берегись, коварная сила, здесь Ланселот де Лак!

...Как затихло вокруг все! Как натянулось! Как огласилось небо в кровавом мареве... зашелестело! И вот... Она! Вот... Парит!

Взвизгнула стрела. Одна... другая... третья! Что-то живое отделяется от тени, что-то живое угловатым крылатым существом падает вниз!

Тень освобождается. Тень явственно светлеет, довершая гигантский зигзаг, сливается с молочной рябью, и нет её!

Бежит стрелок, бежит к добыче, к легенде. Бежит целую милю... или миллион!.. И сердце позади, в смятении...

Птица мечется на снегу, вскрикивает, ждёт. У неё подбито крыло. Серебряные наконечники делают чистые раны. Нездаром же пьют господа рыцари из серебряных кубков!

— Это невозможно! — говорит Ланселот де Лак. — Это невозможно... чудеса сами идут ко мне в руки, — и подбирает птицу, и прячет её в тёплую охотничью сумку.

"Наивный безумец! — рассуждал сэр Виттэрик по дороге в славный город Йорк. — Как живёт?! С какими Богами празднует? Какие дикие обеты возлагает на свою уже полуседую голову!.. Затворничает в деревенской простоте, в звериных шкурах... ждёт событий как украшений! И это — когда рядом жена-красавица! Ах, Ланселот, честней мне было умереть в турнире с тобой, чем молчать... Не мог, не могу я разделить с тобой эту новую легенду, слишком дорого ты бы за неё тогда заплатил! Нет... полно, оставайся ты лучше в неведении", — сэр Виттэрик хлестнул лошадь с редкой для себя лихостью.

Ему захотелось ворваться в город на полном скаку, переполошить сонную стражу, натворить какой-нибудь безвинной беды и перестать думать.

"Ах, леди Анна, ах, ну зачем?.. Храни вас Бог!"

Его лошадь остановилась у самых ворот.

Ланселот де Лак приехал в город спустя два дня.

Жена встретила его кубком тостийского, ковровой гостиной, многочисленной челядью, вспышками то радости, то рассудка, то капризов... то борьбы с долгом супружества.

Платье её из тяжёлых бежевых и красных шелков шуршало и пересыпалось, как песчаные дюны, взгляды боролись, лучились, тускнели...

Была она вся прекрасней прежнего. Она не любила его.

— Виттэрик передал вам моё письмо?

— Да, он сказал, что вы учинили травлю какой-то птицы.

— Я привёз её вам, леди.

— Вы... мне?! Это, верно, настоящий монстр? Вы ведь истребляете всех монстров!

— Я никого не истребляю, леди. Птица здесь, со мной. Вот она... — он развязал сумку.

— Но это же... это Чайка! — воскликнула она. — Откуда в такую пору? Признайтесь, вы были в южных морях?

— Это не простая чайка, леди! Она была ранена моей стрелой, но рана затянулась уже к вечеру... тогда я понял, что должен отпустить её.

— Почему же вы не сделали этого? Или вас позвало окно моей спальни в башне?

— Меня позвало другое, леди. Эту чайку должны отпустить только вы!

— Ах, мне трудно вас понять. Почему я?

— Взгляните! — он разжал пальцы своей левой руки и протянул ей маленькое, потемневшее от времени кольцо.

Леди Анна взяла его опасливо и прочитала короткое, тонко вырезанное на металле слово, свое имя: "ANNA"...

На следующее утро Ланселот де Лак покинул город.

Поняла ли она?

Услышала ли то, что услышал он?

Быть может, стояла на террасе, провожала глазами... шептала!

Неведомо!

Легенда жила в нём.

"13 КИЛОМЕТР"

ВОРОНИНА ДАРЬЯ

г. Керчь

(конкурсантка)

(10:47) Мы подъезжаем к тринадцатому километру перевала Кок-Асан. Тут восхитительные пейзажи, горы, покрытые буковыми лесами, стремительные ручьи, а воздух — это нечто потрясающее! Уже видно ту самую "подковку", на которой, в январе 1942 года, Ичкинский партизанский отряд разгромил вражескую колонну. Поверить не могу, что по этой грунтовой дороге люди ходили и ездили почти два века. Впечатляет.

(10:59) Мне трудно говорить, меня прижало снаряжением, выпавшим из багажника, а нога придавлена передним сидением, я не могу выбраться, очень больно. Мы связались с МЧС Белогорского района, они обещали приехать в течение часа. Наш водитель, Валера, практически не шевелится, а Надя перестала стонать, может, уснула или потеряла сознание. Мне страшно и не с кем поговорить, буду говорить с диктофоном.

Мы ехали по дороге Белогорск — Приветное к морю. На месте нас должны были встретить друзья, они вышли на день раньше. Наверное, уже накупались вдоволь. Везунчики.

Когда мы проезжали "подковку", машину как-то странно повело, будто её силком потянуло вниз. Хотя это, конечно же, моя фантазия, просто узкая грунтовая дорога размытая ручьями и дождями сыграла злую шутку.

Кружится голова. Очень хочется пить. Надеюсь, МЧС скоро прибудет и...

Мяч бился о раскалённую стену, глухие удары эхом разносились по двору.

— "Ка" "о" "зэ", ещё две буквы и ты проиграл! — смахнув соломенную прядь со лба, крикнул Антон.

— Всё, сдаюсь! С меня пот уже в три ручья, — пожаловался Дима, обливаясь водой из бутылки. — На море хочу.

— А что, идея — подбежала к ним Катя. — Я тоже на море хочу, да и остальные ребята будут рады.

— Ага, на море, а практику кто отрабатывать будет? — прищурил зелёные глаза Антон.

— Да ладно тебе, надзиратель плюшевый, — надула пухлые губы Катя. — Нам три дня осталось отработать. Поехали на выходных, ну?

— Хорошо, на выходных поедem, а лучше пойдём, я один очень живописный маршрут знаю. — Антон улыбнулся и, ласково прижав Катю к себе, поцеловал её в рыжую макушку.

— Уф, ты горячий и липкий, и без тебя жарко, — фыркнула Катя и поспешила вернуться в тень.

Костёр потрескивал, размеренно пожирая дрова. Вечерний ветер приносил запахи разнотравья из полей. Насвистывала своя колыбельную сплюшка. Компания суетилась над продуктами. Надя с Катей нарезали овощи, Вика заворачивала картошку в фольгу, а Олег с Димой нанизывали мясо на самодельные шампуры. Антон же со своим старшим братом Валерой собирали сухой валежник. И вот, все приготовления закончены, картошка печётся, а мясо поджаривается, все расселись вокруг костра в предвкушении, и Антон заговорил:

— Значит так, завтра мы отправляемся к морю. Нужно взять с собой палатки, спальники и посуду, пойдём дикарями. Основной едой запасёмся в Приветном, перекусы возьмём с собой из дома. Нужно будет разделиться на две группы: Валера на машине повезёт всё самое тяжёлое, останется два места, кому лень идти пешком, может поехать. Остальные едут со мной на автобусе до Красносёловки, дальше пешком.

— А сколько пешком идти? — поинтересовалась Надя.

— Да немного, километров 30.

— Ого, это ж часов шесть пилить! Не, я лучше поеду, ну вас, походников, мне мои ноги дороги. — Возмутилась Надя.

— М-м, ребят, — Валера, наконец, вынырнул из своих мыслей. — Тут такое дело, я завтра поехать не смогу, дела. С воскресенья только свободен буду. Может, вы тогда вперёд пойдёте, а мы подъедем на следующий день? Одну ночь у моей бабушки заночуете, а мы с Надей утречком приедем, и палатки привезём и еды докупим. Только мне бы ещё одни мужские руки в помощь, а то одному всё таскать неохота, да и с картой сверяться в поездке будет удобней. Наде я это дело не доверю, из неё навигатор... м-м... так себе.

— Я могу поехать с тобой. — Предложил Дима. — Буду тебе навигатором и дорожным дневником, я себе диктофон новый купил вчера, хочу опробовать.

— Хорошо, значит, отправимся двумя партиями. Я с Катей и Олег с Викой завтра пешком и налегке. Вы трое на следующее утро к нам присоединитесь с вещами. — Антон пово- рошил угли палкой. — Эй, кто там заведует напитками? Пора разливать, мясо готово!

— Ой, а давайте какие-нибудь истории рассказывать? — предложила Вика. — Романтика же, ночь, лес...

— Истории? Ну, слушай. — Тут же отозвался Олег. — Ходит легенда, что на перевале Кок-Асан, примерно на тринадцатом километре, там, где дорога делает резкий поворот, так называемая "подковка", сидит дед Кондратий, прям у оврага. Сухонький такой старичок с клюкой. В сером картузе и кургузом пиджачке, брюки в носки заправлены, на ногах тапки старые, а на носу очки в толстой роговой оправе. Только не просто так он там сидит — машины подстерегает, а потом цепляет за колесо клюкой и в пропасть стаскивает. А зачем — никто не знает.

Тревожный холодок прошёл у Нади по спине.

— Так нам же по этой дороге ехать, а вдруг он и нас того, стащит?

— Да сказки это всё, а ты как маленькая повелась... — рас- смеялся Дима.

На этом с историями решили закончить, и переключиться на еду. Шашлык удался на славу. Сытыми и доволь-

ными ребята разошлись по домам готовиться к завтрашнему походу.

Автобус появился, как только ребята подошли к остановке. Ехали быстро, с ветерком...

Вот и конечная остановка. Солнце припекало, и идти дальше пешком абсолютно перехотелось. Решили подождать попутку и перекусить заодно. Сели неподалёку от остановки, разложили продукты и только принялись за еду как...

С окраины посёлка к ребятам направлялся человек. Сухой старичок в сером картузе, кургузом пиджачке, в брюках, заправленных в носки, старых тапочках на ногах, а на носу красовались очки в толстой роговой оправе. Он опирался на клюку при ходьбе, но, как для призрака, выглядел вполне бодро.

— Здоров, молодёжь, а вы кто такие будете? Вроде раньше вас не видал. Едете куда?

Вся компания перестала жевать и, не моргая смотрела на старика. Точь-в-точь как Олег вчера рассказывал.

— Здравствуйте, — первым от ступора очнулся Антон. — Да местные мы, Белогорские, на море захотелось, вот и добираемся.

— А-а-а, тутошние, — одобрительно покачал головой дед. — Это хорошо, да... ну, тогда, ребятки, добрый путь.

Старик заковылял прочь, а компания ещё долго не могла прийти в себя.

— Это что ж получается, нас сам Кондратий на поход благословил? — прошептала Катя.

— Получается, что так... — эхом отозвался Олег.

— Ну, всё, посидели, надо двигать, — решил за всех Антон. — Причём пешком, сказано же, — идите, а не езжайте.

По северным склонам подниматься было легко и приятно.

Со всех сторон дорогу окружал густой лес. Буки и каменные дубы давали много прохладной тени. Воздух наполнялся свежестью и чудесными запахами. Палые листья, влага от земли и множества мелких ручьев, что буквально изрыли землю Кок-Асана. На повороте — "подковке" компании открылись шикарные пейзажи, уже виднелось в голубоватой дали

Чёрное море. По правую руку от дороги возвышалась скала, каменные выступы на ней так и норовили обвалиться и придавить путников. По левую руку хищно скалился острыми камнями овраг глубиной метров в тридцать. На его дне, местами, виднелись ржавые остовы машин. Щебёнка, которой изредка присыпали дорогу, выскальзывала из-под ног. Пройти тут было несложно, а вот проехать, даже легковой машине, с трудом и крайне осторожно.

Наконец, горы остались позади, и ребята вышли к Приветному. До пляжа оставалось меньше километра и, забыв об усталости, компания рванула к воде наперегонки.

Солнце уже не пекло, а нежно грело, не давая замёрзнуть мокрой коже.

— Всё-таки хорошо, что пешком пошли. Такая красота... — вытянулась на полотенце Вика.

— А водичка-то, как хороша! — восторженно заметил Олег, выбираясь на берег.

— Ну, всё, сворачиваться надо и к бабушке идти, она ложится рано, а нам ночевать больше негде, — позвал ребят Антон.

Летняя ночь радовала свежим морским бризом. По дому разносился запах мяты, полыни, чабреца и яблок, которые бабушка сушила на зиму, подвешивая связки под потолок. Но всё равно спалось плохо, и отчего-то тревожно. Может дневная усталость так сказывалась, а может и утренняя встреча со странным стариком не давала покоя, но нормально уснуть ребятам удалось лишь к рассвету.

— Подымайтесь, сони! Уж полдень скоро, а вы всё дрыхнете. Неужто не выспались за ночь?.. — не унималась бабушка.

— Встаём уже, встаём. — Откликнулись все хором, но как-то неохотно.

Телефонный звонок молнией прорезал тишину. Незвестный номер отображался на экране мобильного. Антон взял трубку:

— Алло?

— Здравствуйте, вас беспокоят из Белогорской районной больницы. Вы Булавин Антон Викторович? Булавин Валерий Викторович ваш брат?

— Да — да, а что случилось? — у Антона бешено колотилось сердце, и уже начали подкашиваться ноги.

— Мне очень жаль, но вы должны приехать в наш морг для опознания...

Антон сполз по стене. Руки дрожали как у запойного пьяницы, в глазах набиралась влага.

— Нам нужно обратно, как можно скорее!

Про опасную дорогу забыли...

Машина неслась на всей возможной скорости.

В головах билась одна мысль: "Только бы они ошиблись".

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Нет-нет, только вы, друзья могут подождать вас в холле... Вы узнаете этого человека? Вот чёрт! Воды и ватку с нашатырём сюда, срочно!

Антон привели в чувство и усадили на стул.

На холодном кафельном столе лежал человек, точь-в-точь его брат... только не весёлый и розовощёкий, как обычно, а тихий и мертвенно бледный. Он как будто спал.

— Это он... — из серых глаз Антона катились слёзы, предательски дрожала нижняя губа. — Но как так вышло?

— Авария. Подробности пока не известны. Вам нужно будет пойти в полицию, чтобы заполнить некоторые бумаги. Возможно, там вам скажут больше.

Антон шёл на негнущихся ногах. Пока его провожали к выходу из морга, он увидел на белых столах ещё двух человек, это были Надя и Дима, такие же спокойные и мертвенно бледные, как Валера.

В полицию решили пойти вместе. Так легче. Будто бы...

— Здравствуйте, примите наши соболезнования. Вот бланки, которые вам нужно заполнить, так как вы его единственный родственник. Можете не слишком торопиться, но и затягивать не стоит, их нужно прикрепить к делу. Теперь о происшествии: Ваш брат и его попутчики ехали на автомобиле ВАЗ 2101 по трассе Белогорск — Приветное в сторону моря. С дороги сошли примерно на тринадцатом километре

перевала, там есть опасный поворот, очень узкая дорога, отсутствие заграждений. Видимо, машину занесло, и она сорвалась. Об аварии они сами смогли сообщить в МЧС, но пока их нашли... сами понимаете. Вот личные вещи вашего брата и его попутчиков, мы также нашли диктофон, который частично пролил свет на произошедшее. Ждём вас не позднее чем через три дня. Всего доброго.

Друзья вышли из участка и направились домой. Катя в слезах жалась к Антону. Он, в свою очередь, прижимал её к себе, но смотрел куда-то отсутствующим взглядом.

Вика рыдала и осыпала проклятиями извилистую узкую горную дорогу, старую машину и себя заодно, — за то, что поддерживала идею поездки на море.

Олег шёл молча, опустив глаза и часто спотыкаясь.

Перед самым домом они решили прослушать диктофонную запись и узнать, что же там всё-таки произошло.

Из диктофона слышался бодрый голос Димы:

"10:47. Мы подъезжаем к тринадцатому километру перевала Кок-Асан..."

КОНДРАТИЙ ВЕЗДЕХОД-ВЕЗДЕБЕГОВИЧ

ЛЬВОВСКИ МАЙКЛ

г. Симферополь

(писатель, вне конкурса).

Типа вступление:

Внезапность бывает разного рода — одна оборачивается приятным неожиданным сюрпризом, другая застигает нас врасплох, вызывая смутные чувства неуверенности и тревоги (и это ещё в лучшем из худших случаев! — может ведь и кондрашка хватить, и мирон прихлопнуть). В секунды растерянности мы теряем самообладание, и такого зазора во времени хватает, чтобы это "обладание" подхватил страх. А потом вроде бы уже всё нормально, но только кто-то боится лететь в самолёте, кого-то пугает темнота, кому-то неохота выходить из дома...

Страх не один, страхи тоже разные бывают и у них есть свои имена. Мне тоже было страшно (не буду рассказывать как, где и кто меня застал врасплох, ну, напугал — да, испугался я)...

Долго мне этот страх покоя не давал (к психологам тогда вроде бы как обращаться стыдновато было - заглянут в душу, найдут кучу хлама и тараканов, признают не совсем адекватным...) — ну, я и решил вывести этот страх на бумагу, придумал ему имя и разные истории. С тех пор он ушёл и идёт сам по себе, а я сам — без него...

Нестрашная история, эпизод XV

1. Кондратий умел считать и ходить сквозь стены. За эти выдающиеся способности его и выгнала жена из дома. Где его с тех пор только не видели...

2. Шёл как-то Кондратий по среднерусской равнине, а навстречу ему куст. "Ты кто?" — поинтересовался Кондратий. "Я — куст", — нагло соврал ему смещенный с престола митрополит Исидор. Кондратий доказательств не потребовал — поверил кусту на слово и отпустил его с миром.

3. Все дороги равнины вели в Тверь.

4. Кондратий самоходом легко добрался до города, а в городе все "на ушах" стоят — из-под стражи шпион Папы Римского сбежал. "Исидора видел?" — строго спросили тверичи у Кондратия. "То куст был," — не стал отпираться Кондратий.

5. Народ загалдел. Мнения по поводу куста разделились, но Кондратия всё равно повесили.

6. Висеть было скучно, и через два дня Кондратий покинул негостеприимную Тверь, прихватив с собою верёвку.

7. В Москве верёвка пригодилась. На птичьем рынке Кондратий обменял её на сапоги. Сапоги оказались не только парой, но и, по странному стечению обстоятельств, пришлось ему впору. Кондратий на радостях выпил за удачу.

8. Утром вместе с радостью также исчезли его сапоги. Сделка пошла насмарку, а Кондратий босиком — в Константинополь.

9. По дороге в Константинополь Кондратий по-настоящему познал голод и муки творчества. "Сказание о побоище великого князя Дмитрия Ивановича Донского" получалось у него нескладно. "Как мне сказать?" — спросил Кондратий у встречного пилигрима. "Скажи по правде", — посоветовал ему пилигрим.

10. Кондратий рассказал о битве без прикрас и за это патриотическое произведение получил — с оказией — от рязанского епископа Ионы мешок сухарей и серебряную клюшку.

11. С думой о Родине Кондратий зашёл в Константинополь.

12. Константинополь жил своей жизнью. В городе развивались ремесла и мошенничество. Кондратий первым делом избавился от ионовой клюшки, которой без особых причин зашиб по дороге тридцать семь басурман.

13. Избавившись от страшной улики, Кондратий открыл лётную школу. Желающих научиться летать было много и дело пошло на лад.

14. Завистников, однако, у Кондратия оказалось гораздо больше, чем настоящих друзей. Воск для крыльев ему продавали по невыгодной цене, и он, в конце концов, разорился.

15. "Шут гороховый", — смеялись над ним предприимчивые византийцы. "За шута ответите", — пообещал им Кондратий и по весне перебрался в Крым.

16. Вскоре после его ухода Константинополь пал.

17. С татарами Кондратий тоже не ужился. После неудачного сеанса одновременной игры в нарды при дворе хана Менгли-Гирея, он исчез на целых пятнадцать лет.

18. Волоколамские слепцы утверждали, что Кондратий, прикованный цепями, томился в ханских подвалах, а в Угличе случайные ходоки рассказывали, что он двинул к Южно-Китайскому морю.

19. Бывал ли Кондратий в Китае — неизвестно, но именно он указал тверскому купцу Афанасию Никитину кратчайший путь в Индию.

20. Из неизвестности в Иерусалим Кондратий въехал на белом верблюде. Горожане, наслышанные о его хождениях, лицом в грязь не ударили и встретили героя, как полагается. Растроганный до глубины души Кондратий передал благородное животное в дар городу.

21. Всегда окруженный толпою зевак, Кондратий поневоле начал проповедовать. Слова подтверждал чудесами и фокусами из разряда смертельных. "Эка, Кондрат хватил!" — удивлялись жители и непрошенные гости Иерусалима.

22. Особо рьяные поклонники чудотворчества Кондратия сплотились в секту.

23. Сам же Кондратий не очень-то верил тому, что говорил, и по идейным соображениям тайно покинул Иерусалим.

24. "Вознёсся", — не зная правды, констатировали его последователи.

25. После нескольких лет бесцельных блужданий Кондратий оказался во владениях Влада Цепеша. Цепеш по

доброй традиции усаживал всех иноземцев (да и не только!) на кол. Но Кондратий не причислял себя к любителям острых ощущений и в гостях у валашского господаря долго на задержался.

26.....

27. Окончательно следы Кондратия Вездеход-Вездебеговича теряются в долине Валя Албэ. Доподлинно известно, что перед этим он научил монахов Пятра-Нямецкого монастыря курить опиум и наладил там массовое производство кальянов.

РАСЧЕТ АНТИКОДА

(эпизод XVII из жизни Кондратия: бубенцовый)

1. Кондратий проснулся от навязчивой недосказанности, которую ему во сне нашептал чухломской прорицатель и основоположник герметической арифметики Антикод: "ПОТОМУ ЧТО БУБЕНЦОМ".

2. Двадцать восемь лет и четыре месяца беспробудно спал Кондратий в дупле дивного дуба (дуб желудями и лимонами плодоносил), пока не услышал ЭТО.

За разъяснением из глуши муромского леса он отправился в Чухлому — к самому Антикоду.

3. В дороге Кондратий измучился от щемящего предчувствия и липучих слов. На языке у него беспрестанно вертелось одно и то же: "потому что бубенцом".

4. Предчувствие сбылось за воротами Чухломы. Местные сразу огорчили Кондратия известием, что Антикод уже год как преставился, и из всех его записей сохранилась только одна. Незадолго до смерти Антикод нацарапал на старой осине: "РЫБА - ДУРА, РАК - ДУРАК, ЦИФРЫ - СВЕТ, А БУКВЫ - МРАК".

5. "Не в своём уме был" — извинялись чухломчане за своего земляка.

6. Антикодов стих только усилил тревогу Кондратия за судьбу Отечества, но никак не разъяснял бубенцовый смысл.

7. "Раздупли твою ладью!" — помянул Кондратий недобрым словом Антикода и отправился по родным просторам искать утешения в мелких стычках с монголоидами.

8. У злых кочевников глаза с красными брызгами из глазниц вылетали от страшной силы кондратьевых ударов. Они гибли сотнями, но добрее не становились.

9. "Не с руки так!" — пытался урезонить Кондратия колдун Белобородов, собиравший в диком поле хомячьи кости и летучие травы.

10. Кондратий озадачился доводом колдуна и вспомнил кстати незлобное племя несрюков. Несрюки по своему обычаю хоронили плохие сны в глиняных горшках — на полях, засеянных коноплей и клевером.

11. Кондратий тоже зарыл скверный сон, да только зря горшок извёл на этих похоронах. Потому что бубенцом!

12. "К Рыму тебе надо" — посоветовал колдун Белобородов в надежде на то, что просвещенные европейцы расшифруют осиновое четверостишие и избавят Кондратия от антикодовой навязчивости.

13. Кондратий понял Белобородова буквально и прямоком двинул в Крым.

а) если бы Кондратий пошёл в Рим, то наша история развивалась бы по сценарию от создателя паутиных миров Принца Гаддского;

б) если бы Кондратий завернул за сапогами в Усть-Мордасово, то раньше времени узнал бы, что ордынцы готовят страшный набег на русские земли;

в) если бы Кондратий никуда не пошёл, то народ прозвал бы его Вездеход-Вездебеговичем.

14. Рано или поздно, но добрался Кондратий до Крыма. А там крымляне с генуэзцами дурака валяют — от ворот до ворот Солдайской крепости.

15. Забава с катящимся дураком впечатлила Кондратия и позже именно он этой идеей поделился с англичанами. Те вообще от неё без ума были и на свой манер назвали фулболом (football), а Кондратию в благодарность прислали золотой кубок со странной надписью "фифа".

16. Сам же Кондратий фулболом не увлекался и из Солдаи ушёл на Мангуп — расспросить феоdorfийцев о бубенцах.

17. Мангупский князь Димитрий принял Кондратия как родного и выдал ему три тайны крымско-тугарского хана Кусая. Хан Кусай шалел от козельских бубенцов и практиковал на придворных методы китайской иглотерапии — многих закалывал до смерти. И ещё: хан с Мамаем собирался на Русь.

18. Кондратия осенило, и он спешно вернулся в русскую заповедность.

19. По заказу Кондратия в Козельске за две бочки мёда мастера сотворили такой бубенец, от звона которого не проходящей тоской накрывало. А в Серпухове ему за рассказ о странствиях посадские люди подарили дрессированного ежа. Ёж на задние лапы вставал и кланялся.

20. С этим набором да на летучих смесях колдуна Белоборова очень скоро Кондратий под видом венецианского купца явился в Солхат к Кусай-хану. Там уже всю сабли точили...

21.

22. Кусай-хана точно подменили, после того как он увидел кланяющегося ежа с золотым бубенцом. Ёж кланялся, бубенец звенел, а хан Кусай умилялся и тихо плакал.

23. В поход с Мамаем хан Кусай так и не собрался. Кроважному темнику как раз не хватило малой силы на Куликовом поле. На то и был расчёт Антикода.

24. С радостной вестью о победе русской рати Кондратий первым навестил Чухлому и также поведал всем о пророчестве Антикода.

Чухломчане с трепетом стали относиться к учению земляка. Из Чухломы по миру разбрелись его последователи. В Парагвае и по сей день у общины старообрядцев хранится осиновый срез в серебряном обрамлении с последним стихом легендарного арифметика.

25. Кондратий по окончании славных дел на время снова придулился в Муромском лесу, а хан Кусай тайно покинул свой двор. Он поселился с тремя жёнами у моря в Партените, занялся разведением ежей и начал искренне проповедовать миролюбие.

"ПОД ЗАВАЛОМ"

МИТИНА ЕЛЕНА

г. Керчь (конкурсантка)

День не сулил ничего нового. Моя душная палата, пропитанная йодным раствором и томительным ожиданием, медленно заполняла сознание. Грязно-зелёные стены, казалось, вот-вот обрушатся и погребут даже маленьких таракашек, заглянувших ко мне на чай.

Моих товарищей по несчастью выписали только вчера. Они отделались лёгкими ушибами, в то время как я, случайный прохожий, принял весь удар на себя. Авария. Рука по-прежнему не признавала хозяина, не давая пальцам собраться вместе, тело украсили синие отёки, ушиб ребер не переставал о себе напоминать. Но, а в целом, я шёл на поправку.

Ближе к вечеру в дверях показался костыль. В мою обитель завели молодого мужчину. Опираясь на тумбочку, он отложил костыли в сторону и, осмотревшись, присел на кровать.

— Ваша палата. Отдыхайте, осваивайтесь, — обратилась к моему новому соседу медсестра.

— Спасибо, — выдохнул молодой человек.

Он подтянул ноги на кровать, с трудом улёгся, подложив под голову полупустую больничную подушку.

Тишина, воцарившаяся в этом крыле, молчаливость моего постояльца и серая невзрачная картинка окружающего пространства накапливались в душе неприятным осадком.

— Добрый вечер. Не самое приятное местечко, не так ли? — прервал я затянувшуюся паузу.

— Здравствуйте! Зато реальное, — отрывисто произнёс мужчина.

Этот ответ показался мне тем более странным, что травмы головы у него не наблюдалось. Ушибы, ссадины, зашитые раны, несколько видимых переломов... ну, возможно, он знает, о чём говорит. Этаким Франкенштейн...

И поскольку представляться парнишка не стал, так я его и запомню. Ночи для "Франкенштейна" проходили невероятно тяжело: он крутился, стонал, просыпался и бормотал что-то невнятное, однако со мной ничего обсуждать не собирался. Но я понимал, что рано или поздно нам придётся поговорить, общая палата, всё-таки.

Однажды после ужина, когда все процедуры были пройдены, медсестры не тревожили нас и пора было отходить ко сну — я подошёл к окну и кинул как бы невзначай:

— Что-то тревожит? Снова ночь и снова бессонница?

— Тревожит. Но ничего нового я рассказать не смогу. — Заговорил, но ещё более странно мой молчаливый товарищ.

— Значит, с кем-то ты всё-таки уже поделился своей печальной историей? — продолжал я, не скрывая своего любопытства.

— С полицией. С докторами. С психологом.

"Сказал, как отрезал", — подумал я.

— Всё это не имеет никакого смысла и значения, — добавил мужчина вздохнув. — Не вызовет доверия моя история и у Вас.

Эти его слова стали для меня, как для журналиста, бальзамом на душу.

— А если я могу помочь, выслушать, открыть все в новом свете? — настаивал я. — Как журналист и независимый эксперт, уж поверь, я много интересного повидал.

— Вы журналист? — интонация недоверия парня сменилась нотками надежды. — И вы дали бы жизнь самой невероятной истории?

— Это моя работа! — Уверенно произнёс я, гордый прогрессом нашего общения, но...

— Сейчас я устал, — неожиданно выдавил Франкенштейн. — Но, завтра, пожалуй, я буду готов начать всё сначала.

И он не соврал.

После завтрака мы выползли перекурить во двор. Он посмотрел на меня глазами, полными доверия и отчаяния, и посвятил в историю, которая, увы, так и не стала достоянием общественности.

"Под завалом"

...Мы с ребятами интересовались археологией ещё со школы. В юности дядя брал меня и моих друзей в поисковые экспедиции, приобщал к изучению памятных мест времён Отечественной войны на полуострове. Последнее время исследовали они, в частности, события Крымфронта 1942 года, тайны в истории борьбы защитников подземелий Аджимуш-кайских каменоломен. Мы и раньше часто бывали в Крыму, но все, что знали о каменоломнях, это то, что многие постройки здесь возводят из известняка-ракушечника, который добывали именно там, в каменоломнях. С самой историей и трагедией катакомб мы познакомились сравнительно недавно.

Каменоломни часто служили для местных жителей надёжным укрытием. Здесь скрывались и красные партизаны во время Гражданской войны, и партизаны Великой Отечественной войны в 1941 году, и в 1942 году местные жители, а также остатки воинских частей, которые не успели переправиться через пролив.

Это должно было стать делом всей моей жизни. И, сразу оговорюсь — мы были скорее авантюристами — искателями приключений, нежели "чёрными копателями". Несмотря на то, что местность была достаточно исследована, под плотными завалами оставалось ещё множество интересных находок. Меня, как лидера группы, интересовали письма, солдатские медальоны и дневники. Всё это — чьи-то воспоминания, чьи-то мысли, это чья-то прерванная жизнь.

Мы приехали в город месяц назад. Четверо искателей приключений: Знаток, — то бишь я; Вол, — мой друг Володя, прозванный так больше из-за своей комплекции, чем имени, Ганджа (с этим все ясно) и украшение нашей компании — Принцесс (молодой и младший научный сотрудник Анна).

Сил и энтузиазма у нас было хоть отбавляй.

По дороге в поселок нам встретился на дороге приткнувшийся к обочине, экскурсионный автобус, вся наша компания

выбралась из машины посмотреть, что там интересного происходит.

— Заглохли у самой цели, — невесело ухмыльнулся водитель.

Толпа туристов пешком ринулась вперед, бодро обсуждая случившееся.

— Это все "Белая бабушка" козни строит... — доносилось из толпы.

— Та, нет! Она туристов не трогает, мы же только в музей и обратно, а вот чёрным археологам тут несдобровать...

Мои ребята покосились друг на друга и рассмеялись.

— Слышь, Знаток. "Белая бабушка"! Бойся. — Оскалился Ганджа и закурил.

— Едем на место, фантазёры, — скомандовала Принцесс. — Там видно будет, что тут за бабушки водятся...

Я осмотрелся по сторонам: старые домики, гуси, гуляющие по дороге, выжженная июльским солнцем трава, и... Подземный гарнизон, павший под грудами камня где-то там впереди, или где-то уже под нашими сапогами.

Отчего-то стало не по себе.

Ещё и эти туристы с их мистикой.

Я слышал истории про "Белую бабушку", ещё будучи студентом. Ходит легенда, что белый призрак женщины с беззубым чёрным ртом и дьявольским хохотом мстит археологам, вторгшимся в каменоломни, особенно "чёрным" — оскверняющим своей алчностью место памяти и скорби. Да и из рассказа Вячеслава Немышева "Горький серый камень" я знал о группе одесситов, которые, после встречи с этим призраком под землей, один за другим, в разное время и при разных обстоятельствах, но все до единого расстались с жизнью.

Легенды. Меня они больше прельщали, нежели останавливали...

Мы прибыли на место. Работать мы предпочитали на расвете и вечером, когда туристов и прочего народа становилось поменьше. Я переговорил с ребятами и предложил им снять жилье поблизости — всё-таки в этот раз с нами представитель-

ница прекрасного пола, предложить ей разбить палатку, спать на земле и есть с общего котелка показалось нам неприличным.

Решение приняли единогласно.

В посёлке нам встретился молодой парень, он предложил остановиться в его домике по соседству, однако стоимость данного предложения смутила всю компанию, и мы продолжили поиски. Удачным нам показался вариант со старенькой, но уютной хатёнкой у дороги: выработки рядом, магазин тоже, хозяйка — приятная пожилая женщина уходила к детям и появлялась редко. Удобства, конечно, не сахар, но для нас раньше и полевые были подходящими.

Группой мы были современной, — оборудованием заряжены. В набор входили не только рулетки, отвесы, уровни, чертежные инструменты и компас, но и ноутбуки с нужными программами, — Ганджа в этом был специалист. А вот Вол предпочитал работать классически: со штыковой лопаткой, ведрами и... энтузиазмом.

Первое время мы работали с картами, прицеливались, готовили снаряжение для спуска под землю. Я знал выходы, которые необходимо было проработать, места, которые не были исследованы нашими предшественниками до конца. Нам предстояла работа, тяжёлая как физически, так и морально.

Однако, это беспокоило, по всей видимости, только меня. С самого первого дня отличился Ганджа. Он решил сделать с Анной обход по маршруту, который когда-то показывал нам мой дядя. Передавал знания новой спутнице, так сказать.

Их не было уже около часа...

— Неспроста заблудился, — язвил Вол, когда из входа в штольню вырвались звуки, изображающие, надо понимать, дьявольские стоны и завывания, и следом выскочили Анна и Ганджа.

— Что за шутки, где твои мозги!? — причитала девушка.

Ну, где его мозги, всем было ясно.

Я неодобрительно покачал головой. Вол расплылся в улыбке, окинув взглядом Ганджу, который, растянув куртку над головой, продолжал завывать и истерично смеяться:

— Я злобное привидение! Бойтесь, смертные...

— Ты идиот... — утвердил я резолюцию и погрузился в раздумья.

На неделе мы начали работать на завале.

Под землей.

Ганджа и Принцесс так и не разговаривали. Вол тягал камни, уничтожая все запасы нашей воды.

— А вот защитники каменоломен не могли похвастаться такой роскошью, — заметила Анна и "включила" младшего научного сотрудника: — С адским трудом они добывали желанную влагу, высасывая ртами грунтовую воду из потолка и стен тоннелей; подставляли каски, чтобы собирать капли конденсата на сырых стенах, так называемых, "водокапах"... — и заключила укоризненно: — Это тебе не фляги опустошать.

— А я и не сравниваю... — возразил Вол. — Довольствуюсь тем, что есть.

Могильный холод не давал мне сосредоточиться. Странный шум сбивал с толку. Казалось, он так и не стих до конца, с тех пор, как Ганджа пугал Анну своим демоническим воем. Было это моим разыгравшимся воображением, а может, тихий звук всё-таки шёл из-под завала, — пока не удавалось определить.

Дни шли за днями. Работа кипела.

Как вдруг однажды... на выходе из штольни раздался приглушенный и сдавленный вопль Ганджи, странный скрежет и даже рык, что ли?

Мы бросили работу и ринулись наружу.

Картина перед нами открылась жуткая: Ганджа пытался отбиться от стаи окруживших его бездомных собак. Руки его кровоточили, пес поменьше вцепился в ногу, крупный вожак целился в горло, готовый сделать смертельный рывок. Ганджа размахивал ведром и звал на помощь.

Вол схватил лопату и ринулся вперед, я незамедлительно последовал за ним. Собаки бросилась в разные стороны, причём неестественно быстро, одна за другой исчезая из вида. Всё закончилось также мгновенно, как и началось.

Я застыл в ступоре.

Крик и слёзы Анны казались каким-то безумным фоном. Пространство вокруг меня плыло, голова кружилась, и в этом тумане мне показались на горизонте странные фигуры, медленно рассыпающиеся в степном мареве.

Ганджу отвезли в больницу. Весь поселок находился в недоумении: "Откуда взялись эти дикие собаки и почему они напали на бедного парня?" Никто этой бродячей стаи припомнить не мог, и ничего подобного тут не случилось.

На следующий день наведалась наша хозяйка.

— Горе-то какое... — сочувствовала она. — Отродясь здесь таких псов не водилось. Бросали бы вы, ребята, эту вашу затею... — и закончила вдруг, как для соболезнования, странно: — Видать, нечистые ваши намерения. Езжайте-ка домой.

— Мы отправимся, хозяйюшка, — обнадеживал Вол. — Вот только Ганджу подлатают, мы арсенал соберём и вперед!

Впрочем...

Всегда я думал, что бросать работу на полпути и возвращаться ни с чем — не годится. Был бы жив мой дядя, он бы меня не поддержал. И мы остались, тем более...

Этой ночью скончался Ганджа. Узнали мы об этом, только утром, приехав в городскую больницу.

Мы не могли поверить в случившееся. Его раны не были смертельными! Но вразумительного ответа от врачей мы так и не дождались.

Нервы Анны сдали. В состоянии аффекта, она схватила ключи от машины и бросилась бежать. Мы стояли как вкопанные, не мешая ей уехать, оставив нас тут, в чужом городе, в добром десятке километров от лагеря, наших вещей...

Добравшись до злосчастного поселка пригородным автобусом, мы с Волем сидели в хатёнке молча, слушая, как тикают старинные напольные часы. И этот звук прекратился только ранним утром, когда цепь гирьки вытянулась из часового механизма полностью.

— Позвони Анне, — первым опомнился Вол. — Нужно узнать, где она...

Но сколько бы я не набирал её номер... — лишь пронзительные гудки раздавались из телефонной трубки.

— Да мы теперь и не сможем уехать, пока полиция не сделает своего заключения, — вспомнил я очевидное, и отложил телефон.

Вол молча встал, надел рабочую одежду, взял снаряжение и отправился в завал.

Я последовал за ним в недоумении: "Что за странный припадок трудового энтузиазма. Это сейчас-то? После всего-то..." Перед глазами снова и снова возникали странные силуэты, которые мне мерещились в катакомбах. Я пару раз пытался окликнуть друга, но до самой штольни он только и бормотал, как сомнамбула:

— Заберу всё на завале. Найдём Анну, поедem домой...

Однако до завала мы так и не дошли.

Я вдруг почувствовал резкую боль в затылке и упал. Упал у самого входа в каменоломни, но когда очнулся, мы с Волom были глубоко под землей. Где-то слышалась капель водокапов. Фонарик валялся слишком далеко, чтобы до него дотянуться, но, слава богу, он был включен, и в его приглушенном свете мне показалась сутулая фигура, как будто даже знакомая. Как будто даже похожая на нашу хозяйку.

Фигура обернулась, и я встретился взглядом... с пустыми глазницами. Чёрная улыбка запавшего рта была исполненной ярости.

Вол тоже попытался подняться. Но стена, на которую он оперся, словно раскололась по чей-то воле, и рухнула на него всей каменной мощью скалы. Его тело оказалось под завалом, захороненное там навсегда. Фигура рассеялась в свете фонаря, под землей раздался нечеловеческий скрежет и крик.

Я как одержимый начал разбрасывать камни и бут в темноте. Карabкался, полз, поднимался и двигался рывками вперед. Я ударялся о потолок штольни, осыпая известковую пыль — тырсu. Сбивая руки, локти, колени в кровь, я видел тени бойцов подземного гарнизона, я слышал шум боя, я чувствовал запах газодымовой шашки: слезились глаза, першило в горле. Наконец, я потерял-таки сознание...

Открыв глаза, я почувствовал холод в ногах. Правая стопа была перебита камнем, упавшим во время завала, но я продвигался вперед. Впереди светлело. Я подтянулся вверх, чуть ли не ногтями впиваясь в пыльные стены...

Щель, светлевшая впереди, оказалась зазором меж ветхих досок крышки, прикрывавшей люк погребца.

Такое совсем не редкость в домах поселка, стоящего над подземными выработками. Погреб в подполье вполне может оказаться входом в катакомбы.

Я рванул вперед, высадил плечом люк и оказался на поверхности, жадно глотая воздух. Попробовал встать. Боль судорогой свела моё тело, я упал на колени...

Это была какая-то жуткая старая комната. Ответшальные стены покрылись рыжей плесенью, — сырость подземелья проникла сквозь все щели пола. Вновь попытавшись встать, я ударился о железную коробку, заржавелую с одной стороны. Я схватил её и с безотчётным гневом ударил о стену. Крышка отлетела... На пол выпали какие-то фотографии и бумаги, напоминающие письма.

Я присмотрелся к порыжелым и помутневшим снимкам...

Теперь всё стало ещё яснее, но безумнее. Я стоял в нашем съёмном доме, но совершенно разрушенном и пустом. Стекла были выбиты, стены голы, как будто брошенная мебель растаскана бездомными. А с пола на меня смотрели улыбающиеся лица с фотографий хозяйки дома и её молодого сына — офицера.

Дата росчерком химического карандаша — май, 1942 год. И письма, записки, карточки...

Я сунул трясущуюся руку в карман, вытащил зажигалку, собрал все бумаги в эту чёртову шкатулку "Пандоры" и поджег их...

В больницу меня доставили местные, от которых я и узнал, что дом на границе поселка и катакомб, в котором мы будто бы прожили несколько дней, был брошен много-много лет назад. А его, не слишком старая по тем годам, хозяйка умерла от горя, не дождавшись сына, которого забрали каменоломни".

"КЛАД"

ШЕВЧУК НИНА

г. Симферополь

(лауреат конкурса)

Вадим сидел на диване и изумлённо глядел на исписанный ровным круглым почерком листок бумаги в своих руках. Выражение его лица было таким, будто только что он открыл не обычный почтовый конверт с письмом от своей тети Риммы, а заглянул под капот "Жигулёнка" и обнаружил там двенадцатицилиндровый двигатель "Феррари".

"Дорогой Вадик, — говорил листок. — Пишу это письмо с надеждой, что ты не сменил адрес и прочтешь моё важное послание.

После смерти твоего дядюшки Бори, упокой Господь его гнилую душу, я весь год собиралась приехать в Алушту сама, чтобы выполнить его последнюю волю. Но здоровье мое распаталось, как зубы тети Инны от поедания казинак, и теперь я не езжу дальше нашей районной поликлиники.

Писать о таком деле в письме, конечно же, опасно. Но звонить нынче очень дорого. Ты же знаешь, как тяжело живется твоей бедной тете Римме?

Так вот, слушай внимательно: когда черти уже волокли дядю Борю в преисподнюю, он подозвал меня и признался, что в свою бытность ювелиром в Алуште спрятал шкатулку с драгоценностями недалеко от нашей старой дачи. Ты знаешь, какие опасные были времена? Поэтому он собрал самое ценное, запаял в металлическую шкатулку и зарыл у старого дуба на пляже под тем утесом, с которого

ты когда-то свалился. В этой шкатулке, мой золотой Вадюша, целое состояние! И это состояние дядя Боря завещал тебе.

Если его история — не плод воображения старого маразматика, и шкатулка до сих пор лежит на глубине полутора метров, на расстоянии пяти шагов от дуба в сторону скалы, то ты, Вадюша, будешь самым завидным женихом для любой крымской крали.

Надеюсь, что тогда ты не забудешь и о бедной тете Римме.

Целую тебя крепко и с нетерпением жду вестей.
Твоя тетя Римма".

Перечитав письмо пять раз, Вадим, наконец, свернул его и спрятал в конверт.

Тетя Римма была та ещё шутница. Истории о её проделках ходили в былые времена по всей Алуште.

Но что, если она не обманывает?

До переезда дядя Боря, действительно, много лет работал ювелиром в Алуште. Он вполне мог скопить приличное состояние и спрятать его поглубже от расточительной жены и любопытных глаз.

Должно быть, тётё Римме совсем плохо, раз она решилась поделиться таким секретом!

Вадим не мог решить, принять ли на веру необыкновенное послание, а предательское воображение уже рисовало собственный автосервис. Подпольная мастерская, которую он оборудовал в своём гараже, конечно, приносила неплохой доход, но собрать на настоящее большое дело никак не получалось. В ближайшие годы на это не стоило и надеяться.

Так или иначе, он никогда не сможет спать спокойно, если не проверит поведенное тётёй Риммой.

Недолго думая, Вадим отправился в гараж и нашёл выдающую виды лопату. Родом она была с той самой дачи у моря, которая когда-то принадлежала дяде Боре.

На всякий случай прихватил с собой небольшой лом и садовые перчатки, прикрепил всё "кладоискательское" снаряжение к велосипеду и поехал на пляж.

Когда за поворотом показался памятный утёс, солнце уже клонилось к горизонту, окрашивая землю и небо оранжево-розовым, отчего ландшафт походил на марсианский. Несколько отдыхающих нежились на пляже, и поначалу Вадим смутился. Что подумают эти люди, когда он станет орудовать лопатой под дубом? Однако пляж опустеет лишь к ночи, а ночью с лопатой он вызовет гораздо больше подозрений у случайного бдительного прохожего.

Поборов смущение, Вадим слез с велосипеда и повёл его по пыльной тропинке. Через минуту он уже стоял под старым ветвистым дубом, знакомым с детства.

— Пять шагов в сторону скалы, — повторил он про себя и отмерил нужное расстояние.

Копать было тяжело. Лето выдалось непривычно дождливое, глинистая почва набрала влаги и потяжелела, а руки и без того болели после двух утренних заказов — смены диска сцепления и выжимного подшипника.

Не прошло и пяти минут, как с пляжа прибежал мальчонка лет шести:

— Дядя, а зачем вы копаете? — спросил он, держась на безопасном расстоянии.

— Буду строить замок, — ответил Вадим, не прерывая своего занятия.

— Но ведь замок строят из песка! — засомневался мальчик.

— А я построю из глины и земли.

— Но зачем вам так много глины и земли?

— Это будет большой замок, мальчик. Иди, не мешай.

Через четверть часа после мальчугана наведалься пухлая тётка в широкополой соломенной шляпе и огромном цветном полотенце, обернутом вокруг бёдер.

— Что это вы здесь роете? — взвизгнула она.
— Могилку, — ответил Вадим, отерев лоб рукой.
— Для кого это? — она инстинктивно попятилась назад.
"Для тебя", — хотел сказать он, но благоразумно сдержал-

ся и ответил:

— Для моего сенбернара Бориса. Он умер. От старости.

Вадим скорчил скорбную мину, а тетка понимающе закивала и ретировалась.

С каждой лопатой мокрой земли надежда найти дяди Борины сокровища исчезала, как медуза, выброшенная волной на горячий песок. Над пляжем повисли тёплые маслянистые сумерки. Вадим выбрался из ямы, снял мокрую футболку и уселся на большой камень у края своей злополучной ямы. Придушить бы тетю Римму за её глупые шуточки!

— Добрый вечер!

Приятный девичий голос отвлёк Вадима от тяжёлых дум. Он обернулся и увидел смуглую невысокую девушку в широких джинсовых шортах и майке-боксерке со смешным рисунком.

— Простите, что отвлекаю вас, но мне кажется, ваши труды каким-то образом связаны с двумя молодыми людьми, которые уже давно наблюдают за вами из кустов на соседнем склоне.

Вадим завертел головой, но девушка быстро проговорила:

— Не смотрите туда. У них бинокль. И пиво. И им, судя по всему, очень весело.

— А как они выглядят? — спросил Вадим, с трудом сдерживая ярость.

— Один очень крупный, темноволосый.

— С реденькой бородкой?

— Да. А второй...

— Второй рыжий, мелкий, с крысиной мордой, — перебил её Вадим.

Девушка кивнула.

— Сволочи! — от досады он едва дышал.

— Они вас разыграли, да?

— Не то слово. Я ведь тут клад ищу!

Он плюнул в яму, повернулся спиной к пункту наблюдения своих горе-друзей и достал из кармана конверт.

— Конечно! Адрес ведь не тети Риммы. И как я сразу не догадался посмотреть? Сам ведь рассказывал им про неё и дядю Борю. И про скалу, с которой сорвался в детстве. Идиот! Ну, я им сейчас...

Вадим схватил лопату с твёрдым намерением проучить шутников.

— Пойдите! — девушка подошла и присела рядом с ним.

— Расскажите мне всё подробно. Меня, кстати, Диана зовут.

— А я Вадим.

Пока он, преодолевая желание сломать черенок лопаты о спины своих друзей по автотранспортному техникуму Родионка и Вовика, рассказывал свою историю, новая знакомая улыбалась, а в её красивых тёмных глазах всё больше разгорался авантюрный блеск.

— Знаете что? — сказала она, дослушав до конца. — У меня есть идея. Полезайте копать дальше, чтобы они ничего не заподозрили, а я вам кое-что предложу...

С огромным трудом скрывая горькую досаду, Родион и Владимир ходили вокруг новенького "Мерседеса" и заглядывали в тонированные окна.

— Этого не может быть! Какой клад в наше время?! — воскликнул Родион, с недоверием глядя на Вадима, который стоял рядом, побряцывая ключами от авто.

— Вот, смотри, — Вадим протянул ему лжеписьмо.

Родион сконфуженно взял листок и сделал вид, что читает.

— Правда, есть одна странность, — сказал Вадим, смакуя месть. — Тетя Римма написала о драгоценностях в шкатулке, а

я нашёл большой ящик со столовым серебром девятнадцатого века: стопки, пашотницы, ликерные наборы и всё такое.

Вадим и Родион переглянулись, и оба тяжело сглотнули.

— И на сколько всё затянуло? — спросил Владимир. Его и без того длинная крысиная мордочка вытянулась, словно мокрый шерстяной свитер на бельевой верёвке.

— Два лимона. Жаль, конечно, было продавать всё это добро. Такая красотища! Но "Мерс" мне нужнее.

Вадим погладил блестящую крышу машины, которую недавно взял в кредит родной брат Дианы.

— Ну, ничего. На следующей неделе пойду ещё покопаю в тех местах. Здесь ведь когда-то жили Раевские. Может, это их серебро? Кто знает, чего там ещё закопано.

Зубастый утёс проглотила ночная мгла. Двое велосипедистов, остановившихся у обочины, наблюдали, как под старым дубом две человеческие фигуры — крупная, плечистая и маленькая, сутулая — старательно орудовали лопатами. Мелкий дождь то и дело грозился перейти в ливень.

— Не хочешь помочь друзьям клад искать? — игриво спросила Диана.

— Не хочу. Я свой клад уже нашел. — Вадим подмигнул ей. — Поехали, Диана. Не будем мешать товарищам трудиться.

Они снова сели на велосипеды и поехали по серебряной дороге, прочь от утёса.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— пограничье сознания
в жанре "Психо"
(...или "фантастические лабиринты сознания")

"МНЕ СКУЧНО, БЕС..."

ДЕМЧЕНКО ВЯЧЕСЛАВ

г. Керчь.

(крымский писатель, вне конкурса)

Атака "василисков" началась как всегда неожиданно...

Я жарил на сковороде вчерашние пельмени, традиционно жалуюсь Вильгельму на скудость воображения пограничного интенданта... Хотя бы дни недели меняли, что ли? А то, при получении пятничного пайка у меня уже субботнее несвежее выражение лица, потому как макароны по-флотски к субботе безальтернативно закончатся, а вытряхивать банку тушёнки в пельмени — гастрономический парадокс, ей богу...

Ну, да ладно.

Итак, заученным движением я подбросил сморщенные комочки к бревенчатому потолку — Вильгельм проследил их незаинтересованным взглядом — и едва успел поймать в сковороду, как краем глаза уловил за окном какое-то, змеиной неторопливости, движение. Сковорода зазвенела на раскаленном чугуне плиты, шипя и брызжа маслом, но уже, разумеется, без многострадальных пельменей — их я, не глядя, успел сыпать в глиняный горшочек и даже умудрился туда же выдавить полпачки майонеза.

Раньше, чем майонез просочился на дно горшочка, я уже был у двери с хлебным ножом и сковородой в другой руке. Да нет, вовсе не потому, что забыл про меч, а потому что ни на секунду не забывал о камерах прямой трансляции — в режим "Live" они включались сразу же, как только у меня в голове достаточно тревожно звучало: "Если не я, то кто же?!" Вот как

теперь, например, когда скрипнула дощатая дверь, золотистый просвет пересекла косматая тень и внутрь хижины втянулась уродливая змеиная голова...

Я затаил дыхание, Вильгельм задумчиво поскрёб в затылке ногой.

Голова ищуще порыскала под потолком, огибая люстру в три керосиновых лампы. Раздувая узкие ноздри, принялась... и, кажется, даже унюхала. "Василиск" неспешно обернулся, на голове его тревожно встопорчился красный кожистый гребень и кровавые прожилки энергичнее зашевелились в перепонках между шипами, меняя свой хитроумный рисунок — возбудился, понимаешь ли... Я выжидающе отвёл руку со сковородой.

Голова ниспала к полу и двинулась ко мне, подбираясь тенью по половицам словно грязный чёрный ручей; приподнялась на уровень моих плеч, — я ждал, морщась от смрада её дыхания. Ждал, пока разлепятся осклизлые веки и со дна глазниц всплывут сырые желтки глаз, треснут щелями чёрных зрачков... И как только это произошло — чёрные зрачки сошлись на рифлёной переносице, придав морде некую злобную осмысленность — я залепил по ближайшему глазу сковородой. Наотмашь: "На-кась!" — чтобы глаз не втянулся обратно в яму глазницы, а наоборот — выскочил оттуда. Он и выскочил, натянув розовые жгуты мускул и синеватые, как на анатомической карте, корневища нервов, по которым я махнул широким лезвием хлебного ножа: "Пусть сильнее грянет буря!" Багровый крап брызнул на половицы, жёлтый глаз с сочным шлепком упал на вытертую циновку, зрачок мертвеца сузился в точку...

И только теперь, разбросав в стороны тривиальное оружие кухонной потасовки, я воздел над головой правую руку, пафосно говоря — десницу, и широко расставив ноги в ботфортах, воскликнул: "Goodricke Gryffindor!"

В следующее мгновение от локтя и до запястья кожу на моей руке вспороли рыбы загнутые шипы, а из лучевой кости проросло иззубренное лезвие — одно, другое, третье, — третье,

впрочем, наполовину, потому как обломанное... и под конец, пальцы мои накрыла гарда легендарного меча, который так, собственно, и назывался: "Гриффиндорские вилы". Если не ошибаюсь, то я сам и дал ему это гордое имя — точно не помню. Гарда же, в свою очередь, проросла когтями с каждой фаланги каждого пальца — вот здесь, здесь, и ещё вот тут...

Смигнула ещё секунда на счётчике, необходимая, чтобы мой крупный план "завис" в воображении поклонниц, жадно уставившихся сейчас в мониторы...

И вот страшный, о трёх лезвиях, меч метнулся сверху вниз, снеся голову чудища. И замер у меня за спиной в отставленной назад руке... Эту позу я долго закреплял в зеркале старинного шкафа, и теперь смог бы принять её, даже вскочив с толчка со спущенными штанами: "Если не я, то кто же!?"

2314 г.

Подводная археологическая экспедиция в районе Таврического провала.

Предположительно — руины городского архива.

Разрубив "гордиев узел" гигантских красных радиоларий, решетчатое рыло насоса протиснулось в щель и, тускло подсветив индикаторными огоньками ржавые стеллажи, рукав насоса поплыл среди них, извиваясь гофрированным телом, точно трупный паразит в ребрах допотопного монстра. Вдруг шишковатая голова "паразита" остановилась, чуть вернулась назад и вздрогнула, расширив зелёные зрачки сканеров, — очевидно, нашла что-то... — мелко задрожала, обуреваемая страстью кладоискателя. Ещё мгновение и мощные струи подняли такие тучи болотно-рыжего ила, что рассмотреть, что там именно нашли на дне провала сканеры археологической экспедиции, было уже попросту нереально...

...Минут через десять я подошёл к краю каньона, обрывавшегося в бездну сразу же за бурьянами в конце огорода... Город жил обычной своей жизнью. Там, на дне, имевшем-

ся-таки у бездны, мирно трепетали перепончатыми крыльями пёстрые батоны дирижаблей. Взмывали яйцами Фаберже "монгольфьеры" между громадами дворцов, превосходивших воображение Гауди. Над площадями вздымались монументы, приводящие в онемение провинциалов, разводные мосты соединяли одинокие башни, тоннели прорезали угрюмые стены замков. По ним толкались и сустились персональные ролееры, коптили паровые экипажи, скапливались в заторе на магнитном рельсе трамваи. По акведукам, в водопадах у шлюзов, нерестились золотые рыбки до полутора тонн базарного веса. Всюду пестрели гербы и развевались знамёна на шпильях старинных замков, сверкали фейерверки рекламы в сумрачных ущельях современных "Empire Steel Belding". Мой Хогвард...

Он трудится и бездельничает, он плачет и смеётся, как будто и не было столетней войны между факультетами "Гриффиндор" и "Слизерин"...

И базарно-праздничные толпы горожан вихрятся, запинаясь у огромных мониторов "Break News", на которых я же и стою в узнаваемой кинематографической позе — широко расставив ноги в ботфортах, отведя назад руку с мечом, с трёх лезвий которого (вообще-то, с двух с половиной) стекает кровь "василиска". Горные ветра играют нечёсанными от рождения волосами, вздымают полы плаща, обшитые клыками вепрей и лосей, норовят сорвать с бёдер цветастый кухонный фартук, который следовало бы сорвать самому, но пусть он теперь кажется набедренной повязкой воина-варвара, тоже ничего, ибо...

За спиной моей всё ещё хрипят перерезанными глотками "василиски", булькают лиловые пузыри в щетинах их жабр, их когтистые лапы корчуют репу на моих грядках, морщинистые щупальца пытаются зарыться в жухлых бурьянах. Они опять не прошли, не разорили мой цветущий город, мой Хогвард, не пожрали его наивных жителей, не... чёрт знает, чего ещё не натворили эти страшные твари, благодаря мне. Мне — егерю Хогварда, стражу тропы. Единственной тропы, ведущей к городу с заоблачного края каньона.

Можно сказать, с того света...

Так что, жизнь, по трезвому размышлению, удалась:

Я отпихнул носком ботфорта Вильгельма, пытающегося притереться к моей славе. Хотя, что слава? И без того, слава — моё второе имя, сакральное, потаённое, ибо...

Мне не отлиты памятники на площадях — не люблю это, да и не особенно выхожу в бронзе — пробовал как-то на "3D" принтере. У меня не берут интервью — во-первых, ни один журналист не пролезет, да и не полезет на головокружительную высоту утёса, во-вторых, даже если бы и пробрался кто — я бы загадочно отмолчался. Предпочитаю сам писать о себе в социальных сетях и чаще анонимно под ником "Хогвардский Егерь, ну, тот самый, что на горе..."

Кроме того, я не герой официальных хроник. Мэрия Хогварда, вторя официальной науке, делает вид, что ни "тропы", ведущей за край объективного мира, ни, тем более, меня, — её сторожа и обходчика, егеря — попросту нет. Так что обо мне говорят только срочные новости "Break News" — и то, чаще, как о непроверенном факте из недостоверных источников. Да скандальные или оппозиционные "медиа" приоткрывают "завесу тайны".

Ну, и пускай. В конце концов, это придаёт тайне романтического флёру. И потом...

Что бы я делал потом, пресытившись всенародной славой и всеобщим обожанием? Всякая слава — преходяща, проверено. Хотя когда проверено и мной ли вообще — не знаю. Но откуда-то знаю, и знаю наверняка: Уже завтра толпе понадобится новый кумир, и сегодняшние поклонники снимут значки "We Love You!", дети без слёз и истерик снесут в мусорный контейнер твой игрушечный меч, а постеры с героической позой: "Если не я, то кто?.." будет, скрипя шарнирами, мести андроид-дворник, ворча: "То, кто бы ещё столько нагадил"...

А так, пока остаётся некая недосказанность, недомолвка...

Я чуть ли не каждый день на сцене публичного внимания: я герой комиксов, фильмов и компьютерных игр, стихотворными комментариями "Хогвардского Егеря" к своим авам хвастаются девицы. Да, я ещё и поэт, хоть и не уверен, что

славой своей в литературном сообществе не обязан исключительно "славе мирской".

Одним словом, признания мне хватает...

И, причём, вполне заслуженного, да-да. Я не могу сказать, что именно побуждает этих тварей с упорством просто бактериологическим пробираться в наш мир откуда-то с того конца "тропы", но подозреваю, что какой-то смысл, вернее, чей-то коварный замысел — в этом есть. И замысел этот наверняка демонический. Сужу по тому, как оживляется мой рыжий Вильгельм при всяком появлении "василисков", царапается в двери и смотрит на меня так, будто его вековая мечта о видо-вом реванше вот-вот сбудется. Да и поведение самих тварей наводит на размышления, — невесёлые, прямо сказать.

Вот, сами смотрите...

Отрубленная голова вдруг вздрогнула на половицах, и хоть желтушный глаз едва проклюнулся из-под тяжёлого века — что-то похожее на загробную жизнь в нём затлело фосфорным огоньком гнилушки. Снова встопорщился на загривке кожистый гребень, нервно заплясал обрубок шеи и с треском пророс корневищами щупалец. Пользуясь ими с новорожденной неловкостью, голова, вихляя, поползла за порог, трижды ойкнула, стукнув теменем по деревянным ступеням, скатилась с крыльца и двинулась в сторону своей туши, остававшейся во дворе... Я ничуть не обеспокоился по этому поводу. Наоборот, смотрел на происходящее вполне благосклонно. Вопреки сказочным ожиданиям, упрямая голова и не думала каким-либо образом совокупляться со своей брэнной плотью, не стала лепиться к обескровленному срезу, щупальца не стали вращать в шейные позвонки...

Я бы, пожалуй, тоже не захотел такого "аншлюса" — бородавчатое, сморщенное, с ядовито-зелёным рисунком и болезненного вида наростами. Тело не казалось достойным вместилищем духа. Видимо, с тем же чувством отрубленная голова "василиска" разинула пасть, полную кривых зубов, и принялась терзать и рвать самоё себя с отстранённостью

паразита... Не пройдет и пары минут, как от змеиной туши не останется ничего, кроме костяной муки, перемолотой на древних коренниках. Это ли не свидетельство того, что у горожан перспективы ещё менее радужные? Если уж "ва-силиски" настолько не терпят всякой ущербности, что даже взгляд на самое себя со стороны, их так расстраивает? А человечество, прямо скажем, удалось как-то не очень, по крайней мере, с эволюционной точки зрения. Малоподвижные и неловкие, бледные и беззащитные — ни когтей, ни яду в клыках, шерсть никудышная...

Так что, как ни крути, а убогому роду людскому я делаю немалое одолжение и, слава Богу, — люди об этом знают, во всяком случае, догадываются. Иначе бы они не толпились сейчас там, внизу, задрав головы к уличным мониторам, где их защитник, герой, одинокий такой волк...

— "Давай помехи! Пошла реклама!.." — я едва успеваю подать мысленную команду на пульт записи и перевести дух. Помешкай я ещё секунду и от ореола "одинокого волка" мало чего осталось бы. А уж сколько истерик случилось бы там, внизу, у слабонервных поклонниц, — глядишь, и выкинулся бы кто из корзинки прогулочного дирижабля, как три года назад...

Три года назад также, совершенно случайно, в кадре с меткой "Reality" засветилось моё златокудрое "счастье" и миф об одиноком рыцаре, неутомимо шинкующем дракона за драконом в ожидании судьбоносной принцессы, развеялся в пух и прах. И то, правда, — немного ревнивиц могли бы сказать, глядя на "златокудрую", без отчаяния в голосе: "Так у меня и то ноги ровнее..." И на целых три месяца пост: "Если не я, то кто же?!" прозябал на минимуме отметок "Like", пока "счастье моё" не кувыркнулось с утёса, провожаемое многоточием грустных смайликов... Пятилась так с тяпкой, окучивая осеннюю репу, и не заметила, как окончился огород... Как я страдал тогда! И вместе со мной сотни поклонниц наслаждались моим страданием, мечтали положить мою голову себе на колени, утешить, разбирая гребнем мои белокурые локоны с натушной гримасой прядильщицы...

Моя "полнота счастья", моё невероятное везенье, — на этот раз угольно-чёрное как Белоснежка — уставилось на меня восторженно-испуганным взглядом, закусило невольный крик костяшками кулачка.

— Вот такое недоброе утро... — как бы виновато ворчу я и как бы пытаюсь скрыть от неё безобразную мутацию правой руки, пряча её за спиной. — Хотя, по правде сказать, для нас с Вильгельмом так утро совершенно будничное...

Иззубренные лезвия "Goodricke Gryffindor" с живодёрским причмокиванием, одно за другим, втягиваются под кожу запястья, и постепенно исчезают наросты шипов. Теперь я пригласительно развожу руками...

"Моё везение" падает мне на грудь, обнажённую в отворотах плаща, рассыпает по её бронзовым рельефам свои чёрные локоны:

— Господи, как я тебе завидую...

— Наверное, есть чему... — иронически улыбаюсь я, но пальцы мои, перебиравшие угольные прядки останавливаются: "Вот ещё новость? Завидует?"

— Вот именно... — отталкивается она ладошками от моей груди, чтобы заглянуть мне в лицо жадным, ищущим взглядом синих глаз.

Что она ищет там? Не скажу, конечно, что, отражаясь в её аквамарилах, я вовсе не вижу того, что видит она... Вот я проявился в зрачках с пугающе искривлённой ухмылкой — герой снисходительно взирающий на собственный героизм, изгой, на плечах которого зиждется, изгнавшее его мироздание, который не то, что говорить, но даже думать не хочет о своем будничном подвиге...

— Ты даже не знаешь, как тебе повезло!

Я уже хмурюсь...

Нет, определённо, тут некоторый сбой, логическая ошибка, но и такое бывало и это только придает действительности, прошу прощения за тавтологию, — действительности. И что было бы, не будь таких неожиданных сюжетных ходов?

Я вновь улыбаюсь.

Обычно-то они не завидуют...

Обычно они вылезают из продуктовой корзины пограничного "монгольфьера" с растерзанным сердцем и расстроенным восприятием бытия. Проще говоря, контрабандой, среди ящиков макарон и в мешках кураги ко мне со дна пропасти, из города, поднимаются самоубийцы. Как-то так повелось, что красавицы предпочитают и уйти из жизни красиво, бросившись головой вниз с утёса, наглядно символизирующего "край света"... Почему им не приходит в голову, что внизу их потом и веником не соберешь, не то, чтобы умиляться трагической красоте смерти... — не знаю.

Но тут, на вершине утеса, как в апогее судьбы, я возвращаю им смысл жизни... если таковой был накануне. Или отворяю двери в мир новый, полный страстей и событий необычайных, зовущих к испытаниям, славе и подвигам и... прочей такой ерунде, которой невтерпёж хочется в молодости, и которой боишься в старости, как сквозняка...

— Так чего ты там нам с Вильгельмом завидуешь? — запоздало осведомляюсь я.

— У вас есть всё необходимое, чтобы жить... — вздыхает она так страстно, что едва не обжигает мне сердце где-то в районе селезёнки. "Вряд ли, конечно, она про бочку керосина в подвале или про электрогенератор на мельнице..." — подозреваю я.

Так и есть...

— У вас есть цель в жизни, есть средства и смелость её достигнуть...

Справедливо, но только для меня. Вот, взять Вильгельма и его консервированные сардельки? И цель достойная, и смелости ему не занимать, и даже консервный нож всегда на виду, а без моей божественной помощи...

— А у меня нет даже достойного повода, чтобы жить. Не было до сих пор... — она вновь просительно смотрит мне в глаза.

Станные они всё-таки, женщины, да и Вильгельм тоже...

Наверное, тут, на моём "невероятном везении", стоит остановиться подробнее:

Как я уже говорил, мне и без этого "везения" на жизнь грех жаловаться, она как бы удалась... Только вот, почему я всё чаще над этим задумываюсь? Можно подумать, что уговариваю сам себя, или будто доказываю кому-то... Хотя, я сейчас не об этом. Я о том, что может показаться в моем положении ущербностью. О том, что я тут один. Чаще...

Да, конечно — одиночество мой собственный выбор и от него я не так уж и страдаю. Мне вполне хватает "3D-Skype" для общения с друзьями и ругани с врагами, для того, чтобы ощущать себя в социуме. Но иногда мне не хватает именно ощущений... особенно по весне, когда цветут морковь и лишайники, а Вильгельм самозабвенно совокупляется с меховой тапкой. И тогда почти механически включается невероятное моё везение. Вернее сказать, вылезает из корзины пёстрого, в золотом барочном шитье, "монгольбера". И, в чём особенная удача — так это в том, что после слегка поднадоевшей милой блондинки из пшённой крупы выбирается взбалмошная брюнетка, а после того, как и та кувыркнуется с утёса, взмахнув на прощанье тяткой — сколько раз говорил им, чтобы тятили репу, пятясь от пропасти, а не к ней! — Следом вылезает рыжая фурия, а потом наоборот, а иногда и вместе, но ненадолго, — две для Вильгельма утомительно, заглядывая в пылу соперничества.

В общем, не соскучишься. Особенно потому, что...

Ни одна из них не была моей поклонницей до того, как появилась тут, на утёсе, и в этом везение моё особо особенное. Конечно, они слышали, что есть, мол, на краю утёса некий "Хогвардский Егерь", охраняющий мир от нашествия неведомой нечисти, — не могли не слышать. И всё-таки я для них явление новое, — не вызываю ни обожания, как идол из-под девической подушки, ни разочарования, потому что всё-таки похож-похож на картинку: "Если не я то, кто же?!", которую они уже не раз видели на мониторах... И, честно говоря, всегда считали недобросовестной рекламой МЧС: развевающиеся белые волосы, упрямый взгляд зелёных глаз, и кулак с костяными шипами, стиснувший рукоять легендарного меча...

"Чего уж там?.."

Я достаточно хорош собой, чтобы, по крайней мере, отложить акт суицида, тем более что я никогда и не отговариваю их от задуманного, напротив, подвожу за руку к бездне и нарочито сорвавшимся голосом говорю, как теперь...

— Юность — самое подходящее время, чтобы свести счёты с жизнью...

— Почему это?.. — как правило, смотрят они на меня опарашено, как Белоснежка сейчас, — поди, ожидала, что я ей предложу себя в качестве повода жить дальше. Нет уж, за нас с Вильгельмом ещё побороться надо. А то — знаем мы эту игру в поддавки....

— Потому что драмы ещё не кажутся мелкими и обыденными... — мудро улыбаюсь я: — Потому что счастье сегодняшнего дня ещё не так радует в предвкушение ещё большего счастья, там, впереди. Зато трагедии уже переживаются полноценно и бескомпромиссно, или вовсе не переживаются, потому что нет ещё скучного опыта переживаний.

— Ты точно, сам здесь прожил последнюю тысячу лет?.. — шепчет она, потрясённая тем как много знаю я о человеческом сердце.

— Ну, насчет тысячи я бы не настаивал... — оставляю я место для ревности. — А что?

— Совсем не похоже, чтобы ты родился в диком лесу и видел людей только сверху, с горы...

— Вот как? А на что это похоже?

— Ты слишком хорошо знаешь жизнь и людей, как будто прожил среди них долгую жизнь странствующего философа. Причём ставшего странником и философом после того как провёл немалые годы в качестве повелителя или раба — кого-то из тех, кто необходим людям, кого они ни на минуту не оставляют без внимания...

— *Например, вахтера...*

От неожиданности я вздрагиваю, а Белоснежка так вовсе делает козий скачок из моих рук и с протяжным воем исчезает за гранью утёса.

...Незнакомка подходит ближе и, бесцеремонно пододвинув меня смуглым плечиком, заглядывает в пропасть, откуда, затухая, доносится нечленораздельный вопль красавицы.

— Переместилась в корзину... — хладнокровно констатирует она спустя минуту или около того.

Чувство времени я потерял. Слишком парадоксально здесь, на вершине утёса, появление нового существа — "не отсюда, откуда ждали". Прямо сдвиг пространственно-временного континуума.

Или того хуже — совсем уж неожиданное счастье.

— Ты ещё кто? — наконец, выдавливаю я из себя закономерное изумление.

— А ты, и впрямь, Архипыч, вахтёр третьего уровня... — не отвечает она на вопрос, а, напротив, сбивает меня с толку ещё больше.

— Никакой я не Архипыч... — неуверенно сопротивляюсь я. — Я Хогвардский Егерь.

— Ага, то-то мы все покатывались — пень радикулитный, а с утра до вечера на посту "Гарри Поттера" смотрит, серия за серией, как дитё малое...

— Кто покатывался? — невольно насупился я, и запоздало сам удивился:

— "А почему, собственно, меня больше настораживает, что кто-то там смеялся у меня за спиной невесть когда и неизвестно где? А не то, что спина моя была радикулитная и находилась на каком-то там третьем уровне? Когда я всю жизнь себя помню достаточно молодым и вот на этом самом утёсе. Кто это были вообще такие?.."

— Да мы. Мы все и покатывались. Весь офис третьего уровня цифрового архива. Те самые гении, которые тебя бесили забытыми пропусками, и девки в школярских юбках и галстучках, на которых ты, старый пень, смотрел как кот на ходячий пузырьрёк валерьянки.

— Какой, на, пень!.. — ситуация уже начинала злить своей непроходимой глупостью, отсутствием всякой логики, а ещё больше тем...

Вот чем именно я ещё не понимал пока. Пока...

— Какой, вахтёр! — рыкнул я, крутясь вокруг самой себя и пытаюсь уследить... За кем? За чем? За следами на немятой траве, за тенью, мелькнувшей за плечом, насмешливым голосом с обворожительной хрипотцой за спиной, или, вдруг, прямо глаза в глаза, — взгляд карих капель древесной смолы.

— Да, какой на фиг Егерь... — хмыкнула она с каким-то даже скучным злорадством. — Я же говорю, старичок вахтёр из городского архива — Аристарх Архипыч. Мы тебя даже называли ещё Патриарх Архивыч. Ну, как? "On, Off"?

Ещё как "On!" Я даже понял теперь, что меня особенно раздражает! Беспредметность! То, что я её до сих пор не слышал, ни чувствовал её дыхания, даже не видел. Вернее сказать, видел, но только каким-то внутренним зрением, которое безбожно меня обманывало, заставляя реагировать на поток информации, как на реального собеседника. Не больше.

И ведь ни в качестве цифрового кода, графика или биения осциллографического пульса я её воспринимал. Ни, на худой конец, перфорационной лентой без конца и начала. Воспринимал образами. Как и себя самого...

"Патриарха Архивыча".

Должно быть, это было кодовое слово, пароль, открывший доступ к, закрытым до сих пор файлам резервной копии... Аристарха Архиповича Старостина.

Полицмейстер в отставке. Ветеран органов. Уважаемый человек.... Потому, наверное, и не выгнали на пенсию окончательно с места вахтёра в городском архиве, когда стали замечать странности... Вполне простительные для моих лет и юношеского ранения в голову в бытность простым участковым. Обухом топора. Так что, умилённый просмотр на рабочем месте "Гарри Поттера" не вызывал бы даже удивления, не переживай я так живо соперничество факультетов "Слизерин" и "Гриффиндор".

— Однажды ты даже допытывался у нашего программиста, какой именно из них он заканчивал. Явно подозревал в связи с тёмной стороной...

— А ты кем там была? — поспешил я сменить тему, — мало ли, что, благополучно забытого, она ещё могла вспомнить.

Незнакомка и Невидимка ответила не сразу:

— Ты только не обижайся, но тебя с твоим старческим маразмом только потому и держали на третьем уровне, что ты никогда так и не догадался, что наш "цифровой" отдел — отдел номенклатурной безопасности. Впрочем, не только ты, никто не догадался.

— Какой-какой безопасности? — удивился я незнакомому термину.

Нет, вообще-то я знаю, — номенклатура — это такая пищевая цепь столоначальников.

— Ну, как тебе сказать. Государственной безопасности, что ли... — начала она ответ как-то совсем уж издали. — Видишь ли, с развитием в нашем обществе демократических поползновений административный ресурс стал как бы вырождаться.

Почему-то я сразу понял, что она имеет в виду. Вернее сказать, вспомнил... А ведь и вправду. Мне и самому под конец службы начало казаться, что этак дело дойдёт до суда присяжных по делу "об оправлении естественных потребностей с балкона" или всенародных референдумов по вопросу "об обязательном ношении внешних половых признаков".

— Склонных к авторитаризму администраторов, как потенциальных вождей, решили сохранять на случай ужесточения борьбы за выживание... — продолжала она.

— Экологическая катастрофа? Неужели ядерная война? — поёжился я, воображая, что там творится... "на том конце тропы", который уходит за край моего мира.

— Да без разницы... — не то отмахнулась она, не то поморщилась. — Видишь ли, все исчисления возможного будущего человечества, так или иначе, рисуют апокалипсический сценарий. Так что диктаторы в борьбе за выживание пригодятся не менее гениальных учёных, инженеров и этих...

— Творцов... — машинально подсказал я. — Художников, писателей...

Но она отрицательно покачала головой — я почувствовал это дуновением прохлады:

— Нет, это дерьмо и так никогда не переведётся...

Чёрт, лестно было бы быть сохранённым в этой категории, но, как оказывается...

— Так значит, я — потенциальный Атилл?

— Да, какой там. "Рождённый ползать..." Извини... — на этот раз не чувствовалось даже иронии. — Сам, что ли не видишь, какую ты себе матрицу бытия создал?

Да уж... Оказывается, мой бесстрашный герой обложился подушками, как Белый рыцарь из "Алисы в Зазеркалье", а уж про одиночество в компании податливых кукол... чёрт, даже Вильгельм со своей меховой тапкой честнее.

— Так как же я сюда попал... — я чуть не проговорился, "в пансион маразматиков". — Я же ни черта не понимаю в переносе сознания на цифровой носитель?

— Зато я понимаю...

Кажется, мы, наконец-то, вернулись к тому вопросу, который мучил меня с первых секунд этой странной встречи, но, всякий раз ошарашенный ещё большей загадкой...

— Так кто же ты? — снова спросил я.

— Та, кто кое-что понимает в больших числах... — со вздохом ответила Невидимка. — Простой программист II-ой категории, работавший с непростой программой считывания и записи сознания.

— Так ты?... Так я?

Она не стала дожидаться, пока я подберу слова, чтобы сформулировать свой, вновь оживший, предсмертный ужас.

— Да, это я записала тебя на архивный сервер. Нет, ты меня об этом не просил.

На минуту мне показалось, что она исчезла. Растворилась, как улыбка того самого "Чеширского кота", от которого нельзя избавиться, даже когда его нет. Видимо, решала — стоит ли мне знать, как я провёл свои последние минуты, в преддверии их повтора...

— Собственно, когда я тебя нашла, ты уже кончился. Инфаркт или ишемия. Не знаю, я же не доктор. В любом случае, "скорая" вряд ли бы успела. Ты не дышал, но был ещё тёплый.

— И ты меня пожалела?

— Ничуть. Мне просто стало любопытно: сразу ли покидает брэнную тушку то, что мы называем сознанием? В действительности ли самосознание и есть то, что мы пафосно называем личностью? И если даже личность можно перевести в цикл больших чисел, будет ли это душа человеческой. У меня не было доступа к оцифрованным личностям уже внесённым в компьютерный банк. Вот, я и решила...

— Записать меня, пока я был при смерти, чтобы иметь собственного подопытного?

— Что-то типа...

Ни намёка на раскаяние.

— И ты получила ответы на эти свои вопросы? — поешился я, оглушенный величиим и жестокостью её детского любопытства.

— Ни одного... — раздельно произнесла она, впрочем, без тени разочарования. — Я не знаю, личность ли ты, насколько само твоё самосознание или это плод теории вероятности и броуновского движения формул. И уж тем более не уверена, что у тебя есть душа...

По-моему, она многозначительно кивнула на обрыв утёса, за которым... и теперь я это знал с достоверностью базовой памяти — за которым разбились в кровавые мегабайты 1968 моих виртуальных невест, унеся с собой только четыре тятки. Потому что тятки в эту реальность было вписано только пять. Тятка пожалел. А если бы я знал тогда, что эти барышни ненастоящие, не стал бы я их сам туда спихивать? Не знаю...

"Кой чёрт "не знаю"... — вдруг подала голос оцифрованная моя совесть. — А почему тогда ты так и не поставил забора на краю утёса?"

Как будто подслушав эти мои прения с... Кем? С чем?

— А ты?.. — спросила она почти равнодушно, будто уже знала, что я скажу в ответ. — А ты теперь знаешь ответы на эти вопросы?

И я, действительно, с компьютерной оперативностью и правдолюбием, ответил: — Нет...

И меня, по правде сказать, эти вопросы насущного бытия, тоже сейчас не слишком-то и беспокоили. Должно быть,

так же автоматически, как команда облизать ложку после сметаны, сработала приоритетная программа защиты. То есть, в первую очередь, мне надо было выяснить не то, — откуда я, куда, и зачем? А насколько моё нынешнее бытие стабильно и гарантировано? Я так и спросил:

— А это всё... — я неопределённо повел вокруг правой рукой и под конец устался на саму руку... Из которой, я знал, в случае опасности могут вырасти мои легендарные вилы "Goodricke Gryffindor". Вот только какая опасность теперь по-настоящему реальна? Жуткие, но выдуманные "василиски" или доподлинный нерадивый электромонтёр? Он ведь может попросту закоротить питание на сервере и тогда... Пропаду и я, и это всё. И, кстати...

— А это всё? — новыми глазами оглянулся я вокруг.

— Этот комфортный мирок с видимостью социальной значимости, общественного признания и устроенной личной жизнью? — не без ехидства переспросила она.

— Ну, да... — вынужденно согласился я, испытывая не то тошнотворный испуг, не то попросту тошноту. — Это я сам всё придумал?

— Ага. По мотивам своего любимого "Гарри Поттера"... — хмыкнула она. — Никогда не видела более изощрённого чувства собственного сохранения.

Наверное, увидев мою кислую гримасу — может, даже дырочками в перфокарте — она решила меня приободрить:

— На удивление, ты воспринял своё новое положение хладнокровно, я бы даже сказала мужественно. Ты вообще гений. Ты единственный догадался запрограммировать себе хоть и частичное, но регулярное стирание памяти.

— А... — понятиливо кивнул я. То-то я помню себя только после того, как очнулся в Хогвардском госпитале, где меня и завербовал в егеря старик Дамблдор. — Значит, моя последняя кома?..

— Была 45-ая по счёту.

"Чёрт, вспомнил. Всё вспомнил. Первая случилась, как минимум, 2025 лет назад".

— Легче стало?

"Боже мой, 45-ый просмотр одной и той же серии..."

Она — уже не совсем Незнакомка, но всё ещё Невидимка, — как будто поняла мои чувства:

— Ну, извини. Такая уж у меня тут роль. Не я придумала.

— А кто? — наконец подал голос и я.

— Я... — Она не продолжила. Но я и так догадался, что никакого парадокса в её словах нет. Эту программу, как дремлющий вирус, посадила в мой искусственный мир та скверная девчонка, которая тоже давным-давно умерла, а теперь, вот, родилась цифровым ангелом — вестником архивированных истин. Я так и сказал:

— Так ты, значит, мой ангел?

— Только не хранитель. Не надейся... — добавила она как-то мрачновато. — Я из тех ангелов, что приходят сообщить, что час пробил, гром на горе грянул, рак перекрестился. В общем, ты уже умер.

— Ну, теперь я это и сам знаю... — пришла моя очередь иронизировать. — И давно уже, как я понимаю. Не актуально...

— Ещё как актуально... — голос её мне почему-то совсем не понравился, наверное, потому... — Потому, что сейчас ты умрёшь окончательно. Это к вопросу о том, как и на чём этот мир держится.

— И как?.. — я почувствовал невольный холодок в том месте, где у меня должен был быть оцифрован желудок. — Как держится?

— Хреново, вообще-то. Не знаю, что там в качестве трёх энергетических китов, но в роли черепахи для твоего мира заурядный серверный компьютер. Ну, хорошо, пусть даже незаурядный. Но не бессмертный. Так что, черепаха вот-вот издохнет...

Мне показалось, что голос её... или мой внутренний, — всё-таки дрогнул.

— К ней уже подбирается насос подводной археологической экспедиции на глубине 10459 метров на дне Таврического провала, и он сейчас между делом высосет воздушный пузырь, благодаря которому сервер уже две тысячи лет пыхтит себе потихонечку в "сухом прохладном" месте... Несмотря на

то, что не только людей, его создавших, но даже континента, на котором они его сделали, уже нет.

— И я исчезну? — сглотнул я горький комок в горле.

— Почти наверняка, если только оцифрованные души не годятся ещё на что-нибудь, кроме доказательства второго закона термодинамики.

— А ты?

— И я исчезну...

— Страшно?

— Страшно скучно. Я же память не стирала...

— А Вильгельм? — спросил я, когда уже не знал, что спросить ещё, но так и не нашёл ни одного, нужного мне, ответа. — Чёрт, меня же должна была удивить его живучесть...

— Ты сам запретил себе удивляться. А вообще, это собирательный образ с сайта: "Simon Cat". Конечно, с их плодovitостью, вполне достаточно было запустить в дом одну дикуую кошку, чтоб обеспечить тебя котами до полной энтропии вселенной. Но прописать поведение целого семейства котов... — мне показалось, что она фыркнула. Теперь я точно знал, что показалось. — Тут на одного понадобилось девять тысяч подписчиков сайта...

— А?.. — я, кажется, нашёл, что ещё спросить, но...

"Давай, сюда... — слышалось апокалипсическим глухим басом откуда-то сверху, то ли из-за сплошных облаков, то ли из-за запотевшего иллюминатора водолазного шлема. — Сознание непереносимо, во всех смыслах, дружище..."

2314 г.

Мегаполис Коптильный Цех №2

Бочарная бухта.

Район Таврического провала.

На безмятежно-голубой поверхности вдруг вспел огромный слюдяной пузырь и, недовольно ворча, осел, разошёлся рябью кругов. На ряби подскочила утлая лодчонка с "монгольфьером" в линиялой вышивке, привязанным к мачте.

— Что это, родитель братьев моих сестёр? — соскочил с кормовой банки мальчонка в ветхом оранжевом комбинезоне "Югрыбпром", латаном консервной жестью.

— Морские чудовища... — авторитетно, но не без дрожи в голосе, произнес старик, прикладывая к морщинистому лбу спасительный амулет — хитиновый череп медузы. — Их много на дне бездны.

— Не болтай, ерунды, старый пьяница... — лениво приоткрыл один глаз дремлющий на носу монах и, зябко кутая шею в боа из розовых перьев, добавил. — Столько лет уже служишь гарпунщиком планктона, а до сих пор веришь в сказки. Никакие это не монстры.

— Тебе виднее, о, хранитель "Инструкции по эксплуатации"... — торопливо спрятал рыбак талисман, затолкнув череп в пояс чулок.

Но видимо, почувствовав иронию в дребезжащем голосе гарпунщика, "хранитель" счёл нужным прояснить:

— Ещё до войны факультетов "Грифона" и "Слизняка", старый пьяница, слышишь? На дно провала отправили археологическую экспедицию, состоявшую из одних роботов и механизмов. Вот она там и ковыряется до сих пор...

— А что такое "факультеты", о, хранитель? — подсунулся мальчишка, по-прежнему боязливо оглядываясь по сторонам.

— Откуда я знаю? Егерь Вселенной не оставил об этом записей...

У меня всё хорошо, так безупречно хорошо, что не подкопаешься. Я не просто социально востребованная личность, я надежда и упование всего, известного мне, человечества.

Только почему я в последнее время думаю об этом всё чаще и чаще? Как будто это нуждается в подтверждении, как будто я сам себя убеждаю, если не уговариваю, что это именно так?

"ДЛИННЫЙ ПРЕДЛИННЫЙ"

СТОЛИЦЫН НИКОЛАЙ

г. Евпатория

(лауреат и победитель конкурса)

1, маменька

— Строй держать...

Строй?

— Петичка...

— Бр-р-ратцы...

Братцы?

— Петичка?

Лоб горячий... Перекупался, наверное. Или на батарее продуло. Ох, батарея, ох, мичман... И братцы оттуда!

— Строй держать! Они, сволочи, русского матроса...

Захрипел. Закашлялся.

— Русского матроса на фук?!

Разметался Петичка. Волосы слиплись. В поту весь.

Севастополь за окнами. 1854-й. Лето. Тихое. Мирное. А

Петичка...

— Петичка!

— Покажем, братцы... сволочи этой, как матросы дерутся... русские... А? Что?

Успокоился. Улыбнулся.

— Петичка...

И-й! Матрена кашу сожгла. Гарью тянет.

— Дура.

Ничего, Петичка успокоился, можно и Матреной заняться.

2

— Васенька...

Всю ночь царапался, спать не давал, а теперь — дозовись!

— Ва...ва...васенька...

Зевают Петр Васильевич, потя-а-агивается.

День впереди — дли-и-инный. Солнечный. Можно и в море, и на батарею.

— Васенька...

Заправиться только. Без завтрака сытного... никуда.

Чего там? Рыбою пахнет? Ух! Значит, маменька постаралась. Рыбу она сама. И почистит, и...

— Васенька! Чёрт тебя!

Значит, заправиться, а потом — к морю.

— Васенька!

Васенька?

Ох, маменька... Приучила! Ну, какой он — Васенька?!

— Василий Петрович! Василий Петрович!

Вот он!

Тоже потягивается. Ва-а-ажный. С полосками. А Петр Васильевич его — Васенькою?! Фи.

3

Петру Васильевичу руки мыть, зу-убы чистить, а вода — брр, — холодная.

А маменька ещё и Василием Петровичем попрекают: вот, мол, Василий Петрович — чистюля, светится аж. В отличие...

А Василий Петрович — потя-а-анулся, сволочь, и ну, языком наяривать. Пройдёт полоску, другую. Язык у него — шершавый. Пылинки — вон.

А Петру Васильевичу...

— Петичка!

Петр Васильевич пузыри пускает, делом занят, а его...

— Ру-уки!

Руки! Намылить их... и... и... и — раз,— брызги полетели! В Василия Петровича!

А, прячешься! То-то же! И о шерстке забыл. Чистюля!

Руки маменька про-инс-пек-ти-ро-ва-ла, — можно и за стол. Чай пить. Утренний.

А потом — обеденный, а потом...

А ежели не в срок? А так, — пожеланию?

А ежели с молоком? Ведь уже и не просто утренний, а с молоком?

А ежели...

— Не вертись!

А ежели молоко... без чая?

— Петичка!

Не вертись! А может, он и не вертится, а природу, так сказать, изучает? Чайную... Ий, горячо! Как-кая у него природа? Сволочная природа. Жжется и все тут. Утренний, вечерний.

— Ох, уж этот мичман! Петичка, ну, откуда у тебя все эти сволочи?

Петичка? Пе-е-етичка?!

— Monange, этот ploc с его сволочами...

Правильно все. Правильно...

— Monange.

Маменька и рубашку поправит, и пожурит... ласково, с пониманием, и все monange, monange...

А Петру Васильевичу хочется... чтобы вразрез, чтобы не по правилам, чтобы не духами, а... порохом, чтобы сволочь звенела...

— Петичка, я с тобой разговариваю!

Петичка? Ах, Петичка!

— Maman, jесomprends.

Улыбается Петр Васильевич, Петичка, т. е.

— Ах, Петичка, ты действительно ange.

— Maman, jесomprends.

Кухарка о мичмане донесла. Вот... сволочь!

Так, а это уже не ange, не Петичка, это уже...

Главное, чтобы маменька не заметила, а то не видать Петру Васильевичу ни батарей, ни мичмана.

— Maman, j'aivraiment... — замялся... немного, — ange. Ей-богу.

6

Петр Васильевич Василию Петровичу — карасей. В сметане. Маменька жарила. С лучком.

Нет, лучок выбираем-с: Василий Петровича несет с него, проклятого.

Да, уважает Петр Васильевич Василия Петровича. За усы, да натуру полосатую. Потому и ковыряется в карасях, лучок выбирает.

— Одна, еще...

А Василий Петрович так и вертится, так и...

— Держите, Василий Петрович. Маменька жарила.

Маменьку Василий Петрович уважают. За тряпку, наверное. Маменька их — тряпкою. Ежели что.

А при уважении и караси — не караси. Утешение сплошное. В сметане. С лучком...

Ничего, при уважении и лучок — не помеха.

7

Мое почтение! Только на батарею собрался, ан, нет же, — за азбуку принимайся.

Азбука! Скука скучная!

— Ко-ро-ва.

Разве это — корова? Корова — это Машка соседская, с рогами... и травку жует. И глаза — гру-стные.

Вот — корова. А это? Так, название. Ко-ро-ва.

Петру бы Васильевичу с Машкою повидаться, рога изучить... вымя, а он — слова изучает. Наука, тоже! Корову читать. По складам. Когда Солнце, воздух прозрачный и — Машка

мычит, хвостом мух гоняет. Бо-ольшая, те-оплая. Там! А тут — ко-ро-ва. Ни хвоста, ни мычания.

8

Папенька у Петра Васильевича по министерству проходят. Бумажками занимаются.

— Ваше Превосходительство!

Это — сапожник, Алешка хромой. Сапоги принес. Увидал папеньку и — во фрунт.

— Ваше...

Папенька кивает: ничего, мол, Алешка, ничего. И опять за бумажки. Листает, выписывает.

— Ваше...

Для Алешки-сапожника! А для Петра Васильевича... ты.

— Ты сахару будешь? А чаю?

Неважно, что — после, главное — ты.

Для всех — Ваше Превосходительство. Даже для мичмана, для Сергеева. Даже... даже для лавочника. Чтоб его!

А тут — ты.

— Ты, ты, ты!

А, каково? Ваше Превосходительство?

Улыбается папенька... улыбаются Их Превосходительство.

9

Петр Васильевич Василия Петровича на примерах личных воспитывал — "в духе гражданской совести и ответственном"... в общем, — в духе.

Хочется, например, Петру Васильевичу в пиво папенькино перцу насыпать, а он — ни-ни. Ибо перцу посредством натуру он свою угнетает. Гражданственную.

Или Алешка-сапожник. Нет, чтобы дурака ему запустить... потихоньку, вслед, ну, или рожицу скорчить... Гражданственность не позволит!

А Василий Петрович мыша поймал. Гоняет его. Никакой гражданской совести. Ущемляет, сволочь, права мышиные, — только клочья летят.

— Ах, ты!

Затрещина не пример, но действует ку-уда безотказнее.

А после — можно и о примерах...

10

Мичман Петра Васильевича по запаху узнают.

— Ишь, барчук! Мыло-то аглицкое... с земляникою...

Или:

— На французское потратились? Ух!

Или:

— А это уж перебор! Этаким разве что сволочи министерские...

Петра Васильевича досада берет: неужели в Петре Васильевиче — ничего, кроме аромата заморского?

Потому и шлепает Петр Васильевич по лужам да оврагам, чтобы пахло от него... травами, землею сырою, да не аглицкими, не *supplémentaire*, а своими, русскими.

Интересно, распознает мичман? Или опять за старое?

11

На батаре — пу-ушки. Мичман Сергеев и пу-ушки. Мичман канониром при них поставлен, при пушках. Заведует, т. е., начальство, т. е. Пушечное.

Петр Васильевич к нему издалека: уж больно суров...

— Господин мичман!

Начальство пушечное. Папенька бумажками заведует. Тоже начальство. Но бумажки — и... и пушки? Разница!

— Господин мичман, господин мичман!

И — подальше, подальше...

Ишь, зыркает...

— А ну!

Это — мичман, что ли? К нему, что ли?

Деру тогда...

Нача-а-альство, а внимание обратили. Значит, и Петр Васильевич — не пшик, — человек! Значит, и маменьке можно о правах заявить. А то — выдеру, выдеру... Человек! Начальством отмеченный! Такого выдери! Да-с.

12

У Петра-то Васильевича... и ленточка есть. С собою. От бескозырки. С надписью. И кончик у неё — бе-елый. От соли.

Ленточка и... и...

— Глаза у тебя, паря... морские. Синие, жуть.

И — глаза!

Поближе подобраться?

— Да ты не робей, паря!

Хохочет мичман. Зубами сверкает.

Чувствует мичман... душу родственную. С ленточкою. И глазами. Потому и хохочет.

— Ну! Ну! Не бойсь!

А кто боится?!!

С ленточкой и — глазами? Бояться?

— Да чтобы с места не того... pasaller, если того, — реуг.

Хохочет мичман. Аж глазами прыгает.

— Хо-хо, с места... хо-хо...

Петр Васильевич и сами бы хихикнули-с, из вежливости, да как-то... нет, не страшно, — ответственно: как бы перед мичманом не goof.

Ах, effrayant, господа, effrayant...

13

Пушка у мичмана... Пу-ушка!

— Потрогать хочешь?

По...потрогать?

Петр Васильевич носом хлюпнул. От счастья. Пушку потрогать? Йих!

— Дура чугунная! Ишь, притихла.

Большая, страшная... Нет, нестрашная. Ни капельки!

— Притихла...

Трогает Петр Васильевич пушку... Те-оплая. Солнцем ее нагрело.

— Мо-олчит, не огрызнется.

Те-оплая.

— Эх, хорошо, что мир нонче. Хорошо, что пушка молчит. Ей-богу, хорошо. Ты-то, паря, не знаешь, как она разговаривает. Я — знаю. Нехорошо она разговаривает. Страшно.

Пу-ушка-то — ух... и язык у нее — особенный:

— У-у-ух...

Дрогнул Петр Васильевич.

Нет, уж лучше молчит, тёплая и — молчит. Хорошо-с.

14

Мичман котелок поставили — перед Петром Васильевичем, поставили, крышку открыли-с.

— Провизия, паря!

Щи вроде. С виду. Сметана плавает. Капуста. А нет же, — провизия!

У Петра Васильевича соусы в брюхе — с грибами, шампиньонами, паста латинская, а есть, чёрт его, — хочется! Ведь провизия же. Не щи, не соусы! Провизия!

— Про... провизия!

И слюны полон рот, и в брюхе того...

— Да, паря, его не обманешь, брюхо-то. Чует оно. Оттого и урчит.

Не обманешь! Ни грибами, ни пастою.

— *La cuisine simple de Russie.*

Так маменька говорит. И морщится.

А господин Сергеев — смачно, с оттяжкой:

— Пр-р-провизия!

И всё — заурчало оно, брюхо, т.е.

Не сметана с капустою — провизия! Так её и растак!

— Да-а...

Мичман Сергеев.

— Да-а...

Петр Васильевич.

— Да, так и стоим. На страже!

Так и стоим. На страже. А чего?

— А чего? Известно, чего, — России.

Как России? Где она, Россия? Крым!

— Россия, паря, она — бо-ольшая... и — маленькая. Ты, например, — ма-аленькая.

Маленький?

Петр Васильевич на цыпочки встал. Вытянулся.

— Ма-аленькая, а тоже... Россия!

Кто Россия? Петр Васильевич? Россия?!

— И я — Россия. И — пушка. И — море.

— И... провизия?

— И провизия. Все — Россия. Ты — маленькая, я — побольше, море — еще больше, небо — совсем большая... Россия!

Россия...

— Вот море, тёплое оно, понятное, родное, и небо — родное, и русское! Понимаешь? Русское! И море, и небо. Так-то, паря. Да.

— Да.

Петр Васильевич.

— Да.

Мичман Сергеев.

— Да-а...

А море-то, море... Ох, заливает мичман! На глаза похожее! Море!

— Ох...

Красота...

И день закончился. Вроде бы летний, вроде бы длинный,
а уж и звезды рассыпало.

— Beaut?, чтоб тебя!

И море шумит. Ласково так. Ла-а-асково.

— `El`ement sans limites!

Окунуться бы... да нельзя: дисциплина! Только от мичма-
на, а дисциплине — adieu?

Эх, закончился день...

Караси да соусы, да провизия, да... и все, — звезды рассы-
пало.

— Тоже мне, — дли-и-инный...

Ленточки не длиннее.

17, маменька

Маменька рот открыла...

— Сказку? Петичка, ты же... взрослый совсем!

Взрослый! А ежели опять — "бр-р-ратцы"?

Устал Петичка. Целый день — взрослый. Летний, длин-
ный... Устал!

— Сказку...

Петичка зе-е-евнул доверительно: сказку!

— Ох, Петичка...

Задумалась маменька, вспомнила, как Петичка в ночь
предыдущую "строй держал".

— Сказку...

Петичка Ваську под бок: слушай, сволочь...

— Слушай... В Севастополе, в 1854-м, в июне... мальчик
жил, на тебя похожий, только звали его — Петр Васильевич...

Засопел Петичка: про него сказка... ну, почти...

— Этот enfantadulte кормил своего кота карасями, и жда-
ли его за окнами — море, Севастополь и длинный-предлин-
ный день...

"МОЙ КРЫМСКИЙ ДЕТЕКТИВ"

СКВОРЦОВА ДАРЬЯ

г. Керчь

(лауреат конкурса)

Поезд уныло раскачивался, как огромная погремушка. Моё купе тесное и тихое, сосед на верхней койке неторопливо листает газету, сложив ноги в крендель: "Учёные из научного университета Лондона обнаружили новый вирус... вирус распространяется поразительно быстро..." После того, как я дошёл до: "пугающе скоротечного развития болезни...", страница газеты потеряла для меня интерес.

Я приоткрыл окно, — в купе отвратительно пахло несвежими носками и лекарством от кашля. Тут же в открытое окно влетела коричневая мясистая бабочка, направившись прямо к такому, казалось, спасительному свету лампы. Маленькое тельце несколько раз ударилось об неё и хлопнулось на белый стол.

Я закрыл глаза в тщетной попытке уснуть.

Через пару часов я буду в Керчи, в доме на "Вишнёвой".

Я не был там никогда. Ехать в Керчь было самой сумасшедшей авантюрой в моей жизни, после, конечно, затаскивания в институтскую библиотеку маленького "Фольксвагена".

Человек на верхней койке притворно кашлянул, потом громче, вперив в меня взгляд своих блестящих глаз-жуков. Я сделал вид, что меня невероятно занимает судьба кусочка сахара в стакане с чаем.

— Прошу прощения, любезный. Не будете ли вы так добры? Закройте, пожалуйста, окно. Из него страшно сквозит, а я только что перенёс сложнейшую простуду... — ележным голосом попросил мужик, в котором точно больше центнера веса.

— Разумеется.

Я, с плохо скрываемым раздражением, закрыл окно, вынул пачку сигарет из кармана пиджака и вышел в тамбур. Наступало то время, когда пассажиры потихоньку просыпались и начинали бродить из одного конца вагона в другой.

В сознание, как в пустой сосуд, стали липко стекать мысли:

Правильно ли я поступил, сорвавшись с места, бросив всё? Почему Александр так настойчиво требовал, чтобы я срочно приехал?

Мне не хотелось думать, углубляться в себя, ища ответа и успокоения. Да и люди, снующие как стайка гушпы в тесноте аквариума, начали раздражать. Я вернулся в купе.

Там самозабвенно курил мой сосед, свесив свои куриные ножки с полки. Окно, как ни странно, было снова открыто. Человека, пускавшего в потолок клубы дыма, совершенно не одолевали сомнения. Его лицо лоснилось в свете тусклой лампы; на рубашке, в области живота, не хватало пуговицы.

Наверняка, какой-то офисный планктон, — под предлогом командировки ездил отдохнуть в мотель с жирной едой, кислым вином и мягкими женщинами, и теперь вид у него вполне цветущий, из открытой сумки торчат бронзовые головки египетских кошек — сувениров для круглой жены в переднике и парочке таких же кругленьких деток.

— После тяжёлой простуды вам не следовало бы курить, — проворчал я.

— Я понимаю, но не могу сдержаться, это мой порок, — он с удовольствием затанулся.

— "Твой порок — это дармовая жратва онклюзив и грязные носки", — злобно подумал я, вытаскивая из чемодана свитер. В купе резко похолодало.

Она стремительно приближалась.

Порывистая, рыжеволосая, переменчивая. Я вздрагивал в её холодных руках, отталкивал её, прятался в своей квартире... — осень.

Я ненавижу осень.

Озябший, тёмный я вышел из поезда. Раннее утро заключило меня в свои сырые объятия, запустило под свитер длинные ледяные пальцы.

Мне нужно убить ещё двоих. Осталось всего двое, не так уж сложно.

Телефонная будка поблёскивала в конце перрона. Я вошёл в неё и с силой прижал дверцу.

Телефонный аппарат требовал монету. С первого раза не вышло. Я услышал, как металл звякнул в пустоту и снял трубку, потыкал в кнопки.

— Алло-о, говорите... — голос звучал приглушённо и хмуро.

— Здравствуйте, мне нужен Александр Краков.

Голос засомневался:

— Одну минуту, как Вас представить?

— Я с поезда. Он поймёт.

В трубке послышалось, как по полу медленно зашаркали тапки. Я уже порядком замёрз, и мне хотелось поторопить эти шаги.

— Друг мой! Ты приехал. Где ты сейчас находишься? Немедленно ко мне.

— Не так быстро, Александр. Я только что прибыл и звоню тебе с вокзала. Давай встретимся вечером? Я ещё позвоню. А сначала поеду в дом, мне нужно отдохнуть.

— Хорошо. В одиннадцать у меня.

— До встречи.

Я повесил трубку на рычаг. Руки задрожали, по позвоночнику острыми коготками царапал холодок. Щёки стянуло, как при судороге.

— "Кроме того, мне нужно убить ещё двоих. Осталось всего двое, не так уж сложно."

Я вышел на вокзальную площадь.

Этот город мне нравится.

Не то, что я люблю его и сейчас очень рад здесь находиться. Просто есть в нём что-то уютное, комфортное, как любимое одеяло. Довольно старое, но родное.

Мой чемодан, поскрипывая, катился по цветной плитке.

Как дети на физкультуре, выстроились вдоль тротуара такси. Было уже девять утра, но солнце не собиралось выползть на белый свет. Сегодня оно решило поваляться подольше в перинах утреннего тумана. Я подошёл к первому попавшемуся такси и молча залез в салон, оставив чемодан снаружи. Водитель подхватил его и сунул в багажник.

— Куда едем? — всё в нём выдавало любителя пива и жареного мяса. Одутловатое лицо, пивной бочонок животика и радостная улыбка ребёнка, которого ждёт подарок по возвращении домой. Его возраст выдавали только резные морщины, будто и лицо было сделано на бочарне.

— На Вишнёвую.

Машина загудела, дёрнулась и затихла. Таксист снова провернул ключ зажигания, и мы тронулись.

У меня болела голова, меня подташнивало, я хотел скорее оказаться в доме на "Вишнёвой". Назвать его своим язык не поворачивался. Таксист умело лавировал, но не из-за потока машин, а, чтобы избежать ямы и кочки, которыми изобилуют здешние дороги. Каждый раз, когда водителю не удавалось объехать препятствие, мой бедный желудок подскакивал к горлу, выталкивая завтрак, съеденный в вагоне-ресторане. Наконец, мы подъехали к нужному дому. Шофёр бодро выскочил из машины, вытащил мой чемодан и распахнул дверцу. Я расплатился.

Два этажа, но на одного хозяина. Закрытые ставни слепо уставились на меня. Односкатная черепичная крыша, съехавшая немного набок, как берет кокетливой гимназистки. Грязно-жёлтые стены с остатками облупившейся лепнины, неприятливо оскалившееся крыльцо.

Как для меня, — выглядит почти симпатично.

Калитка с визгом открылась. Я помог свалившемуся чемодану принять вертикальное положение и пошёл по мо-

щенной дорожке. Она заросла с обеих сторон вытравленной, пожухлой травой. Участок за домом оказался ещё зелёным. Зелёным по цвету, но не по существу. Он похож на несвежий овощной салат. Здесь находится и палисадник, видно, что когда-то за ним кропотливо ухаживали. Сохранился аккуратный овал, очерченный гладкими камешками. Посредине гипсовый вазон, расколовшийся от натиска запущенных роз. Алых, но неестественно алых, как на похоронном венке. Кажется, даже благоухают ещё...

Я осторожно ступил на клумбу, наклонился, прислушиваясь к тонкому траурному аромату...

Внезапно поднялся ветер. Холодный, пронизывающий...

Я тряхнул головой, и меня закружило в тумане. Не "будто" в тумане, а именно. Туман. Промозглый, вязкий, плывёт клубами, и когда белесые клубы расходятся как театральные кулисы...

Перед глазами вскипает воспоминание: большой палисадник, ярко-оранжевые, красные, коричневые цвета. Цветы эти собраны в клумбы, в виде объёмных петухов. Солнце обволакивает, а не печёт. По взрыхлённой земле растягиваются красные лучи. Векам становится горячо, и воспоминание обрывается так же резко, как возникло.

Похоже, меня стошнило.

Ключи лежали в переднем отсеке чемодана. Застёжка там всё время заедает, я не знаю, зачем кинул их именно в этот кармашек, но, как бы там ни было, мне пришлось повозиться с чёртовой застёжкой.

Дверь открылась мягко, без скрипа. Я подтащил чемодан и вошёл внутрь моего нового жилища, притворив за собой дверь, она щёлкнула. Упрямо пытаюсь разогнать темноту, застилавшую мне глаза, но не могу нащарить рукой выключатель. Поэтому ничего лучше не придумал, как вынуть зажигалку, чтобы найти нужную кнопку, рычажок, тумблер... — не знаю, что здесь приспособлено для включения света. Нашёл.

И сразу зажмурился. Свет обухом ударил меня по уже порядком задуренной голове. Пару минут парения в пространстве, пока не решил, что глаза уже можно открывать.

Изнутри дом кажется намного больше, чем снаружи. Сделать шаг я так и не решился.

Господи, кто делал тут ремонт?

Стены коричнево-бордового цвета в отвратительную ярко-алую полосу. Всё, включая ковёр, имеет оттенок красного вина со странными вытянутыми потёками — кровь в эмалированной посудине после стерильного: "Сплюньте". Люстра хрустальная, тяжёлая и грязная. В фильмах такая всенепременно обрушится на голову главного злодея, погребая его под собой. Она слабо освещает горчичным светом весь этот горячий рай экспрессиониста.

"...На последней ступени две недели назад лежала девочка с синим, опухшим лицом и следами верёвки на шее. С её бледной ножки свисал чёрный носочек..."

На второй этаж ведёт деревянная лестница. Всё кажется ветхим, хотя на самом деле видно, что ковёр и обои отнюдь не старые. Я быстро посчитал ступени. Семь ступеней. Я оставил чемодан у двери и стал подниматься по лестнице. Первая ступень. Вдох. Вторая ступень. Выдох. Взгляд уже на седьмой ступени. Подошва ботинка ещё над третьей. Душа вовсе осталась на пороге.

— "Похоже, мой детектив кто-то дописывает или переписывает заново. За меня? Или для..."

С первых минут нахождения в этом пакете с фаршем, мне хотелось выйти на улицу и лечь лицом в землю. Здесь и пахнет каким-то мясом, типа свинины или что там ещё мы едим под этим названием. Тошнота не проходит, наоборот, накатывает волнами и я бы с удовольствием испачкал этот мерзкий ковёр, который вполз и на второй этаж, но потом всё это нужно будет убирать. А мне нужно найти спальню, принять душ и лечь спать. Отдохнуть до встречи с Александром хотя бы пару-тройку часов.

Кажется, это здесь... — первая дверь справа.

Тот же гвоздичный оттенок, который уже перестал резать глаз, но всё равно неприятен.

Дверь мягко открылась. Прямо напротив двери большое окно. Ставни закрыты, но в маленькую шёлку, как струйка дыма, пробивается свет, разделяя комнату и двуспальную, не внушающую доверия, кровать пополам. Я вспомнил о чемодане, который остался внизу и притащил его сюда.

Мне нравится полумрак, но не когда он похож на сырую отбивную и вызывает на коже непрошеные мурашки. Пол из тёмной древесины, кровать под пологом не пыльных (что странно) бархатных штор. Два бархатных кресла. Бархатное покрывало на кровати. И весь этот бархат струится, течёт, стекает на пол и делает его липким для разума.

"...Странно, кажется, именно в такой комнате я убил девушку Соню. Она лежала возле дверного проёма, пачкая ковёр кровью из разбитой головы..."

К спальне примыкает ванная. Каждый шаг я делаю с опаской, будто сейчас из-за угла выпрыгнет кто-то и нападёт. Я смотрю на часы. Час дня. Осмотр двух помещений занял у меня полтора часа. Хотя, казалось, я тут не больше двадцати минут. Здесь и время идёт по-другому?

Я решаю прогнать от себя настораживающие мысли, — не осматривая ничего вокруг, принимаю душ, застилаю чистым бельём постель и ложусь.

Комната была наполнена темнотой до краёв.

А моя голова была наполнена истомой.

Я сел на кровати, простыня скатилась с груди.

Самое странное в этом доме — всё выглядит так, будто никто его не покидал. Словно он и не стоял одиноким шесть лет, ни на минуту в нём не прекращалась жизнь. Нигде нет пыли, чистые комнаты, не пахнет сыростью или затхлостью.

Я встал, поплёлся в ванную, чтобы умыться и почистить зубы. Ноги коснулись холодного кафеля и волоски на моих

руках и затылке встали дыбом. Чистое зеркало демонстрировало помятую физиономию с полоской от подушки на щеке. В мешки под глазами можно сажать детей кенгуру. Им было бы так же комфортно, как в сумке у матери. Вкупе с этим щетина является неоспоримым доказательством того, что я — пьяница, который влез в чужой дом, ища кров.

Через час мне предстоит встреча с Александром, нужно привести себя в божеский вид, что не слишком получается.

По дороге я решил зайти к нотариусу, уладить некоторые дела по поводу дома. Ненавижу копаться в бумажках, эти формальности оскверняют мои светлые чувства.

Шучу. Не оскверняют. Я просто не хочу, в случае чего, спать на улице.

Погода резко испортилась. Я будто и не выходил из тёмного, просторного дома. Только тут ещё и ветер лезет под одежду. Пальто не застёгнуто, не знаю почему, не хочется мне.

Странно, что в городе я довольно хорошо ориентируюсь и быстро нашёл нужную мне нотариальную контору. Она находится на первом этаже жилого дома и, если бы, не маленькая табличка над дверным звонком, никто бы и не понял, почему здесь нужен ещё один выход.

Изнутри контора оказалась светлой. Белые стены, светлая мебель, чахлые пальмы по углам. Мне приходится ждать, и я листаю старый номер "Московского комсомольца".

Спустя десять минут меня пригласили в кабинет.

Нотариус выглядит более как бармен, нежели юрист. Молодой. Густые каштановые волосы, взгляд, говорящий: "Что я тут делаю, почему я сижу за этим дубовым столом, а не стою за стойкой крутого бара?" Он даже не поднялся из-за высокого стола, чтобы поприветствовать меня, поэтому определить, — стоит он, на самом деле, или сидит — я не смог.

Нотариус кинул на меня быстрый взгляд, который должен был намекнуть мне, что время у молодого человека ограничено и растягиваться ради меня оно не планирует.

— Добрый день, я по поводу...

— Здравствуйте, вы по поводу конкурсного дома? Александр говорил мне о вас, вы полностью подходите под его описание. Присаживайтесь.

Я настороженно посмотрел на этого парня. Взгляд у него какой-то неприятный, липкий. Я сел на хлипкий стул с бордовым сиденьем.

— Итак, Александр сказал мне, что Вы — номинант на первое место в литературном конкурсе "Крымская детектив". Главным призом конкурса является земельный участок на ул. Вишнёвой с домом, находящимся на его территории. Насколько я знаю, вы уже были в этом доме?

— Всё верно. Странно только, что я там один. То есть, видно, что дом не заброшен, что кто-то уже жил там. Только ни одного человека, даже соседей, не то, чтобы прочих конкурсантов, претендующих на дом, я так и не увидел.

— Не волнуйтесь по этому поводу. Соседи в отпуске, а остальные номинанты ещё не прибыли.

— Почему тогда всё внутри выглядит так, будто там уже жил кто-то?

— Понятия не имею. Может быть, организаторы немного привели его в порядок? В любом случае, не стоит беспокоиться. Сейчас мы подпишем кое-какие бумаги, и, надеюсь, встретимся с вами в следующий раз уже на награждении... — парень холодно улыбнулся.

Он стал один за другим выдвигать ящики своего тяжёлого стола, что явно стоило ему немалых усилий. Похоже, бумаги были набросаны в ящики так же сумбурно, как мои вещи в чемодан.

Я внимательно изучил заусенцы на своих ногтях, потом манжеты рубашки. Обвёл взглядом светлый кабинет.

Потёртая сова, с которой почти отшелушилось коричневое оперение; линолеум со следами чьих-то грязных ботинок, — на вид сорок восьмого размера... — и потрет.

Прямо над столом. Почему я не увидел его сразу?

Портрет красивого, статного мужчины с сединой в бороде и, очевидно, что с "бесом в ребре".

Александр. Спонсор и главный затейник мероприятия под названием "Крымский детектив".

Спустя час я выхожу из конторы нотариуса.

Тот так и не смог дать мне вразумительный ответ на мой вопрос, почему портрет Александра висит у них на столь почётном месте. Проямлил что-то о том, что "Он является одним из главных членов жюри конкурса, давно занимается поддержкой молодых авторов детективного жанра..." и совсем стухшим, затихающим голосом пролепетал, что-то бессвязное: "И вообще надо спросить старшего компаньона..." бла-бла-бла.

Спускаясь по ступеням, я убеждаю самого себя, что нет ничего странного в том, что Александр занимается этим делом уже не один год. Он известный меценат в наших младо-писательских кругах, спонсор многих сборников и альманахов... хоть никто и никогда не мог назвать ни одного, написанного им самим, произведения. Только вот почему он сам не сказал мне этого? Наоборот, настаивал, что "Крымский детектив" его совершенно новая сумасшедшая идея. Дескать, захотелось вознаградить наше рвение, всё больше растраченное втуне или на "самиздат" — издания за свой счёт. Нет, определённо — никогда раньше я не слышал от него о "Крымском детективе". Впрочем, что это меняет для меня? Тем лучше, что Александр занимается этим уже много лет. Нотариус сказал, что на его руководство ещё никто не жаловался...

— Ага, не жаловался... — прохрипел под ногами голос.

— "Я рассуждал вслух?"

— Этот твой Александр гадина, какую ещё поискать... — совершенный оборванец с грязной, похожей на мочалку, бородой, поднимался с земли, таща в костлявой руке замызганный рюкзак.

— Прошу прощения? Вы знаете, о ком идёт речь?

— Естесна... — с явно притворным косноязычием процедил старик. — Знаю. Ты тоже "номинант"? Если так, то ты, сынок, номинант на психушку. Впрочем, тут уж выбор за тобой

— уходить отсюда сейчас же и как можно дальше, или ходить под себя до конца дней... — от обрывистого харкающего смеха у меня по спине табуном проскакали мурашки

— Можно поподробнее?

— Отчего ж нельзя? Только вот замёрз я очень, аж коленки звенят. Нет у тебя чего горячительного?

— Идём.

С этим зловещим стариком мы зашли в первое попавшееся кафе, где я заказал ему водки под порцию пельменей и кофе для себя. Перед глазами у меня плясали разноцветные мошки... или мерзкие леприконы, вознамерившиеся стянуть у меня едва выглянувшее из земли сокровище.

Старикашка быстро умял свои пельмени, запил их половиной графина и начал свою печальную повесть. Если вкратце, опустив явно искусственную стилизацию под жаргон бомжей:

Двенадцать лет назад он, молодой, амбициозный и о-о-чень красивый мужчина — Борис, автор шести книг, изданных серьёзным издательством, принял участие в конкурсе "Крымский детектив". Это был явно не его уровень, но кому помешает недвижимость в Крыму, которую обещали за первое место? Такой невероятно талантливый писатель, каким он себя, по крайней мере, чувствовал, немедленно попал в число главных номинантов на призовое место и был приглашён в Керчь... — так же, как и я, — повидать обещанный приз и заразиться азартом. Борис тут же сорвался из родного Ростова и прибыл в город между двумя морями. Его встретил сам Александр, показал дом и оставил его там отдыхать. "Пока остальные конкурсанты не прибыли..." — так сказал он и ещё сказал, отправляясь восвояси: "Наслаждайтесь предчувствием!" "Скорой победы..." — так понял его слова Борис, но...

В первую же ночь ему приснился ужасный сон, в котором он убивает школьницу в палисаднике, а огромные петухи из цветов клюют и съедают её тело...

Мужчина просыпается в холодном поту, спускается на первый этаж, пропустить что-нибудь для успокоения нервов. На лестнице он спотыкается обо что-то и кубарем катится, встречая каждую ступень носом. Очнувшись на полу со сло-

манным носом, лёжа, смотрит вверх, в конец лестницы. А там, на втором этаже, качается человеческая фигура. Она чернее ночи и плотнее резины, и мало того, немного покачавшись, она начинает спускаться вниз. Но вот на четвёртой ступени падает, катится прямо на Бориса и наваливается на него тяжестью, невероятной для призрака...

Когда писатель открывает глаза, то обнаруживает на себе субтильное посиневшее тело школьницы с исклёванным лицом и пустыми глазницами. Он сбрасывает с себя "эту гадость" и мчится к выходу. Но на его пути становятся те самые цветочные "петухи", которые клюют его в голые ноги, раны рвутся, кровь струится по ногам и впитывается в бордовый ковёр, но, почему-то не оставляя следа. Борис вылетает наружу, бежит, бежит к калитке по дорожке, но земля разверзлась под его израненными ногами, превратилась в зыбь и засасывает в свои недра. Беспомощный писатель зовёт на помощь, кричит, видя как из дома выскакивает вслед за ним стая "петухов", они хищно разевают окровавленные клювы цветочных лепестков, цветы эти по-украински называются чорнобривці, и вот-вот...

К счастью, Борис вовремя теряет сознание.

Очнулся он уже в больнице.

У кровати участливо сидел Александр, с собой он принёс букет "чорнобривцев" в виде маленького петушка.

Сказать, что я вовсе не поверил этому рассказу, нельзя. После видений и вообще тягостного впечатления, которое произвёл на меня дом... Но всё же и безоговорочно верить в слова первого попавшегося бомжа я не мог. Я скептически смотрел на старика, пока тот рассказывал свою историю. И, поняв, что рассказ его не вызывает доверия, он закатил штанину до колена, показал ногу. Нога, ну как нога — кость, обтянутая пергаментной кожей вся в мелких точках — шрамах. Эка невидаль — шрам. У меня тоже такой есть. Только на заднице. Одно лето, когда я был мал и ездил в деревню к бабушке, я как-то совсем не вовремя припёрся в курятник... с точки зрения тамошнего феодала.

Трудно было угадать в сидящем передо мной старом бомже некогда красавца Бориса, удачливого литератора. Разве

что речь выдавала, несмотря на неуклюжую стилизацию... Нелитературный лексикон в неё упрямо не вписывался. В принципе, как у меня, когда я подсаживаюсь во дворе к алкашам, соблазнившись дармовой выпивкой и партией в домино.

Борис также сказал, что было всего семь конкурсантов на его памяти. Четверо будто бы в психушке, двое мертвы, ещё один в тюрьме, — говорят, он выбежал из дома с топором, крича проклятия, и напал на старушку. Та померла от инсульта, а не от топора, но литератора упекли.

Что же это получается? Александр собирает начинающих писателей в этом идиотском доме и доводит до полного безумия? Зачем ему это нужно?

Борис сидел грустный, должно быть, вспоминал, каким успешным и перспективным он был когда-то... Водка пробрала его — он проклинал себя за "жажду наживы", "бисер перед свиньями" и плакал...

Я расплатился, взял старика под руку.

Мы идём к Александру.

Погода резко испортилась, тучи устлали небо матовой серостью, город погрузился в темень. Мы пришли к дому Александра. Бориса заметно трусило, но надо думать, опустошённый им графин водки всё же придал ему уверенности.

Дверь нам открыла, видимо, гувернантка. Меня она приняла вежливо, сдержанно. На Бориса глянула с нескрываемым отвращением и спросила, назначено ли ему. Я сказал, что он со мной. Девушка сморщила носик и попросила подождать. Ещё она попросила Бориса не садиться в кресло, а предложила ему кухонный табурет.

— Мерзкая шельма, — прошипел Борис, когда девушка скрылась.

Дом Александра оказался богатым и невероятно безвкусным. Антикварная софа и кресла в комплекте с пластиковым столиком под мрамор с распродажи. Винтажные бра на стенах вкупе с люстрой с такими же пластиковыми "кристаллами"-висячками.

Появилась девушка:

— Александр ждёт вас, господа.

Мы с Борисом поднялись. Должно быть, он совсем осмелел, потому что, выходя из комнаты, специально прижался в дверном проёме к девушке, которая кинула на него полный ненависти взгляд.

Александр сидел в своём кабинете.

Одна стена полностью представляет собой книжные полки. Стол из какой-то чёрной древесины, тяжёлый даже на вид. Люстра под низким потолком излучает мутный жёлтый свет. Бордовый ковёр распластался по полу. Как тут работать вообще можно?

— Хосподи, ты даже не изменился, гадина. Двенадцать лет прошло, а ты всё такая же моложавая змеюка... — после уличного холода, тая вместе с водкой, Борис, наоборот — твердел характером.

— Борис, друг мой, сколько лет, сколько зим! — улыбнулся Александр. — Как поживаешь? Твоя повестка из суда так и не пришла? Что же случилось? Неужели твои дела так плохи?

Я застыл в шоке.

Александр всегда был неизменно учтив и никогда я не видел, чтобы он так откровенно издевался над человеком. Глаза горят дьявольским огнём, лицо резко покрылось морщинами. Даже не морщинами, а складками кожи.

— Ты, дьявол, всю жизнь мне попортил, провались ты в ад со своим домом проклятым! — Борис схватил подсвечник со столика рядом с дверью и кинулся на хозяина кабинета.

Тот, взмахнув рукой, отшвырнул старика прямо в книжную стенку. На бедного старика посыпались тяжеленные энциклопедии, стуча о пятнистый от пигментации череп. В довесок Александр швырнул прямо в голову Борису серебряный подсвечник. Увесистый кусок металла рассёк лоб писателю. Кровь хлынула, заливая лицо, глаза и клочковатую бороду, которая стала похожа на розовую сладкую вату.

Александр с невозмутимым лицом повернулся ко мне.

— Зря ты притащил его сюда, ой, зря. За это ты будешь наказан на вечный "день сурка", мой друг.

Я обалдело уставился на человека, который когда-то казался мне чуть ли не другом. Лицо его на глазах стало изменяться и превратилось просто в бесформенные складки кожи с двумя блуждающими мерцающими точками глаз. Безупречный пиджак чёрного костюма вдруг громко треснул.

Я стал задыхаться, воздуха становилось всё меньше и меньше, мне стало жарко, пот заструился по лицу, застилая глаза туманом. В ушах нарастал гул и треск поленьев в камине за спиной Александра. Голова начала раскалываться, загудела и, казалось, сейчас треснет от боли. Я силился взглянуть на Александра. Не знаю, был ли это бред или видение в тумане боли, но у него за спиной колыхались два огромных чешуйчатых крыла! Они оглушительно хлопали, книги кружили в урагане. Александр злобно захохотал и исчез в камине. Меня швырнуло об пол порывом ветра от крыльев.

Александр и впрямь, — демон!

Я открываю глаза. Боль заливает голову. Руки и ноги привязаны к кровати.

— "Где Александр? Что я здесь делаю?"

Я бешено дёргаю конечностями, пытаюсь высвободиться.

— Александр! Где ты, тварь?!

На крик прибегает заспанная девушка в белом халате. Выхватывает с металлического разноса шприц и резко всаживает мне в руку укол. По телу разливает сладкая истома.

Медсестра удовлетворённо кивает.

Врывается мужчина в халате.

— Что, снова приступ?

— Да. Подумать только, третий год подряд и точно четвёртого ноября. Хоть календарь сверяй.

"МОРЕ ЭЛЬЗЫ"

АРМЕЕВ АНТОН

г. Ревда Свердловской области
(конкурсант)

Серое небо, серая пристань и серое настроение — пожалуй, единственное и самое лучшее описание того дня, когда Эльза пришла на один из севастопольских рыбацких пирсов, держа на руках завёрнутый в тряпье предмет.

Скорее ноги, чем сердце, привели её сюда, и скорее руки, чем мозг, занесли свёрток над приливной волной. Солнце скрылось за мутными тучами, намеревавшимися вскорости разразиться ужасным ливнем. Холодало, и тело девушки, стоявшей в порту этим мрачным октябрьским днем, было покрыто лишь перелатанным платьем, как ни странно, тоже серого цвета. В глаза бросались ужасающая бледность кожи, неестественная худоба и осунувшееся лицо. Крайняя степень усталости и обреченности выражалась в каждом её движении, в диком, затравленном взгляде, в спутанных волосах и синяках на ногах.

Гудок парохода слегка прояснил затуманенный разум девушки. Эльза равнодушно проводила глазами в путь красавец-линкор. Разрезая блестящим носом волны, судно весело гудело, пугало стаи кружащих вокруг чаек.

Девушка оторвала взгляд от корабля, сфокусировала его на свертке. Небольшой, совсем лёгкий и такой... Ненужный? Да, именно это слово — ненужный. Если бы у неё была возможность... Время, силы... То она ни за что не пришла бы сегодня сюда. Но безысходность никого не щадит. Очень часто, разуверившись во всём вокруг, люди идут на поступки, о которых впредь пожалеют. Однако в момент отчаяния безумство всегда кажется правильным выбором.

Эльза сморгнула одинокую слезу, и та полетела вниз с шестиметровой высоты, шлепнувшись в солёную воду Чёрного моря. Девушка выставила перед собой трясущиеся худые руки и, трепеща, разжала их, выпуская свою ношу.

В лицо Эльзе подул сильный ветер, заставляя жмуриться. Во время непродолжительного, но показавшегося девушке длиною в вечность полёта свёртка тряпки разметало бурным потоком воздуха, и в воду падала больше не скрытая лоскутами рванины девочка нескольких месяцев от роду. Девочка, которую Эльза одинаково любила и ненавидела.

"Что я наделала?" — ужас и трепет всколыхнулись в груди детоубийцы, как это обычно бывает с теми, кто совершил ужасный грех, и сразу же, ещё не отойдя от пережитого, осознал все его последствия трезвым, здоровым взглядом. Жуткий страх сковал конечности. Эльзе показалось, будто малышка перед тем, как погрузиться в тёмную воду, открыла глазки и закричала.

Конечно же, это галлюцинация, ничего больше — но почему же она так долго качается на волнах? Почему Чёрное море отказывается принять брошенное дитя в свои воды? Почему её дочь не тонет?!

Эльзе показалось, что прошёл час, а то и больше — но вместе с уходом малышки под воду исчезал и страх, улетучивались сомнения. На поверхность всплыли последние крохотные пузырьки, тут же разбитые шлепком игривой волны. Девочка в воображении её матери уходила ко дну, протягивая ручонки к ней, к предательнице, завывая и постанывая, и звуки эти, издаваемые одним лишь ветром, пугали Эльзу.

Сейчас она начинала себя ненавидеть. Но чувство свободы, которая ощущалась теперь во всём, начиная от криков чаек и заканчивая плеском волн, придало облегчения и пыталось залечить свежую душевную рану.

— Вам не холодно, пани? — шутливо произнёс кто-то за спиной девушки.

Эльза обернулась, напряглась. На миг ей показалось, что незнакомец будет уличать её в детоубийстве, взывать к совести. Но не этого боялась Эльза, а того, что у неё попросту не найдётся весомого оправдания для своего поступка.

На краю пирса стоял, покуривая, молодой человек в фуражке моряка и бежевой телогрейке.

— Всё в порядке, — натянуто улыбнулась Эльза, и моряк, пожав плечами, побрёл по своим делам.

Солнце выглянуло из-за туч на одно-единственное мгновение и погладило нежным лучом лицо девушки. Морской бриз метал по поверхности воды старые тряпки, а бурный прибой безжалостно сожрал дар, принесённый ему в жертву отчаявшейся матерью.

— Вот ты где! — молодой человек заботливо взял Эльзу за руку. Он нашёл её сидящей на ящике, в котором когда-то перевозили рыбу — об этом говорил устоявшийся, впитавшийся в дерево запах. Девушка баюкала нечто, видимое одной только ей, губы беззвучно шептали что-то серому небу, а по коже бежали мурашки. Она замёрзла.

— Перестань убегать, Эльза, — надевая на девушку свой тёплый свитер, попенял ей юноша. Сам он теперь остался в одной футболке. — Я, как-никак, волнуюсь.

— Скажи что-нибудь, Максим, — пролепетала та беспомощно, находя испуганным взглядом его спокойное, добродушное лицо. — Что-нибудь хорошее.

— Ну... — Максим замялся. — Я тебя очень люблю, ты знаешь?

— Знаю, — Эльза отвернулась к морю, кутаясь в свитер.

— И ужасно волновался, когда ты пропала. Как ты вышла из дома? — Максим шмыгнул носом.

— Окно, — ответила Эльза, высматривая на горизонте очертания далёких кораблей. — Ты никогда его не закрываешь.

— Если тебя когда-нибудь поймут на улице в таком виде, увезут в больницу, — при последнем слове Эльзу передёрнуло. — Ты разве хочешь в больницу?

— Не хочу.

— Значит, больше не уходи. Я очень тебя прошу, милая, — Максим взял её ладони в свои, прижался к ним губами, подышал на пальцы любимой, чтобы их согреть. — Что ты делала здесь сегодня?

Сперва девушка проигнорировала вопрос. Она через силу улыбнулась парню, поднялась с ящика, сделала несколько шагов по направлению к докам. Потом её лицо вмиг померчнело, стало жалким.

— Я убила нашего ребёнка, — шёпотом произнесла она. Подул ветер, и Максим не сразу расслышал слова любимой.

— Я утопила нашу дочь, — Эльза изо всех старалась не плакать, но слёзы хлынули из глаз вопреки желанию. — Бросила её в воду, слышишь? Убила!

Она оттолкнула руки мужа, пытавшегося её обнять, отошла на пару шагов.

Максим терпеливо развернул Эльзу за плечи к себе лицом, поцеловал в щёку.

— Какую дочь, солнце? У нас нет дочери.

— Как ты можешь так говорить?! — воскликнула та. — Ты никогда не любил её!

Максим выдохнул, подумав про себя, что состояние Эльзы ухудшается с каждым днём. Что она придумает на следующий день? Наверное, расскажет об их несуществующей морской свинке. Или вспомнит давно умершего родственника и увидит его призрак в зеркале.

Каждый раз он, Максим, остаётся виноватым, берёт всю вину на себя, проникается историями Эльзы и создаёт видимость понимания. А всё почему? Потому что он безумно любит её.

— Она так во мне нуждалась, — пробормотала Эльза, сбрасывая ладони парня с плеч.

— Тогда почему убила? — исключительно из интереса спросил тот. — Скажи мне, почему ты так поступила, родная?

Эльза открыла рот, потом закрыла. Сейчас больше всего она походила на рыбку, выпрыгнувшую из аквариума и задышающуюся на воздухе.

— Я не знаю, — в глазах её блеснуло что-то похожее на стыд. Девушка закрыла лицо руками, взвыла, как раненый зверь.

— Ну-ну, успокойся, — Максим прижал бедняжку к себе.

К подобным разговорам он привык уже давно, пусть и не сразу. В конце концов, он осознавал, на что идёт, принимая на себя заботу об Эльзе. И его не пугали ни её безумные мысли, ни шокирующее временами поведение, ни постоянная тяга к уединению и одиночеству. Влюбляясь в слабоумную, начинаешь со временем либо сам становиться таким, либо, наоборот, растить в себе настоящего мужчину, сочувствующего, сильного, способного постоять за своё счастье, пусть и неполноценное, но от этого не менее любимое. За такое счастье нужно бороться вдвое сильнее, и вовсе не с завистниками, а в первую очередь, с самой Эльзой, с её изменчивым характером и слабым здоровьем. Последнее беспокоило Максима всё больше — из-за постоянных тревог и волнений Эльза исхудала и стала походить на обтянутый кожей скелет.

— Тебе опять снились те сны? — осторожно спросил Максим.

— Плохие сны, — кивнула Эльза и уткнулась в его плечо, захлёбываясь слезами.

— Что ты видела на этот раз?

Вопрос смысла не имел. Эльза никогда не могла на него ответить. Одно Максим знал наверняка — вызваны они психическим расстройством и походят больше на галлюцинации, нежели на обычные сновидения, навеянные пережитыми впечатлениями.

— Я не знаю, — прошептала Эльза, дрожа всем телом.

Они обнимались так какое-то время, потом девушка вроде бы полностью пришла в себя. Она оторвалась от Максима, осмотрелась вокруг. Плотнее закуталась в свитер, подняла воротник, укрыв шею от пронизывающего ветра.

Парень вынул из кармана носовой платок, вытер засохшие на щеках Эльзы слёзы.

— Всё хорошо, солнце, — успокаивающе сказал он. — Нам даже не придётся везти тебя в больницу.

— Не хочу в больницу, — Эльза скрестила руки на груди, нахмурила лоб, словно вспоминая нечто важное.

— Что-то не так? — Максим уже повернулся спиной, рассчитывая поскорее увести любимую из порта. — Нам бы домой пора, скоро время ужина.

— Моя дочь, — сказала Эльза. — Я слышу её.

— Кого? Дочь? Ты же бросила её в море.

— Я не знаю, как, — девушка беспомощно развела руками.

— Ладно, — Максим улыбнулся. — Куда ты её бросила?

Эльза протянула руку по направлению к пирсу.

— Я стояла там, — сосредоточенно вспоминала она события получасовой давности. — Держала малышку на руках и плакала. А потом... Выпустила и... — девушка прижала ладони ко лбу. — Ох, Максим, я не помню. Почему я всё время всё забываю?

— Потому что ты болеешь, милая, — кривить душой Максим не стал. Впрочем, как он думал, Эльза и сама понимала, пусть и отдалённо, что происходит.

Парень взял Эльзу за руку и повёл к деревянному пирсу. Доски слабо поскрипывали под ногами. Глупая чайка, усевшись на разодранную коробку, приглядывалась к парочке — а не захотят ли они, часом, поделиться с ней рыбкой?

Максим глянул вниз, на покачивающиеся волны. Они с чавканьем облизывали толстые сваи, удерживающие мостки над водой, набегали на каменистый берег. Парень пытался вспомнить девочку, которую Эльза называла дочерью, и никак не мог восстановить внешний её облик в памяти. Если она действительно пошла на дно, достать её тельце оттуда в данный момент не представлялось возможным.

— Мы можем вернуться сюда в отлив, — пожал он плечами, оборачиваясь к Эльзе. — Тогда есть шанс, что мы найдём её у берега.

— Милый... — глаза Эльзы вдруг загорелись. Она шагнула к Максиму. — Но мне она нужна! Сейчас! Прощу, найди её! Это наша дочь!

— Ну ты же видишь, что её нет, — оправдывался парень, разводя руками. — Я бы, конечно, достал, но я не вижу ни девочки, ни...

Эльза выставила руки и толкнула Максима от себя. Парень потерял равновесие, закачался на краю пирса, размахивая руками и крича. Срываясь, он успел лишь на миг соприкоснуться взглядом с глазами Эльзы.

Из них вновь ушло то, что он звал просветлением, осталось лишь искрящееся безумие.

Девушка встала на краю пирса, усмехаясь. Качающееся на волнах тело Максима она почему-то нашла забавным, села на доски, свесив ноги вниз, и долго-долго, улыбаясь, смотрела, как волны силятся вытолкнуть парня на берег.

— Попались, ну наконец-то, — на плечо девушки легла чья-то рука. Круглое лицо запыхавшегося мужчины в белом халате возникло перед ней. — Упаковывайте. И надо вниз людей послать, вытаскивать второго, пока не захлебнулся. Давайте поживее, поживее...

Через час круглолицый мужчина курил, облокотившись на перила, смотрел на линию горизонта, прочерченную между серым и синим, между небом и водой, и задумчиво барабанил пальцами по деревяшке.

— Обоих скрутили, — подошёл к нему человек в белом халате. — А парень-то живчик. Откачали.

— Уф, ну хоть успели вовремя, — выдохнул дым круглолицый. — Мишка, ещё раз проворонишь больных — штрафом не отделаешься, уволю к чёртовой матери!

— Понял, Игорь Сергеевич, — виновато кивнул тот. — Будем следить лучше.

— И чтобы больше никаких прогулок для этих двоих, понятно? Даже под присмотром. А то опять сбегут.

Мишка кивнул и поспешил удалиться.

Игорь Сергеевич, зажав в зубах сигарету, потёр похолодевшие ладони. Сутки назад Эльза и Максим сбежали из клиники для душевнобольных. Его, психиатра с приличным

стажем, уже наказали за этот случай сокращением месячной зарплаты, что само по себе являлось позором, однако по-настоящему стыдно Игорю Сергеевичу было за то, что парочка ненормальных сумела так запутать мозги разыскивающим их санитарам и милиции, что те сотню раз сбивались со следа. Хорошо, что их нашли вовремя — кто знает, что произошло бы, если б парень утонул? Тогда и прилюдная порка показалась бы психиатру пряником.

Он лично закрыл двери полицейской машины и убедился, что больные не смогут отпереть их изнутри. Эльза глядела на Игоря Сергеевича со странными искорками в глазах. Сейчас девушка напоминала чертёнка, замыслившего пакость, но что она могла сделать, кроме как выдать новую порцию бессвязного бреда? Что до парня, тот сидел смирно, не отрывая глаз от своей возлюбленной. Сколько его помнил Игорь Сергеевич, Максим всегда был одержим Эльзой — а она взаимно нуждалась в нём, и парочка выглядела неразлучной. Однако, как показал случай на пирсе, свидетелем которого стал психиатр, нёсшийся что есть мочи на помощь, даже психи иногда не ладят друг с другом.

Игорь Сергеевич сел в "скорую помощь". Предстояло много работы. Написать благодарность моряку, который увидел на пирсе девушку, схожую с описанием той, о которой шумели газеты; заселить Максима с Эльзой обратно в палаты и проследить, чтобы им пока не давали возможности видаться; доложить начальству, что всё вернулось на круги своя, и что его, Игоря Сергеевича, вовсе не обязательно лишать ежегодного отпуска и премии.

В милицейской машине Эльза склонила голову, коснувшись виском плеча Максима. Парень приобнял тонкую талию подруги и заулыбался, бормоча что-то невнятное. Девушка подумала, что он невероятно мил. Пусть он не смог спасти их утонувшую дочь, зато, по крайней мере, попытался, попытался ради их будущего. Значит, он всё-таки её любит.

По-настоящему, искренне.

Безумно.

Эльза заснула в объятиях парня, и им обоим снились сны. Максиму — дом в горах, летающий кит и Эльза в наряде императрицы. Девушке — море. Море Эльзы.

В каждом из своих тревожных снов она видела бескрайнее водное покрывало, таинственное и загадочное. Наверное, именно поэтому ноги первым делом принесли её к морю, чтобы она вручила ему свой единственный дар — свою дочь.

Сегодня Эльза увидела Чёрное море впервые в жизни. И, должно быть, этот раз стал последним.

На берег, усыпанный тёмной галькой, около полуночи вынесло большую голую куклу. Глаза её, широко распахнутые, смотрели в грязное, мутное небо. Утром, когда местные ребятишки нашли куклу и от нечего делать расколотили её палкой, Эльза проснулась в палате клиники и долго кричала, прежде чем ей вкололи успокоительное.

Ей снова снилось Чёрное море, но на этот раз чёрным в нём было лишь название.

Вода кипела от крови.

А кукла падала вниз, в эту красную жижу, и кричала.

Да только Эльза ей помочь уже никак не могла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

— за горизонтом наступившего рассвета
(исторические приключения)

"КРОВЬ ТАВРИДЫ"

БЕЛОВ ИВАН

г. Иваново

(конкурсант)

1

Ночь набросила шелковое покрывало иссиня-чёрного, бескрайнего неба, искусно расшитое мириадами бесстрастно сверкающих звёзд. Лёгкий ветерок с Русского моря приятно холодит созревшее под доспехами тело. В самый раз, сбросить броню и кольчугу, стянуть промокший от пота подлатник и окунуться с головой в тёплые волны. От разогретой за день земли поднимается зыбкое марево, превращая окрестности в колышущуюся игру темных полутонов.

Князь тматороканский Роман застыл на стене, превратившись в жуткую, сгорбленную горгулью. Внизу угрюмо мигает россыпью багровых огоньков вражеский стан. Половцы обложили Корчев, последний русский город на землях древней Тавриды. Враг подступил утром, тринадцатого июня, смяв передовые заслоны. Уцелевшие дозорные принесли горькие вести. Идут басурмане в силе великой. В город, под защиту дружины и стен, побежали крестьяне. На горизонте поднялась туча пыли, закрывая солнце и небо, потянулся дым от разоренных деревень, а следом, из пылающей жаром степи, выплыли конные орды. Сбылись древние пророчества о невиданном нашествии язычников на погибель всех христиан. Расплата за грехи наши. Темная, всепожирающая масса неумолимо приблизилась к Корчеву.

Роман вцепился в ещё тёплые булыжники крепостной кладки. Камни то выдержат, а вот люди... У половцев шесть-

десять тысяч всадников, низкорослых, скуластых, смуглых, не знающих пощады воинов, садящихся в седло до того, как начинают ходить. Кровожадные боги дали им единственное предназначение грабить и убивать. Кочевники не строят городов, не сеют хлеба, с ними невозможно договориться. Легче приказать Днепру повернуться вспять. У Романа под началом жалкие крохи, остатки некогда могучей армии самого южного русского княжества, прославленной в походах на Сурож, Корсунь, Ираклион и Константинополь. Три тысячи ратников, конная дружина в пять сотен мечей, десять тысяч городского ополчения, десятков малых камнеметов, да пара великих. На городских надежды не много: гончары, ювелиры, купчишки, посадская голытьба, рогатины в руках не держали, сейчас хорохорятся, а побегут, едва половец полезет на стены.

Штурма ждать осталось недолго, пусть воеводы уверяют в обратном. Половцы заполнили равнину, суетятся по муравьиному, раскинули исполинский обоз, выстроили телеги в круг на случай вылазки гарнизона. День и ночь стучат деревянные молотки, собирая тараны, лестницы и штурмовые щиты. Дожили, поганые берут города. Раньше волости грабили, жгли, угоняли народец в полон и растворялись в степи, что бы возвращаться снова и снова, собирая обильную кровавую жатву. Теперь всё поменялось. Почему? Кто научил кочевников искусству осады? Нет ответа. Остается точить мечи и всматриваться в густую, опасную темноту.

Послышались шаги. Князь повернулся и в дергающемся свете факела увидел воеводу Фома и посадника Никиту. Ага, явились обормоты, весь день в городе пропадали, крепя оборону. Фома старый совсем, ратники шуткуют, будто он с Ольгой ещё на древлян хаживал. Толст воевода, того и гляди кольчуга лопнет на чреве объемном, осыплется тьмой железных колечек. Бородища седая, торчит вызывающе, левую щеку рассекает старый шрам, след лихой половецкой сабли. Стар воевода, опытен, сила в руках осталась, на коня не садится уже, а палицей даст, так голова в тело уходит. Посадник Никита склада иного, из купцов, дела городские строго

блюдет. Ростом высок, белокур, лицом смазлив, девки сохнут. По случаю осады сменил дорогой, шитый златом кафтан на броню и меч нацепил, красуется, живоглот. Улыбочка приятная, всегда готов услужить, речи сладкие. Ворует, конечно, посадник, но в меру, на кол бы посадить, да второго такого не сыщешь.

— Отдыхаешь княже? — глаза у посадника как у черта, хитрящие, — А мы то в делах аки пчелы.

— Ты-то пчела? — покривился Роман. — Трутень бескрылый.

— Вот она, благодарность княжеская, — оскорбился Никита, — Две ночи не сплю, сапоги сносил за серебро купленные, потом сносил те, что за золото куплены, возмещения ущерба не требую, кручусь-верчусь, отдыха не знаю, и трутнем прозвали. Спасибо, Роман Ингоревич, — посадник дурашливо поклонился. — Это вон Фоме хорошо, мёду с утра выпил бочонок и спать завалился на псарне. Его будят, грят — поганые к городу подступили, а он мычит да собаку обнимает, думает, бабёнка с ним рядом пригrelась.

— Чего мелешь, антихрист? — насупился воевода. — Чичас в рыло суну, будешь без зубов зубоскалить.

— Защити, княже, — посадник нырнул за спину. — На милость твою уповаю, спаси от разбойника и пьяницы Фомы, воеводой искусно прикидывающимся.

— Уймись, Никитка, — князь погрозил пальцем, а сам расплылся в довольной улыбке. Подтрунивает посадник над воеводой, второй десяток лет городом рука об руку правят, нет у Романа людей верней и надежней. — Ну как, Фома, сдюжим?

— А куда денемся? — развёл руками Фома, — Люди духом крепки, от басурман пощады ждать нечего, отступать некуда: у каждого семьи в городе, — воевода осекся. — Прости, княже.

Застарелая боль острым ножом кольнула сердце Романа Игоревича. Два лета назад половцы подошли к столице княжества, торговой, шумной, многоязыкой Тмуторокани. Воспользовались тем, что князь с войском ушел в поход на гре-

ческую Корсунь. Подгадали идеальное время. Беззащитный город взяли с ходу. Старший сын, шестнадцатилетний Всеволод, погиб в сече, под разбитой таранами надвратной башней, супруга, княгиня Анна, с малолетними Владимиром и Ириной, сгорели в громадном пожаре. Князь спешно вернулся, но успел только к чёрному, усыпанному костями и воронами пепелищу.

— Ничего, Фома, — князь сглотнул вставший в горле ком. Слез больше нет, время лечит, превращая душу в кусок обожженной, спекшейся глины.

— А, может, не торопиться нам, княже, на битву? — осторожно отвлек от тяжёлых воспоминаний Никита. — Головы сложить дело дурацкое. Предложим поганым откуп, поскребём по сусекам, боярство тряхнём, разве откажут, люди чай не дурные. Половец ежели в город войдёт — разбираться не будет, кто боярин, а кто голь перекатная, всех под нож пустит.

— И что дадим? — горько усмехнулся Роман, — Мешок лебеды да связку мышиных хвостов? Казна пуста, народишко обнищал, торговля нарушена, волости разорены. Отдадим последнее, сами с голоду сдохнем, конец един. Да и не за откупом поганые пришли, сам знаешь, Никита.

— Знаю, княже, — горячо подтвердил посадник. — Нам не то главное, вступим в переговоры, выгадаем толику времени, дождемся помощи, пошлём за аланами и касогами.

— Не будет помощи, — князь помрачнел. — Аланы без серебра воевать не будут, да и не до нас им сейчас, половцы и у них у ворот. Посылал голубей во Владимир и Киев, ответа не получил. Земля русская раздробилась, всяк на себя одеяло тянет, а мы... мы оторванный кусок Великой Руси.

— Князь-то киевский, Олег, должник твой, — насупился Фома.

— Должник, — согласился про себя князь. — Как началась у Киева распря с Черниговом, отозвался Роман на призывы сродственника, поднялся с ратью по Днепру, помог отстоять Олегу княжеский стол. Минуло с той поры десять лет, вестей из Киева нет. Голуби летят в одну сторону, из десятка гонцов

добрался один, и на княжеский порог допущен не был. Забыл Олег долг. Можно ли его осуждать? Как человека запросто, как правителя — нет. Между Тавридой и Киевом тысячи верст выжженной солнцем, безводной пустыни, где хозяйничают половецкие шайки, ветер отесывает каменные фигуры, оставленные неизвестным народом, и мороки-кровопийцы охотятся на заблудившихся путников.

— Одни мы, — глухо обронил князь. — На себя уповать должно. На себя, на мечи, на стены, на мужиков.

Меж башен многолюдно, несмотря на полночный час. Поднимают пучки стрел, связки сулиц, камни в корзинах, бочки воды и масла, все, что можно швырять и лить, вскипятив, на голову врагу. О чём думают эти люди? Боятся, исполнены покорного безразличия? Сколько из них завтра лягут в скудную, каменистую землю? Сколько предпочтут смерть позорному плену? Нет хуже участи, чем быть проданным в рабство и угодить на галеры или рудники Малой Азии, где раб протягивает от силы полгода и начинает выхаркивать лёгкие.

— Куда лезешь, шельмец? — прогудел Фома.

На стену вихрем взлетел Ванька Сокол, отрок малой дружины, парень смышленный и шустрый.

— К князю я, Фома Юрич, допусти, воевода, вести срочные.

Фома посторонился. Ванька в полном доспехе, глазенки горят, причастен парень к великому делу, меч придерживает на бегу — совсем как витязь бывалый. Из таких, если в первой битве к Господу не отправляются, лучшие воины вырастают.

— Говори, — велел князь.

— Княже, — отрок поперхнулся, глотая воздух. — От греков посол прибыл, жирный боров, сало со щек чуть не капает, важный такой, в шелка как девка беспутная ряженный.

Слово у него до тебя. Прикажи в шею гнать?.

Роман машинально глянул на бухту. Там второй день мерно покачиваются на волнах семь византийских дромонов. Издали кажется — словно вымерли корабли, паруса спущены, на палубе ни души, по кой бес прибыли гости незванные, тайна.

Теперича и узнаем.

— Веди во Вдовью башню, там и приму.

Ванька коротко поклонился и захохотал по выщербленным ступеням.

— Неспроста грек приперся, — упредил на ходу Никита, — Лучше с половцем поганим дело иметь.

— Поговорим, с нас не убудет, — беспечно отмахнулся Роман, протискиваясь в узкую дверь.

Вдовья башня зовется так издавна. Говорят, во времена великого Святослава, женка одна не дождалась мужа с похода, да и сиганула с восьмисаженной башни на камни. Лекар тут уже не поможет.

Внутри мерцают свечи, оплывая потеками теплого воска, отбрасывая странные, неуловимо робкие тени. У стен оружие в козлах, на полу матрасы набитые сеном. Несколько простых, грубо отесанных лавок. Место отдыха ратников. Сейчас никого нет, все на стенах, в работе.

— Мне остаться, что ль? — недовольно скорчился Фома, — Ненавижу ромеев, боюсь придушу как куренка.

— Останься, — велел князь, присаживаясь на лавку. — Помалкивай, хмурься грозно, греки тебя признают, враз спесь растеряют.

Воевода недовольно заурчал, поминая пугало и непростую судьбу.

Двери открылись, в зал суетно вбежали двое слуг, согнулись в поклоне, вымели половицы лапами одежд. Следом, отдуваясь и пыхтя, вступил византийский посол.

— "Устал бедняжка, — позлорадствовал про себя Роман. — Не привычен к высоким подъёмам, умаялся. Это и хорошо".

Грек тучный, рыхлый, губы толстые, лицо морщинистое, обвисшее, неприятное, исполненное мук адских, без единого намёка на растительность. Одет богато в шелк и меха, на дряблой шее ожерелье с камнями, такое и содрать не грех, на каждом пальце по золотому, тяжёлому перстню. Воды душистой вылил ведро, пряный, сладкий аромат валит с ног. Глазки крохотные, с поволокой, на голове выбрита монашеская тонзура. Только не монах он, внешность приметная.

Посол, переводя дух, оперся о стену. Рот раззявил, как свежеизловленный карп.

— Толмача надо, — заявил Никита спрятавшийся в тени, — И пускай не зыркает так, я ему не еда.

— Нет, нет, — грек упреждающе поднял пухлую руку, тяжело дыша и нещадно потея. — Я говорю по русински, — и посмотрел на Никиту. — И я не голоден, посадник Никита.

— Пытался быть радушным хозяином, — пожал плечами посадник.

— Благодарю, — грек поклонился, — Приветствую, светлый князь Роман, от имени базилевса великой Византийской империи Иоанна, третьего этого имени. Я Ветранион, доверенное лицо, советник и брат царствующего императора.

— Евнух? — любопытствовал князь, не предложив гостю сесть. Пусть мучается. В Корчев прилетела птичка самого высокого полета.

— Мои физические недостатки не имеют отношения к разговору, — покривился грек.

— И то правда, прости, если обиду нанес, сам не свой сегодня, плохо спалось, — мило улынулся Роман.

Всё-таки евнух. Византийские императоры окружают себя этими хитрыми, коварными существами с женскими душами. А уж оскотить родного брата — первое дело, борьба за трон дело жестокое. Зачем он пришёл? С тех пор как Святослав Храбрый отвоевал у империи города Тавриды, Тмутороканское княжество у Византии костью в горле стоит.

— Если нужно, я пришлю князю лучших целителей для нормализации сна, свои не управятся, тут требуется высокая медицина, коя в землях русинских не развита, — дерзит посол, в себя приходит, высокомерная тварь.

— С чем пожаловал, грек? — поторопил Роман.

— Говорят, беда у тебя князь, под градом твоим видели половцев чуть. Может и врут.

— Ах, ты про этих? — беспечно отмахнулся Роман. — Да, да, что-то припоминаю. Орут с утра раннего, лебедей распугали, воняет гадостно. Только не беда это, посол. Разве может быть бедой для русича добрая сеча?

— Князь храбр, — снова поклонился Ветранион. — Князь храбр столько же, сколько умён. Князь понимает, победителем ему в этой битве не выйти.

— Вам с императором, что за печаль? Не о том ли мечтали?

— Наши лазутчики сообщают, что штурм начнется на рассвете нового дня, — грек пропустил издевку мимо ушей. — Базилевс предлагает помощь светлому князю.

— Добрым советом? — Роман глянул в узкую бойницу на море. — Армии я не вижу. Или ты спрятал войско под своими одеждами?

— На моих кораблях триста отборных копейщиков, — грек смотрит прямо в глаза.

— А, ну это, конечно, все меняет, — фыркнул Роман. — Великая рать, половцы уже начали отходить.

— Князь тороплив, — многозначительно смежил веки посл. — Триста копейщиков — это пустяк, песчинка, несомая ветром. Другое дело, если они доставят на твои стены дюжину сифонов и тысячу зарядов "греческого огня".

Князь замер.

А вот это уже серьезно. Владеющий "греческим огнем" способен испепелить целые армии. Поэтому половцы не трогают византийских владений. В последнем, неудачном, походе на Сурож, князь сам испытал на себе действие этого дьявольского оружия. Осадная башня вдруг полыхнула негасимым огнем, сырые шкуры занялись как береста, а вода только раздувала палящее пламя. Живые факелы метались в дыму. Мелкие брызги, попадая на кожу, прожигают плоть до костей. Остается только бежать.

— Князь заинтересован предложением? — нарушил краткое молчание грек.

Никита сделал страшные глаза.

— С какой стати императору помогать нам?

— Мы обязаны помочь братьям по вере, — отчеканил Ветранион, — Богоугодное дело бороться с язычниками. Базилевс — защитник всего православного мира.

— Как вы запели, — Роман едва не прослезился от умиления. — Отчего тогда вера не мешает византийцам скупать у

половцев русских рабов и с выгодой торговать на невольничьих рынках от Константинополя до Генуи?

— Дела торговые не стоит путать с делами веры, — надменно выпятил губу посол, — Не сами ли князья Руси продают подданных в рабство?

"Умный, сволочь, словами кружева плетёт", — подумал Роман и сказал:

— Что император хочет взамен? И не надо рассказывать мне о мягкосердечии и милосердии кротком.

— Император добр и великодушен, — посол воздел глаза к потолку. — За помощь, ты князь, признаешь себя младшим братом великого базилевса, это условие первое. Условие второе: ты вдов, и возьмешь замуж третью дочь императора красавицу Элию. Договор заключим после того, как язычники будут разбиты.

— Я согласен, — без раздумий кивнул Роман и жестом усадил на место вскинувшегося посадника. — Слово мое крепко. Воевода Фома покажет тебе, где ставить сифоны.

— Благодарю, князь, слухи о твоём благоразумии подтвердились, мы сейчас же начнем разгрузку, — византиец попятился и скрылся за дверью.

Слуги ползком поспешили за ним.

— Одумайся, княже, — загудел Фома. — Змею на груди пригреваешь.

— А по мне, прав князь, — поддержал Никита. — Нет у нас иного выхода. Или погибнуть всем, или принять византийцев. Выберем меньшее зло.

Князь Роман не ответил. Задумался князь. Крутится на уме старая поговорка: "Коготок увяз, всей птичке пропасть". Только и птичка тут не простая, а русский сокол, в обиду себя не дающий. Теперича потягаемся...

2

Набат грянул призывно и грозно, сбрасывая с Корчева напряженно-сонную тишину. Загудели перезвоном Святая София, церкви Михайловская и Спасо-Преображенская, басовито откликнулись великие колокола Иоанна Предтечи.

Половецкий лагерь пришел в движение под зыбким покровом рассветных сумерек. Глухо зарокотали сотни барабанов и бубнов, истошно завывали дудки и трубы, взметнулись бунчуки из конских хвостов. Конники тонкими струйками потекли в сторону города.

Князь Роман в полном доспехе легко взбежал на Сурожские ворота, — тут будет главный удар.

Зрелище открылось жуткое. Равнина кишит тёмной массой половецких отрядов, угрожающе колыхаясь и разбухая невиданным спрутом. Островками проглядываются крыши неуклюжих таранов, обшитые мокрыми кожами. Трое ворот в Корчеве, на каждые по три стенобитных машины. Быстро половецкие мастера сработали, наловчились. Иль помог кто?

Появление князя встретили одобрительным гулом. Улыбаются ратники.

— Ну что мужики, постоим за веру православную? — князь горделиво выпрямился.

— С тобой, княже, куда угодно, в огонь и воду! — взревели луженые глотки. — Слава Роману Ингоревичу!

Робко приблизившийся, седой горожанин в простом зипуне, коснулся наруча. Подслеповатые глаза так и лучатся.

— Здрав будь княже. Не чаялись увидеть тебя. Слух прошёл: отплыл ты ночью на ладье, бросил войско и город. А оно вона как.

— Здесь я, не бывало такого на Руси, чтобы князя спину казали! — Роман положил руку старику на плечо. — А ты, отец, куда? Нешто молодые удалыцы перевелись?

— Был я кузнец, да весь вышел, — улыбнулся старик. — Много хорошего сделал, сынов поднял, кольчуги для князей дружины плёл, верой и правдой служил, старость сытую нажил. А только пошто она мне? Пришло время чёрное, нет теперь ни старых, ни младых, ни кузнецов, ни князей, — все мы отныне ратники земли русской.

— Как звать тебя, отец?

— Микулой Ковалем кличут, — руки старика, тяжёлые, увитые толстыми, синими жилами, сжали рукоять топора.

— Спасибо, отец, — Роман повысил голос. — Спасибо вам, люди, низкий поклон. Так постоим же за отчий дом, как в последний раз!

— Не сдадим града, княже! — заревели в ответ. — Костями ляжем, а не сдадим!

На измученной, изгрызенной сомнением душе потеплело. Эх, воинов бы поболее. Стоят ратники на пряслах редкой цепочкой. Ударят поганые одновременно со всех сторон, не удержимся. Одна надежда на греков. Не обманул Ветранион. На воротах установили три огнеметных сифона, неопасные с виду конструкции из медной емкости и огромных кузнечных мехов. На конце изогнутой трубки тлеет промасленная тряпица. Рядом аккуратно сложены запечатанные глиняные горшки. Внутри, скрытая до поры, страшная, всепоглощающая сила. Основа могущества Византийской империи. Колдуют над машинами мастера.

Остальные сифоны поставлены на другие ворота, и на южном рубеже, где стена всех тоньше и ниже. С собой посол привел, как обещано, три сотни бойцов. Да не убогих копейщиков из ополчения, а отборных наёмников, покрытых шрамами, псов войны, в причудливых доспехах, с глазами отъявленных душегубов и разбойничьими ухватками. Вырядились в белые плащи. Сам Ветранион встал на Таманских воротах, для надёжности и контроля приставлен к нему воевода Фома. Посадник Никита ведает обороной Покровских ворот.

Половецкие рати дрогнули, нахлынули и отошли, оставив одинокого всадника. Половец понесся вдоль стены, потрясая копьём, и истошно вереща на своем грубом, скрипучем наречии. Вызывает на бой. Древняя воинская традиция, описанная ещё слепым Гомером в бессмертной "Илиаде".

— Дозволь, княже,— сбоку подступил Василёк, гридень дружинный. — Сердце рвётся, когда басурманин под стенами глотку свою поганую рвет.

— Иди. С Богом, — разрешил Роман Игоревич.

Половецкую похвальбу надо обороткой вместе с зубами вбить. Василёк для этого дела лучший. Годами молод, а воин-

ским искусством сполна овладел, и конным и пешим, равных ему в Корчеве нет.

Заскрипели ворота и на открытый простор вырвался всадник в светлых доспехах и алом плаще, верхом на изящной, молочно-белой кобыле. Один против тысячных орд. Кобыла пошла иноходью, высоко выбрасывая длинные, изящные ноги. Не скачет — летит белым лебедем.

Половец дико гикнул, понесся навстречу, вжавшись в чёрную гриву. Сто сажений меж ними, полсотни уже. Василёк наклонил копье, первый лучик вставшего солнца весело заблестел на стальном наконечнике. Сшибутся сейчас.

Половец дико гикнул, бросил копье, на полном скаку пригнулся в седле, натянул короткий, усиленный костью и жилами лук. Стрела вошла в грудь белой кобыле. Лошадь словно наткнулась на невидимую стену, ноги подкосились и кобыла рухнула в пыль, подминая под себя седока.

Корчев ахнул. Повисла мёртвая тишина.

Половец насмешливо заорал, поклонился своим и понёсся к поверженному витязю, вытаскивая кривую, хищную саблю. Басурмане восторженно взвыли, победно ударили бубны. Победитель, красуясь и поигрывая сабелькой, поравнялся с мёртвой кобылой — и тут навстречу ему встал Василек. Коротко сверкнул меч. Половецкий жеребец всхрапнул, и споткнулся на подрубленные передние ноги.

Ловкий степняк успел соскочить, но Василёк прыжком оказался рядом. Не тягаться низкорослому, щуплому табунщику с витязем! Упал меч, покатила по земле половецкая голова. Стены Корчева, ещё мгновение назад погруженные в скорбное молчание взорвались радостным криком. Наша взяла!

Василёк погрозил половцам кулаком, на миг склонился над лошадьёю и, прихрамывая на правую ногу, пошёл к городу.

Не оскудела Русь богатырями.

Половецкий строй рассыпался, пошёл волнами, выплескивая десятки всадников. Град подлых стрел ударил витязя в спину, нарушая законы честного боя. Упал Василёк. Роман Игоревич до бела сжал кулаки. Твари.

Ратники угрюмо притихли. Переживают.

Византийский наемник, командующий сифонами, высокий, жилистый, со ртом обезображенным шрамом, поклонился русскому князю, приложив кулак к сердцу. Воинам слова не нужны, важна только доблесть.

Половецкие полчища устремились на Корчев. Час пробил. Всадники закружили под стенами хоровод. Молодой ратник, неосмотрительно высунувшийся из-за зубцов, зашипел, получив стрелу в плечо. Спешившиеся кочевники волокут лестницы, катят таран, прикрываясь огромными, сбитыми из досок щитами. Грохот барабанов нестерпим.

За спиной звонко щёлкнуло, каменное ядро пролетело над головой и шмякнулось в поле. Недолёт. Городские камнеметы принялись за работу. Следующие два снаряда упали в середине надвигающейся толпы. Да разве этим их остановишь? На место десятка раздавленных, встала сотня живых.

Сифоны надсадно загудели и выпустили струи алого пламени. Поторопились греки. Огонь впустую упал на землю, растекаясь, шкворча и потрескивая. Половцы остановились, смешались, сыпанули стрелами без прицела.

Наёмник со шрамом быстро приказывает, к машинам волокут новые заряды. Знает своё дело парень.

Правее видна суeta у Таманских ворот. Там поднялись клубы чёрного дыма, застыли глаза. Мечутся отдельные всадники, толпа пеших басурман облепила подножие стены.

Пламя внизу опало, устав глотать голые камни.

Половцы подкатали таран. Надвратная башня затряслась от тяжёлых ударов. Посыпались камни, вывернули чан кипящего масла, — чудовищу на колёсах всё нипочем. Трещит под ударами дерево. Половецкие лучники не дают поднять головы.

Звуки боя перекрыло злое шипение византийских сифонов. Пламя с мерным надсадным гудением пролилось на крышу тарана. На мгновение утихло, словно осваиваясь, и в один миг ударило в небо, жадно пожирая осадную машину и людей, попавших в огненную ловушку. Завоняло горелым мясом и шерстью. Горящие фигуры добились стрелки. Таран превратил-

ся в объятый пламенем скелет огромного зверя. "Греческий огонь", не насытившись деревом и человеческой плотью, перекинулся на стену в бессмысленной ярости. Неужели отбились? Странно, огнемётные машины на Таманских воротах бездействуют, половцев как тараканов в смердье избушке. Фома там что, щи лапти хлебает?

— Княже! Роман Ингоревич! — из дымного, пропахшего смертью утра выскочил одинокий всадник, спешил и полез на башню. Неужели Ванька Сокол? Вроде похож. От Фомы весть? Ну точно.

— Беда, княже, — отрок не удержался и с лязгом рухнул на колени. Голова в крови, шлем потерял, броня погнута, в плече торчит обломленная стрела. — Измена! Греки ударили в спину, открыли ворота. Воевода Фома убит! Белые плащи у них как знак отличительный, половцы их не секут. Берегись, княже!

Сзади мелькнула быстрая, хищная тень. Захрипело, забулькало. Роман развернулся навстречу опасности. Перед глазами застыло сведенное ненавистью лицо византийца со шрамом. Коварный удар, предназначенный князю, принял на себя старый коваль Микула. Клинок убийцы вошел точно под сердце, мёртвые глаза старика уставились в небо.

Топор вошел византийцу в основание черепа, остальных добила деловито и быстро, сопротивления греки оказать не сумели. Обозленные гридни разрубили тела на куски.

"Предательство, — Роман побелел, — Вот тебе и птичка с ее коготками. Какие же твари, мразь, ненавижу! Ты сделал выбор и проиграл, значит так на роду писано, Господу угодно послать испытание. Фому жалко..."

Половецкие орды вливаются в распахнутые настежь ворота. Нельзя медлить, княже, нельзя, промедление смерти подобно.

— Коня мне! Воинов со стены снимайте. К воротам! — заорал Роман и понесся вниз. Ничего ещё не потеряно. Вместо ворот люди станут стеной. Иначе город не удержать.

Князь взлетел на коня и обнажил холодно сверкающий меч.

— За мной, в битву! За Русь! Круши!

Отборная княжеская дружина, приберегаемая на крайний случай, сорвалась в галоп, несясь по узким, объатым паникой улочкам. Только бы успеть. Впереди вознеслась Таманская башня, половцы прорвались в ворота и добивают немногочисленных защитников, накапливая силы и перестраиваясь.

— Русь! Русь! — древний клич северных воинов рвёт небеса.

Первый удар княжей дружины страшен. Взяли в копья, войдя в половецкую толпу как раскаленный нож в масло, отсекая строй и нещадно рубя. Степняк в многолюдстве силен, стрелы метать любит, ближнего боя не терпит. На то и расчёт.

Роман закрутил коня, разя во все стороны, половцы валяться как снопы. Чужая кровь брызнула на личину. Меч сечёт одинаково железо и плоть. Не выдержали половцы, дрогнули. Под башней столпотворение, внутрь валят новые орды, сталкиваясь и затаптывая бегущих. Роман соскочил с коня и устремился на башню. Следом ринулись гридни-телохранители, кляня всё на свете, и отсекая врагов, пытающихся зайти бесстрашному князю в спину. Под ногами тела, ноги оскальзываются в крови.

Роман Игоревич взлетел на стену и замер, выискивая добычу. Работа кипит. Византийцы в белых плащах спешно разворачивают сифоны, не замечая, что творится вокруг. Визгливо командует Ветранион, меч в руке евнуха смотрится естественно.

— Грек! — заорал князь. — Думал, в Преисподнюю я пойду без тебя?!

Ветранион истошно завизжал, жирное лицо перекошило от ужаса.

— Запомни, князь! — прокричал евнух, — Империя всегда забирает своё!

Десяток наемников бросились наперерез. С лязгом столкнулся металл. Два вихря пересеклись и распались. Упал гридень с рассеченным лицом, рядом, осенними листьями, легли византийцы. Меч князя вошел евнуху прямо в вопящую

пасть. Собаке собачья смерть. Надеюсь, император не шибко расстроится утратой любимого братца.

...Под башней лязг, стоны и вопли. Половцы, оправившись от удара, настырно лезут в ворота. Дружинники тают, как снег под мартовским солнцем.

Князь зарычал и прыгнул в самую гущу. Любой ценой отстоять ворота, оплакивать павших будем потом. Подсек ноги двоим. Половецкая сабля скользнула по шлему. Копье ударило в грудь, благо держит броня. Срубил степняка в меховой шапке, отбил выпад и отрубил противнику кисть. Рядом иззубренными клинками бьются витязи в окровавленных, иссеченных доспехах. На каждого десяток врагов. Половцы лезут и лезут, не удержать. Все меньше дружинников у Романа. Падают замертво воины в светлых доспехах. Удары посыпались со всех сторон. Левое плечо и бок обожгла острая боль, рука повисла сухой, безжизненной плетью. Перед глазами поплыли цветные круги. Не сдюжить...

Внезапно натиск ослаб, половцы, только что остервенело бросающиеся на меч, попятились и побежали. Подскочившие воины в остроконечных шлемах прикрыли князя каплевидными щитами. Из сечи и дыма чёртом выскочил посадник Никита, раскроил половецкую башку кистенем и заорал безумно и весело:

— Не ждал княже? А вот он я, во всей красоте!

— Ты откуда? — прохрипел Роман. — Пошто стену оставил выпороток свинячий? Кто повелел?

— Уймись, князь, эко тебя таращит, — хохотнул посадник. — Я тебе жисть спас, а ты собакой кидаешься. Всё, кончился город, оглянись.

Роман Игоревич отвлёкся от боя. Половцев отбросили за ворота, напластав целый вал из окровавленных тел. Да что толку. Степняки перелезли через оголённые стены сразу в десятке мест. Бой идёт между башен и выплескивается на улицы. Таран разбил Сурожские ворота.

— Отходим, — велел князь, увлекая за собой остатки дружины и ратников Никиты.

Город занялся огнём. В пламени мечутся дети, женщины и старики, падая под саблями степняков. Битва превратилась в побоище. В переулках, среди дыма и искр, то и дело вспыхивают короткие, ожесточённые схватки. Сопrotивляется смертельно раненый Корчев. Последние защитники стекают к ступеням древнего храма Святого Иоанна Предтечи, откликаясь на печальный перезвон набатного колокола. Всего собралось не более сотни. Половцы вливаются за стены полноводной рекой. Времени осталось не много.

Роман Игоревич перекрестился и начал говорить веско и скорбно:

— Я, Роман, сын Игоря Ярого, князь тматороканский и корчевский, защитник Тавриды и Южной Руси, говорю: отныне я не владыка вам, сегодня вы братья мои. Всех вас зову я сегодня на последний, кровавый пир.

Братство, скрепленное железом и юшкой, одобрительно загудело. Распрямились понурые плечи, ушла боль от тяжёлых ран, глаза вспыхнули священным огнём. Огнём не греческим, быстрым и проходящим, но огнем русским, яростным и негасимым. Тем пламенем, что можно только зажечь, унять его уже невозможно.

— Пришёл наш час, — Роман пошатнулся и едва не упал. — Сегодня мы примем смерть на руинах последнего русского города благословенной Тавриды. Я не боюсь. Не боюсь, потому что земля эта русская, была и есть, от крови Святослава, через жизни наши, в будущие века. Мы вернемся, не мы, так дети наши, дети и внуки наших детей, пусть через сотни лет, но вернутся. Русский стяг взовьётся здесь снова и никогда более опущен не будет. Вижу. Верю. Так будет!

Сотня русских витязей, за тысячи верст от своей многострадальной страны, с грохотом ударили клинками мечей о щиты. Общий вздох эхом пронёсся по храмовой площади мёртвого Корчева: "Вижу. Верю. Так будет".

"МОРСКИЕ ВРАТА ТАВРИКИ"

АБАКУМОВ РОМАН

г. Брянск

(конкурсант)

Такого сильного холода, чтобы замерз Боспор Киммерийский, Бодрята не помнил за всю свою недолгую жизнь. Лютый мороз сковал соленые воды Русского моря неожиданно. Хазары о таком, небось, и не слыхивали. Оттого и надлежало ему, молодому воину Святославовой дружины, передать важную весть самому князю. Вестей ждали на том берегу, но не раньше завтрашнего дня, и оттого нетерпение начинало яриться в сердце молодого воина неистовым пламенем. Не бывать морским вратам Русского моря хазарским! Пусть хазары не ждут никого, пусть думают, что в такую лютую стужу, да ещё и ночью, никто не сунется в Каршу. Да и название-то какое, хазарское, так и хочется сплюнуть, будто гадость какую на язык поймал.

Ещё во времена князей Игоря да Олега Вещего, стоял русский флот в Корчеве и Тмутаракани, но потом хазары захватили их, вот и стали они зваться Каршей да Таматархой, по-хазарски. Только решил князь Святослав вернуть былые земли Руси, а имена — городам. Оттого и торопился молодой воин, — только бы не провалиться под лёд, только бы не наделать глупостей, не соскользнуть с этой скалы, за которой начинается море.

Русское море, так ведь его называют даже греки.

Так и Боспору Киммерийскому надлежит быть русским. Разве дело, когда всякий, кто здесь пройти морем хочет, хазарам платить должен? Попили уже кровушки русской, хватит.

За то, что творят коганые на Руси много лет, Итиль уже ответила сполна. И поход Святослава на хазар не завершён. Сколько жизней унесли хазары, сколько угнали в полон,

сколько сожгли селищ — не счесть. Дань, которой обложили Русь, постыднее быть не может — по белой девице от дыма. Разве ж то слыхано? О срамных нравах хазар наслышаны все, нет мочи боле терпеть.

Спускаться со скалы, за которой спит, укутавшись во всё самое теплое, промерзшая до костей Карша, становилось все трудней. Места нехоженые: ни тебе тропинки, ни дороги, только лютая стужа да ветер. Неспроста, видать, Мороз, что иные сыном бога Велеса зовут, сковал льдом Боспор Киммерийский, сделав путь до самой Таматархи по морю пешим, — знать, боги помогают делу такому важному. А там, глядишь, и вся Таврика Руси отойдёт. Негоже ей быть поделенной между Хазарией и Византией, исконные то земли, древние, заповедные.

Пришлось Бодряте огибать скалу, да делать крюк, дабы сторожевые не заметили его. Хорошо, хоть лёд был не гладким, а шершавым, постарался Стрибожий внук, выдул для дружины Святослава. Кабы не Мирко, сын Вышаты, так и пришлось бы сейчас путь держать дальний, да время лишь терять. А так, ежели отрок сей правду говорил, то хазарам в Карше отпущено ещё меньше задуманного князем.

Ещё один выступ преодолел Бодрята, ловко передвигаясь по ледяным наростам, спустился на дно небольшой ложбинки, и, изрядно утомившись от лазания по горам, решил недолго тут передохнуть. Ложбина была неглубокой, но не пускала ветер. Стужа добавляла к усталости, но мыслями Бодрята был со своей дружиной. Той, что ждала его не раньше завтрашнего на том берегу Боспора Киммерийского, который собирался он нынче преодолеть пешим ходом хотя бы за половину ночи.

Стужа вышла подмогой дружине князя, хазары в Таматархе их не ждали, и штурм прошёл быстро. В тот же миг пронеслась перед глазами Бодряты недолгая сеча, победа и слова князя: "Нет больше Таматархи хазарской, будет русская Тмутаракань".

Выходит, одна сторона морских врат взята, теперь надлежало взять и вторую, таврическую. Для того и перебралась вся дружина Святослава в заставу хазарскую, что была на са-

мом берегу моря. Князь задумал так, чтобы осуществить наступление быстро, не смотря на холода. Поутру рассказал он свой странный сон. Снился ему сам Олег Вещий. Будто водил его предок по заснеженному берегу моря русского.

Говорил он тихим и ровным голосом.

— Выиграй время, Святослав. Не ждут тебя хазары по ту сторону Боспора Киммерийского. Чем быстрее ударишь, тем легче будет победа.

Святослав смотрел на предка и слушал внимательно. Язычники, которым был князь, с должным вниманием относились к снам, толковали их, а если же случался вещий сон — могли принимать решения на их основе. Так и сейчас, внимал князь словам своего деда по материнской линии, отца княгини Ольги, с особым вниманием.

— И путь тебе лежит по морю. Льдом оно сковано. Найдёшь путь-дорожку, станет неожиданным для врагов земли русской такой поход. Многих ты уже победил, но есть ещё враги. Сейчас, как никогда, важна цель эта. Быть морским вратам Таврики русскими. Сами боги тебе помогают. Иди, не жди. Не страшись стужи, не страшись льда, он крепок. Перехитри врага.

Сон был коротким, но очень ярким. Едва проснувшись, пребывав Святослав Храбрый в раздумьях, да поутру же и велел немедленно отправляться на лёд, и искать кратчайшего пути к Карше.

Отправившись в разведку, дружинники вскоре воротились назад: в самой близкой к Карше точке лёд вскоре заканчивался, открывалось море, виднелся остров, но пешего прохода не было. Подумав ещё, решил Святослав, что сон истолкован неверно, но ждать более не собирался и для реализации своих замыслов принял решение повторить свою недавнюю хитрость: отправил под видом купцов своих воинов в Каршу обычным путем. При подходе дружины должны были они открыть ворота, перебив охрану изнутри.

Среди этих воинов и был Бодрята, посему надлежало поторапливаться. Переведя дух, поднялся он на другой край ложбины, выглядывая из-за скалы, да посмотрев вниз, со-

образил, что проще спрыгнуть, высота была не так велика. Только приземлился он на ноги, как вдруг из-за скалы выскочил на него хазарин. Пеший. Откуда только взялся здесь, в такую стужу да ночью? За спиной его виднелся другой, верхом, удаляясь от них. Видать, о чём-то они переговаривались, да решил затем всадник на лёд ступить, отправившись едва ли не той же дорогой, что надлежало идти Бодряте. Что за напасть?

Хазарин тотчас же набросился на Бодряту, но не зря молодой воин был в дружине самого Святослава, коего Храбрым зовут. Воин он был хоть куда, и застать врасплох его было нелегко. Схватка была недолгой, и хазарин, всё же успев зацепить и немного поранив Бодряте бедро, распластался на льду, не успев даже воспользоваться своим луком, так как бой совсем ближним случился. Всадник тем временем, услышав звуки схватки, обернулся, повернул обратно к берегу и уже скакал во всю прыть к нему навстречу. Бодрята не растерялся и, забрав у мёртвого хазарина лук, перевернул его, высвобождая колчан со стрелами. "Перуне, помоги" — пронеслось в голове и, натянув тетиву, пустил он стрелу прямо в несущегося на него врага. Конь заржал, всадник откинулся назад и, теряя равновесие, выпал из седла. Бодрята побежал вперед, хватая коня за удила, остановил его.

Внимательно оглядевшись вокруг, молодой воин сообразил, что, оставлять обоих здесь не стоит. Припомнив ложбинку неподалеку, откуда он только что спустился, решил молодой воин оттащить обоих туда. Привязав коня у берега к каким-то кустам, он забрал оружие и оттащил первого хазарина в ложбину; туда же вскоре последовал и второй.

Вот так подмога! Конь пришёлся в самое время. Только взобраться на него с такой раной стало настоящим испытанием. Оторвав на скорую руку лоскут от собственной исподней рубахи, наскоро перевязал молодой воин раненное бедро и подвел коня к крупному камню, коих было здесь много. С камня уже попасть в седло оказалось легче, и теперь, управляясь с хазарским конем, направился он в ту сторону, куда указал отрок.

Сильного ветра на берегу не было, но, отъехав от него, немало пожалел Бодрята, что не стянул хоть с одного хазарина

шубу: над морским простором дул холодный, пронизывающий до самых костей ветер.

Укутавшись потеплее, внимательно всматривался он в белесую поверхность застывшего Боспора Киммерийского, выглядывая, нет ли где полыньи, чтобы в неё не угодить. Жаль, следов отрока было не разглядеть, по ним было бы проще, да и кто знает, в каком именно месте шёл он по морю, и не замело ли за это время следы.

Путь лежал неблизкий, и хоть собирался его молодой воин преодолеть пешком, в одиночку — смог же это сделать юный отрок, — но совсем другое дело верхом: вес всадника был много больше, и угроза провалиться под лед оттого становилась сильнее. Следовало быть очень внимательным, чтобы не оказаться в ледяной воде. Хорошо хоть, лёд был не скользким. Ветер же совершенно пронизывал насквозь.

Стужа была на редкость сильной, простояв уже не одну седмицу, и только сегодня днём, впервые за долгое время, немного потеплело. Это и дало возможность прибывшим в Каршу ещё засветло воинам под видом купцов, среди которых был и Бодрята, заглянуть на рынок. Карша в переводе с хазарского означало "рынок", с приходом хазар город в него и превратился. Именно там встретили они славянина Вышату, который и пригласил к себе "купцов славянских" на постоянный двор. Все здорово намерзлись, и оттого очаг был единственным желанием всех без исключения. Слово за слово, поведал Вышата "купцам" о своей нелюбви к хазарам, и выразил надежду на скорейшее их изгнание. Но как ни хотелось воинам дружины Святославовой поддержать сородича, говорить об их истинной миссии было никак нельзя, чужая душа — потёмки: кто знает, что у него на уме?

К тому времени воины уже осмотрели внимательно ворота, их охрану и хорошо знали, откуда следовало к ним ночью идти, чтоб не заметили, и как их открывать. Оставалось только переночевать, отправить гонца с известием, да ждать условленного часа. Но всё случилось иначе.

Как только стали согреваться у очага "купцы", прибежал в дом сын Вышаты Мирко.

"Море замёрзло! Я смог дойти до другого берега и вернуться назад!" — Выдал отрок с порога, а Яровой, старший воин из всех, кто был здесь, тотчас сообразив, что весть о том не должна дойти до хазар, подозревал мальчишку.

— Скажи, Мирко, неужто и правда на тот берег выбирался?

— Правда, вот, я оттуда палку прихватил.

— А вот мы давеча выходили на лёд, и даже до острова не смогли добраться, море там открывается, как тебе удалось?

— А надо не в ту сторону идти. Там льда нет, а вот ежели на полночь повернуть, к Сурожскому морю, да дугой обойти, то там лёд крепкий.

Воины переглянулись.

— А хочешь ли заработать, Мирко?

При произнесении последних слов напрягся даже Вышата.

— Конечно.

— У нас сделка очень важная. Нам надлежит товар в те края доставить как можно быстрее, чтобы нас кто не опередил. Дашь слово, что никому, а всех паче хазарам, не покажешь пути и даже не скажешь, что Боспор Киммерийский замёрз? И задаток тебе даже, вот, держи дихрем. А завтра, коли уж слово своё сдержишь, ещё дадим.

— Идёт! — отрок с восторгом вертел в руках хазарскую монету.

— И ты, Вышата, тоже не скажешь?

— Да никто здесь коганных не жалует. Не скажем, будьте уверены.

— Держи и ты тоже, — монета, брошенная Яровым, проделала в воздухе несложный пируэт и была поймана ловким движением руки хозяина дома.

— Благодарствуем, люди добрые. Оставайтесь у нас, сколько пожелаете.

Желать много не пришлось. Согревшись, да отведав доброй хозяйской снеди, "купцы" вышли ненадолго в город, якобы присмотреть товар. Сами же, выбрав уголок поукромней, собрались обсудить дела.

— Ну что, Яровой, делать будем? — Спросил один из воинов, которого звали Будаи.

— Идти ночью к князю надо. Бодрята, пойдёшь ты. Как только стемнеет. Обойдёшь стороной, придётся немного тебе по скалам полазить. Ты у нас самый молодой, самый бодрый, не зря же тебя так нарекли, путь, небось, понял, как держать следует?

— Что ж не ясно-то? Соображу. Коли отрок добратся смог, почему ж мне не одолеть? Идти тут недолго, можно за ночь и назад успеть воротиться.

— Скажешь князю, что выступать следует немедленно. К рассвету враз поспеете, даже раньше, затемно. А мы тут ждать будем, высматривать вас станем с Будаем с горы Митридатовой. Днём были там, да видали, откуда вид на море открывается. Сразу ворота откроем, как только подойдете. Идти надо ночью. Пока хазары не прознали, что морской путь пешим стал, времени в обрез...

Треск льда под копытами словно выдернул Бодряту из раздумий, как из сна. Остановив коня, он в тот же миг повернул обратно и проскакал небольшое расстояние в обратном направлении. Здесь лёд ещё был крепким. Видать, следовало это место немного обогнуть стороной, чтобы не провалиться. Постояв немного, да озираясь по сторонам, молодой воин, поразмыслив, сообразил, что шёл немного не в ту сторону. Справа чёрной полосой начинала виднеться вода. Невольно стремясь поскорее попасть к заставе, он, должно быть, слишком рано стал поворачивать на полудень, следовало вернуться ещё немного назад.

Нога начинала невыносимо болеть, ветер дул всё сильнее, хорошо хоть не было снега, иначе разглядеть что-либо было бы намного труднее...

Отойдя на некоторое расстояние подальше от неладного места, Бодрята снова развернулся и, взглядываясь в следы, повёл коня левее, ближе к Сурожскому морю. Здесь лёд действительно был крепче и, невольно прибавив хода, молодой

воин снова задумался. Ему вспомнилась напутственная речь Святослава перед отправкой в Каршу.

— Повторим былую хитрость. Олег Вещий во сне моём молвил, что так поступить надлежит. Потому идите, как купцы в Корчев. Не гоже город русский хазарской Каршей называть. Угадать сложно, как там у вас сложится, поспеете к вечеру, али нет, нынче предвидеть не выйдет, потому пошлётте гонца, как все будет готово. Яровой, ты старший. Сам решишь, кто из вас пойдёт обратно с вестью. Добирайтесь до города своим ходом. Старайтесь не медлить. Возьмите монет их, дихремов арабских поболе, благо, этого добра здесь у нас много. Оденьтесь, как купцы. Вон, в доме хазарского купца, что только брали намедни, видали, поди, такого добра навалом. Хотите — мехов там наберите в мешки заплечные, вдруг спросят, чем торгуете. Коли до темна не управитесь, найдите там ночлег, да присмотрите, как лучше к воротам подойти, как с охраной справиться, и поутру, или днем гонца сюда скорее направляйте. А отсюда мы уже все выступим днём, или ближе к вечеру. Как подойдём, ворота нам откроете. Чем быстрее сработаем, тем лучше. Время не ждёт. Земля слухами полнится, прознают хазары про то, что мы взяли уже Таматарху, нам же тяжелее будет Корчев потом брать. Одна надежда, что в такую стужу никто из них носа на улицу не покажет. Будем же достойны наших пращуров, не посраим земли русской. Идите, и да помогут вам боги.

Воины слушали Святослава молча, преданно глядя ему в глаза. Важное дело поручил им князь, и в этот раз оно было сложнее. Молча отправились они в хазарский купеческий дом, набрали мехов, оделись в богатые шубы да шапки, и тот час же вышли на мороз. Путь был неблизкий.

Сколько ещё времени ехал в седле Бодрята, уж и не упоминать. То и дело оглядывался, останавливался, всматривался в даль, прикидывая, сколько ещё следует идти по прямой, а когда уже можно будет и поворачивать.

Вскоре забрезжила вдали тёмной полоской береговая линия. Сердце молодого воина начало неистово биться: вот,

наконец, он приближается к своим. Ускорив ход, он едва не погнал коня рысью, но спохватился, вспомнив, что лёд в любой момент может провалиться. Оставшийся путь до берега проделал он в яром нетерпении, и, хвала всем богам, лёд выдержал.

Морской путь по льду был разведан.

Берег встретил его незнакомыми местами, застава, где была сейчас дружина, по всей видимости, находилась правее, дальше на полдень. Отправившись ей навстречу по побережью, молодой воин не выдержал и погнал коня едва ли не галопом. Застава и впрямь вскоре показалась из-за холмов, Бодрята перевёл дух, придержав коня. Ночь была в самой силе и время ещё оставалось.

Охрана встретила его с удивлением.

— Как? Ты? Так рано? И коня раздобыл?

— По морю пришёл. Путь разведал. Боспор Киммерийский и впрямь замёрз. Мне к князю немедленно надо.

Святослав выслушал сбивчивый рассказ Бодрята и, заметив кровь на его бедре, послал за Збоем. Этот опытный воин всегда имел при себе мазь на травах, враз снимающую боль.

— Ты говоришь, Бодрята, что мы успеем придти до рассвета?

— Да, успеем. Если выйдем сейчас же.

— Ждан! — Позвал князь, — поднимай людей, седлайте коней, выступаем немедленно.

Ждан, стоявший за спиной князя и слышавший весь разговор, тот же час выскользнул во двор, отправившись выполнять поручение Святослава.

— Лёд выдержит?

— Меня выдержал.

— Пойдём один за другим, с перерывами, нынче же, пока следы твои не замело. Знать, верно я сон истолковал, правду сказал дед. Боспор Киммерийский стал пешим. Только мы не туда сунулись, ища путь. Следовало ближе к Сурожскому морю поискать.

Збой тем временем закончил перевязку и тоже отправился собираться.

— Пойдёшь первым, Бодрята, поведёшь нас. Грейся, пока есть время.

Вереницей рассыпалась по берегу дружина Святослава. Ветер стих, и на небе зажглись звёзды. Бодрята шёл первым, угадывая в потёмках собственные следы, что оставил он здесь совсем недавно. Вот наконец они свернули на лёд. Первым он пустил своего коня на замёрзшую морскую гладь. За ним, соблюдая дистанцию, как велел князь, повели своих коней и остальные.

Дорога обратно всегда кажется короче, но Бодряте казалось, будто она тянулась вечно. Нога стала меньше ныть, видно, средство Збоя начинало уgomанивать боль.

Вскоре впереди замаячила береговая линия, над которой словно в тумане, возвышалась из тьмы белесая гора Митридат, что в самой Карше, затем стали виднеться холмы и скалы, окружавшие её. Было по-прежнему темно, град спал и не выдавал ни единым огоньком своего бодрствования. Но Бодрята совершенно точно знал, что именно в это время смотрят на них две пары внимательных глаз, ожидая, когда же дружина князя подойдёт к городу.

Тем временем у Вышаты на постоялом дворе очутились двое "купцов". Хозяйским дом стоял отдельно, и потому не опасаясь разбудить их, Яровой с Будаем подняли всех воинов, кто спал, да немедленно отправились к городским воротам. Уже уходя, старший из них, Яровой, бросил на стол несколько хазарских монет. Затем, немного подумав, вытащил из заплочного мешка по одной выделанной шкурке пушистого меха и положил рядом.

Город ещё не проснулся. Ночь была тёмной и холодной, утро должно было вот-вот подступить к укутанному морозом побережью. Дружина подходила всё ближе к Карше, пора была открывать городские ворота.

Стараясь делать всё тихо, воины Святославовой дружины, бывшие под видом купцов, подошли с нужной стороны ворот, дорогу к которым присмотрели ещё днём. Охрана спала. Только один сторожевой хазарин, сидевший у очага, закричал

и бросился навстречу воинам. Но схватка была недолгой. Охрану перебили и тот час же кинулись открывать ворота.

На крик и звуки из соседних домов повыскакивали хазары, но ворота к тому времени уже наполовину открылись. Подскочив к ним, хазары замерли: по морю прямо к городу шла конница. Воинов не счесть, и они уже были на подступах к городу. В страхе бросились бежать хазары, что первыми выскочили из домов: одни — подумав, что сами боги по морю пришли, аки посуху, а другие — поддавшись панике.

Скинув хазарскую шубу, выскочил из ворот Яровой, давая знаки дружине поторопиться. Шедшие первыми всадники пустили коней галопом, доставая мечи. У ворот уже развернулась сеча. Под стремительным натиском воинов Святослава враг отступал, в ворота прибывали всё новые и новые всадники, и вскоре город был взят.

— Нет больше Карши хазарской — молвил вскоре князь Святослав Храбрый. — Да будет вновь русский Корчев!

Пройдут годы, десятилетия, века, и станет город, освобожденный некогда великим князем киевским Святославом Игоревичем, что Храбрым зовут, городом-героем, имя которому Керчь. Станет Тарвика вновь русской и в две тысячи четырнадцатом году вернётся она в состав России, известная всему миру, как Крым. Памятники Святославу будут стоять в городах Киев, Запорожье, Белгород, Серпухов, Севастополь. Не одна книга будет посвящена князю, не одно стихотворение, не одна музыкальная композиция.

А легенда о том, как пришли дружинники князя по замёрзшему Керченскому проливу брать штурмом Корчев, надолго останется в людской памяти, как осталась память о несгибаемой воле, мужестве князя, память о разгроме хазар, о создании русского Тмутараканского княжества, в состав которой вошёл и город Корчев.

А Боспор Киммерийский, известный в наши дни, как Керченский пролив, станут называть не иначе, как морские врата Киевской Руси.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

— за гранью конкурса

(работы, которые нельзя было не отметить...

как нельзя было и не отметить некоторое их несоответствие условиям конкурса)

МАЯК С ДРАКОНОМ

ЛЕВЧЕНКО ТАТЬЯНА

Крымский писатель.

г. Керчь

... И присел я на обочине дороги, прежде чем войти в этот Город. Он лежал передо мною не в низине и не на возвышенности, отчего выделялся с места моего отдыха крайними, убогими, но опрятными домишками.

В своём долгом пути я перевидал великое множество городов, вот так же отдыхая край дороги. Все они представляли иначе перед взором моим: будь то в долине, или на холмах, — первыми виделись великолепные храмы и здания центра, и лишь потом взгляд скользил к окраинам, где, за пышной зеленью, либо за яркими крышами крепких домов, нищие и убогие не проглядывались вовсе.

Оттого, наверное, города эти казались такими самодовольными, самодостаточными, отчуждающими уже на подступах.

"Бездельник! — бросали надменно добротные и богатые дома их центров. — Ты просто отлыниваешь от работы, желая получать блага жизни за счёт других!"

"Бродяга! — скрипели вычурно вызолоченные храмы этих городов. — У тебя нет ничего святого, потому и неприкаянный бродишь по свету!"

"Убирайся! — шипели на меня их зловонные окраины — тем более нищие, чем богаче были дома и храмы в центре. — Ты чужой здесь! Ты хочешь отнять последний кусок у местного нищего!"

И я уходил. Я шёл и в пути, где мог вместо ругани и шипения получить ночлег, либо кружку молока или краюху хлеба — оплачивал эти дары трудом своим. Я не был бездельником. И я не был бродягой. И не нужен был мне последний кусок последнего нищего.

Я шёл и наблюдал жизнь людей. Я шёл и слушал, в пути и на привалах, слова, складывавшиеся то в прибаутку, то в сказание, то в быль, то в мифы или сказку, легенду ли. А то певуче лились слова песней весёлой либо задумчивой, или озорно частили частушками, вдруг переходя в размеренную притчу, в краткое изречение мудрости.

И все дела, которые я делал, трудом оплачивая ночлег и пищу, складывались во мне в опыт, опыт переходил в мастерство. Мастерство же непостижимым образом входило в сочетание с другим моим приобретением: все слова, слышанные мною, слагались в знания, все знания сливались в ёмкое Понимание. Вот это Понимание и единилось с Мастерством в некое Творческое Знание. Великая, непостижимая Мудрость Творца открывалась мне в Пути моём, и радовался я этому открытию, и делился толикою своих познаний с искавшими их. И светел был путь мой. Но не знал я, долог ли будет он.

... И вот теперь, сидя на обочине перед входом в этот необычный, так отличающийся от всех других городов, Город, подумал я, что, наверное, здесь и будет конец Пути моего. Потому что не слышал я ни кичливого ворчания Богатства, ни скрипучего, как дряхлые ворота с никогда не мазаными петлями, голоса показушной "святости", ни шипения и зловония от столь близкой сейчас окраины. Но что же дальше? По легендам, теперь, в конце Пути, мне надлежало совершить какой-нибудь подвиг на благо всего человечества или хотя бы вот этого Города. Ведь весь Путь я, практически трудился для себя и для достижения своей цели. Дракона убить, что ли?..

Однако... в богатыри я никоим образом не годился, да и драконы все, пожалуй, повывелись... Я усмехнулся этим мыслям и обратил внимание своё к действительности.

Со стороны Города, по неровной колее мало езженной дороги, заросшей кое-где высоким и крепким бурьяном, приближался человек. Когда он подошёл ближе, я отметил, что он юношески худощав, подтянут, но в годах ближе к зрелому возрасту. Одежда его, как в подтверждение родственности с виденной мною окраиной Города, была небогата, в заплатах, но чиста и опрятна.

Шёл человек налегке, потому не мог быть Путником. Шёл он целеустремлённо, поэтому не мог быть бездельником.

Человек приблизился и, поклонившись, сел на обочину неподалёку. Так же, как я впервые, окинул взглядом окраину и, помолчав немного, спросил:

— Что ищешь ты, Путник, в нашем убогом краю?

— Лучшей доли, — усмехнулся я, осознавая всю иронию своего ответа.

Тем не менее, ответ был правдив: я шёл свой долгий Путь по городам и странам, когда-то выйдя за порог отчего дома в поисках "лучшей доли". Просто в те годы я ещё не знал, не мог определить, что же влечёт меня по этому Пути.

— Похоже, лучшая доля, — улыбнулся в ответ человек, — тебе не светит.

— Наверное, она никому не светит. — Согласился я. — Но я уже так долго в пути, что иной жизни для себя и не знаю. Но скажи, — поинтересовался я, — ты шёл так целеустремлённо, и вдруг остановился рядом со мной: не задержал ли я тебя в твоём деле?

— Я шёл именно встретиться с тобой, Путник, — ответил мой собеседник, — задать тебе вопрос, на который ты уже ответил, и несколько других, которые достаточно важны для меня, чтобы обратиться к Мудрецу.

— Почему решил ты, что пред тобой Мудрец? — удивился я.

— По свету сердца твоего, — изумил меня горожанин ответом, но ни выразить своё удивление, ни возразить я не успел.

Что-то невероятно огромное, тёмно-сверкающее накрыло нас обоих. Через мгновение я ощутил своими боками хват мощной когтистой лапы, когти которой, однако, в тело не впивались. Краем глаза заметил, что рядом, в другой такой же лапе, обвис потерявший сознание мой собеседник.

Потом я увидел, что это "Что-то", вернее, теперь "Кто-то" взлетает с добычей в лапах высоко под облака и, то ли от страха, а скорей, от неожиданности и невероятности происходящего, я тоже потерял сознание.

Придя в себя, я обнаружил себя на верхней площадке какой-то башни. Ничего зловещего здесь не присутствовало. В том числе, и моего загадочного похитителя. Находился я в крайне неудобном полусидячем, а скорей, полулежачем положении, опираясь головой о стену внутренней надстройки башни. На лодыжке левой ноги моей закреплён тяжёлый ржавый браслет с крупную ладонь шириной, от которого отходит к огромному, вмурованному в пол площадки, кольцу невероятных размеров цепь. И кольцо, и цепь так же были сильно ржавы. По краю площадка оказалась огорожена перилами, закреплёнными на довольно редких и, снова таки, сильно ржавых столбиках. Из-за ржавчины, несмотря на свою значительную толщину, казались они необычайно хрупкими и ненадёжными.

Я подтянулся на руках и сел удобнее, уже всей спиной опираясь о строение в центре площадки. Оглядел из-за плеча его и отметил, что больше всего оно похоже на фонарь очень крупного маяка: каменная стенка, над нею непрерывное застеклённое окно. Это сходство с маяком породило мысли о море. Но ни шороха прибоя, ни запаха морской соли не чувствовалось. Не пахло и рекой. Я подался в сторону хлипкой с виду балюстрады, чтобы увидеть, что там, внизу. Открывшийся вид настолько ужаснул меня своей невообразимостью, что я, резко откинувшись назад, крепко ударился головой о стену, как бы не из тяжёлого мрамора и, по-видимому, вновь надолго потерял сознание. Потому что, когда очнулся, обнаружил, что я не единственный обитатель площадки. По левую

руку от меня, цепью прикованный к тому же кольцу, сидел человек, весь внешний облик которого выдавал в нём Путника — "искателя лучшей доли", каким был я сам.

Об этом я и задал ему вопрос.

— Да, — ответил мне товарищ по необычному заточению. — И, похоже, самых заядлых "искателей" именно такой конец и ожидает.

— Странно другое, — заметил я. — Вместе со мною был человек, который вовсе не искал другой доли — ни лучшей, ни иной. Но здесь почему-то его нет.

— Ну, это-то как раз и не странно, — иронически улыбнулся мой собрат по образу жизни. — Если исходить из того, что приносит сюда нас всех дракон.

— Какой дракон?! — опешил я.

— Обыкновенный: огромная ящерица с перепончатыми крыльями. И, судя по опалённым стенам сего строения, — он скосил глаза на фонарь, местами действительно, словно покрытый копотью и подпалинами, — вполне даже огнедышащий.

— Я, по всей вероятности, потерял сознание и не мог определить, кто этот обладатель столь мощных лап. Кстати, — удивлённо добавил я, — почему он не повредил своими когтями тела?

Мой товарищ, как и я, задрал подол рубахи, с не меньшим удивлением оглядывая себя.

Кроме кровоподтёков от силы сжатия, на нас не было ни царапины. Тем более непонятной становилась ситуация.

Станным было и другое. Мы здесь, на вершине маяка, находились в, скажем, неполной тьме, сумраком которую назвать нельзя было. Тем не менее, мы очень хорошо различали и друг друга, и всё окружающее. Внизу же и вдали — в таких невообразимых по протяжённости своей ВНИЗУ и ВДАЛИ, что я, при первом взгляде просто потерял сознание — ясно различались с одной стороны день, а с другой — ночь. Более того, и там, и там отчётливо просматривался бегущий светлый луч от нашего маяка. Что было уж вовсе невообразимо, так как в помещении за стёклами фонаря была всё та же неполная тьма. А когда я, опасливо прижимаясь к стене, чтобы держать-

ся как можно дальше от хлипкой балюстрады, приподнялся и прижался лицом к стеклу в надежде рассмотреть, что находится внутри, новая волна ужаса окатила меня и, обессиленный, опустился на пол.

Если это был Цербер, то вполне понятно отношение к нему древних. Всего туловища я не успел разглядеть, но гигантской головы с крокодильей пастью было достаточно. Кроме того, в это краткое мгновение успел заметить, что дверь, выходящая на площадку с противоположной от нас стороны, открыта.

Зверь же, услышав звяканье моей цепи, резко повернул голову, очертив невероятные, словно гигантская пила с неравномерными зубцами, зубы.

Полюбовался на этого зверя и мой сотоварищ. Покачал головой, и опустился на прежнее место.

И занялись мы двумя доступными для нас делами: неспешной беседой и озирением окрестностей.

Первое дело, однако, к нашему обоюдному удивлению, быстро себя исчерпало. По той причине, что, поведав друг другу каждый о своём детстве и о первоначальном побуждении к выходу в Путь, далее мы могли не говорить. Так как оба в Пути собрали практически равный багаж знаний и мастерства, одинаковые слова звучали для нас в разных местах, в одинаковых текстах. А области Понимания, которые у нас не совпадали, объяснить друг другу мы всё равно не смогли бы. Ибо, каждый должен к тому или иному Пониманию прийти сам и только сам. Ведь, не зная сути и смысла, слова объясняющего мы пропустим мимо если не слуха, то сознания. Поэтому мы ограничились лишь намёками на направление мыслей, дабы каждый из нас, размышляя в этих направлениях, самостоятельно получил своё Знание, своё Понимание.

Беседуя, мой товарищ машинально трогал браслет на своей ноге, покачивал его, поставил на ребро, укладывая ногу удобнее. И, внезапно рассмеявшись, легко вынул ступню из, оказывается, довольно широкого отверстия браслета. Я, глядя на это, тоже со смехом, освободился от своих странных оков.

Посмеявшись, мы переглянулись с некоторым недоумением: что это — шутка такая? Ещё раз, оглядев оковы, поняли, что предназначены они для двух одинаковых конечностей, гораздо более объёмных. Склёпаны они были надёжно и места склёпки закипели давней ржавчиной настолько, что и шва не разглядеть.

— Как же он освободился? — задумчиво проговорил мой товарищ, покачивая браслет, стоявший ребром.

— Может, отошал? — пожал я плечами и сам же усмехнулся этому предположению: ведь лапа дракона не ступня человека, и не сожмётся до ширины лодыжки...

— Одно меня утешает, — продолжил товарищ. — Эта ящерица явно обладает чувством юмора.

И мы, в который раз, переглянувшись, дружно припали лицами к стеклу окна.

Увы, Цербер оставался Цербером и оставался на месте, то есть, в месте единственного выхода из башни. Мало того, на наше любопытство он отреагировал не только лязганьем жутких зубов, но и мощным рывком в нашу сторону в сопровождении какого-то скуляще-визжащего рыка. И, пусть что-то удерживало его внутри помещения, легче нам от этого не стало.

... Я стоял, опершись о перила ограждения, находящиеся на уровне моей груди, и задумчиво всматривался в открывающуюся моему взору невообразимо далёкую панораму неведомого.

День и Ночь, Утро и Вечер. И непрерывно вращающийся, исходящий из маяка, луч непонятно откуда берущегося света.

День и Ночь, Утро и Вечер. И россыпи бледных и ярких огней во всём пространстве. Вверху и внизу, и во все стороны. Будто мы на маяке плывём астероидом в бесконечном Космосе: звёзды вверху, звёзды внизу, звёзды вокруг нас.

День и Ночь. То справа и слева, сто впереди и позади, но всегда внизу и никогда над головой.

— Почему? — спросил я остановившегося рядом товарища, до этого отмерявшего заданное себе расстояние хождением вдоль стены фонаря.

Сейчас он немного подумал, равномерно постукивая пальцами правой руки по перилам. Те издавали глухой звук без малейшего намёка на вибрацию. Именно так мы убедились в их прочности, используя свои Знания и Мастерство: хлипкое сооружение издало бы вибрирующий либо самопоглощающийся звук. Первый — от истончения железа и дерева, второй — от затаившейся гнили внутри внешне целого материала. Балюстрада оказалась крепка — не на века — на тысячелетия, определили мы.

— Это не звёзды, — наконец, отозвался товарищ. — Это селения, города, страны, континенты. Это Земля, видимая почему-то сразу всей поверхностью. — И так же, ладонью, очертил контуры континентов.

— Но россыпи огней вовсе не напоминают ни городов, ни селений, — пожал я плечами.

— А тех огней — электрических — мы почему-то и не видим...

Да, подумал я, иначе сразу бы выделились крупные города. Но что же это за огни? И почему, попадая в луч маяка, они разжигаются ярче и словно устремляются к нему и вслед за ним?

Иные огоньки, после ухода луча, возвращаются к прежнему уровню своего свечения, другие же, словно костёр от подброшенных сухих веток, разгораются ярче и начинают светить ровнее, в то время как более бледные часто мигают. Одни огоньки видятся группами, другие разрозненно. Где-то их больше, где-то меньше. И больше вовсе не обязательно в тех местах, где расположены крупные города. Скорей, наоборот, они словно окаймляют эти города.

— Опять он плачет, — грустно вздохнул мой товарищ.

— Да, — кивнул я. — Кажется, ещё немного, и я пойду его утешать.

Дело в том, что всё чаще из фонаря, из глубины его доносились скулёж с повизгиванием и откровенные, совершенно

человеческие, всхлипы. Наверное, Цербер таким образом жаловался на свою цербериную долю.

Правда, мы не могли понять, как он мог издавать звуки, столь напоминающие человеческие причитания. Может, это такой способ приманивания жертвы?

Проверить пока ни я, ни мой товарищ не решались.

... А потом прилетел дракон.

И ни я, ни товарищ мой не удивились и не испугались ни внезапного появления, ни самого вида его. В сравнении с Цербером за стеклом, дракон был даже красив.

Я, оказывается, не ошибся, отметив во время нападения его на меня и горожанина, что было это "тёмно-сверкающее". Дело в том, что сам дракон довольно тёмный — зелень, уходящая в черноту. Но при этом чешуя его столь гладка и своеобразно изогнута, что при малейших проблесках света искрится яркими вспышками. Зрелище завораживающе-прекрасно.

Тем не менее, мы сознавали, что сие прекрасное явление явилось, дабы закусить кем-то из нас.

Дракон, несмотря на свои внушительные размеры, по-птичьи уселся на перила ограждения, крепко охватив их мощными когтями перепончатых лап. Как ни странно, балюстрада даже не скрипнула. Сложив на спине крылья, дракон внимательным взором оглядел всю видимую округу, чему-то удовлетворённо кивнул и проговорил глухим, но довольно чистым по тембру голосом, обращаясь ко мне:

— Почему вы ещё не ушли?

Мы с товарищем переглянулись: интересный вопрос! И я иронически пожал плечами:

— А зачем?

Дракон иронию проигнорировал.

— А тот, другой, что с тобой был, он болен, что ли? — опять обратился ко мне.

— С чего ты у меня спрашиваешь?! — удивился я. — Ветрянку от него подхватил, или невкусный?

Дракон снисходительно смерил меня огромными карими глазами, глядящими по-собачьи вперёд, но с вертикальными кошачьими зрачками, и покачал головой:

— Болван! Ящерицы насекомоядные. Независимо от размера. — И, словно бы обиженно, покосился на моего товарища: именно он отзывался так: "летающая ящерица".

— Ну, не скажи! — усмехнулся я. — Варан хищный.

— Ладно! Я не варан. И не ящерица, — он помолчал и добавил, с некоторой долей гордости. — Я — Дракон, — и, опять, после паузы, значительно: — Огнедышащий, — наверное, для большей убедительности, выпустил сквозь зубы в сторону небольшую, метра три, струю клубящегося ярко-оранжевого пламени. Выждав ещё паузу (для аплодисментов! — усмехнулся я про себя), дракон... простите, Дракон Огнедышащий вернулся к делу: — Но я не об этом, — он осторожно, всё-таки осторожно, переступил лапами. — У тебя спрашиваю, потому что с тобой нашёл. Он не работает, всё время плачет. Я уж и собачонку ему оставил, когда улетал — нет, скулит...

— Со-со-со-ба-чё-о-онку?!! — вскричали мы с товарищем разом и с опаской оглянулись на фонарь.

Цербера за стеклом, однако, не было. Цербер был на площадке, в двух шагах от нас.

Я смотрел во все глаза на невероятнейшее создание с длиннющим телом, на непомерно коротеньких тоненьких лапках, с гигантской головой и уже описанной крокодильей пастью. На макушке каким-то образом торчали огромные уши. Кажется, ни одна собака в мире такие уши поставить торчком не сумела бы.

Несмотря на свой ужасный вид, зверюга была до слёз, до боли знакома. К ней так и просилась подпись огромными печатными буквами: САБАКА.

— САБАКА! — изумлённо прошептал я.

— Настоящая САБАКА! — смеясь, вторил мой товарищ. — Откуда?!

— Тоже мне, диво! — фыркнул Дракон. — Их рисует едва ли не каждый второй ребёнок.

В это время из фонаря донеслись прежние всхлипы и причитания. Я вздрогнул. Сабака всем телом плюхнулась на пол, горестно возвела глаза и тихонько заскулила. Мой товарищ хлопнул себя ладонью по лбу, обогнул строение и вошёл

в раскрытую дверь помещения. Вскоре он появился, ведя за руку горемычного горожанина, так незадачливо попавшего в лапы Дракона вместе со мной. Глаза его были заплаканы, и весь он дрожал, не то от холода, не то от страха.

— Разве ты не искал лучшей доли? — обратился к нему Дракон.

— Отпусти меня домой! — взмолился горожанин, заливаясь слезами.

— Он не искал лучшей доли, — объяснил я Дракону. — Он просто подошёл ко мне с вопросом, а тут ты налетел...

— Вон оно что? — пробормотал Дракон. — Ну, тогда отнесу тебя назад.

— Правда?! — горожанин мгновенно повеселел и уже смелее огляделся вокруг: не только площадку маяка, но и всё видимое пространство. От созерцания далее он, с некоторым изумлением перешёл на оглядывание меня и моего товарища.

— Значит, вы всё-таки нашли её... — прошептал он восторженно.

Мы с товарищем непонимающе переглянулись.

— Что мы нашли? — спросил я.

— Лучшую долю, — пояснил горожанин. — Оказывается, она светит всем...

Мы всё ещё не понимали.

— Что здесь особенного? — пожал крыльями Дракон. — Свой свет никогда не видим. А так... работа есть работа... — он вздохнул. — Когда-то сюда шли сами. Шли, чтобы убить Дракона. И тогда Свет разливался по всей Земле. Дракон его, якобы, пожирал...

— Как же ты жив?! — удивились мы хором.

Дракон молча снялся с перил и отлетел чуть в сторону.

— У них мечи были, — пояснил, возвращаясь на место. — Потом они просто не уходили, понимая, в чём дело. А легенды переврали, что каждый, убивший Дракона, сам становится им.

Мы все помолчали.

— А это всего лишь работа. Необходимая, нужная, но работа, — вздохнул Дракон и закончил: — А теперь вы бродите по земле в поисках какой-то лучшей доли, судьбы, истины, и

одни Небеса ведают, чего ещё. А я должен вас отлавливать по всем дорогам!

И мы все дружно расхохотались. А горожанин обхватил руками уродливую голову Сабаки, потрепал её за неуклюжие уши.

— Можно, я заберу её с собой? — спросил он.

— Можно, — кивнул Дракон. — Но там, внизу, атмосферное давление и земное притяжение просто расплющат её, и она станет обычным рисунком на асфальте или на листе бумаги.

— Тогда я лучше там нарисую её, — погладил горожанин Сабаку по голове, отчего та довольно зажмурилась. — А ты оставайся здесь и работай! — шутливо наказал он ей.

И обратился к Дракону.

— А кем она работает?

— Собакой, — вновь пожал крыльями Дракон. — Пока научатся правильно рисовать, она работает собакой.

Он опять снялся с перил и сделал медленный облёт башни, видимо, разминая крылья. И вдруг захлопал ими суматошно, суетливо, как-то неуклюже опустился на перила и, задыхаясь от непонятного волнения, беспокойно оглядываясь через плечо вниз, проговорил, скорее выдохнул:

— Идёт! Великие Небеса, сам идёт!

Мы недоумённо переглянулись. Даже Сабака осторожно подошла к краю и, поскольку глаза находились чересчур далеко от кончика носа, не видя, тщательно внюхивалась — что так всполошило её друга?

Мы по-прежнему не понимали. Как ни странно, именно горожанин догадался подойти к перилам и глянуть вниз.

— Их двое, — проговорил он. — Просто один ярче.

— Даже?! — изумился Дракон. — Великие Небеса! — казалось, сейчас он упадёт в обморок.

Мы с товарищем, наконец догадались, в чём дело, и с улыбками наблюдали за суетой и растерянностью этого, недавно величественного, существа.

— Мужики! — вдруг обратился Дракон к нам. — Вы уж меня не выдавайте!

Мы, было, подумали, что он боится: в конце концов, кто-то его убьёт, и приготовились дружно заверить, мол, будем защищать до конца. Но Дракон, опомнился:

— Впрочем... вы же здесь! И не спрячешь... А! Будь, что будет!

Дракон бережно обхватил одной лапой горожанина и в мгновение ока скрылся с ним, как растворился в пространстве.

— Даже попрощаться не дал! — тихонько засмеялся я и подошёл к перилам, где до сих пор принималась к чему-то вниз Сабака. Глянул вниз. — Однако я ничего и никого не вижу!

— Ах, вот оно что! — воскликнул мой товарищ, тоже любопытствовавший посмотреть на предмет переполоха. — Эти огни...

— "Свет сердца твоего..." — вспомнил я объяснение горожанина, как он определил во мне "мудреца". — Значит, он всё же видит его...

— А ни лестницы, ни окна, ни нас за окном он не видел... — задумчиво проговорил товарищ, усаживаясь, вытянув ноги, под стеной фонаря.

Сабака улеглась рядом с ним, примостив тяжёлую голову на его коленях.

Я обогнул фонарь и заглянул в дверь. Помещение было довольно просторно, пол его застелен циновками. Люк уходящей вниз лестницы огорожен уменьшенной копией наружной балюстрады. Откуда-то снизу, с лестницы слышались размеренные шаги уверенно и спокойно поднимающегося человека, и слабый свет озарял края люка. Второго человека слышно не было.

Я вернулся к своему товарищу. И мы все трое стали ждать.

Он был очень молод, этот Путник. Едва ли не вдвое моложе каждого из нас. И был он строг и спокоен, полон собственного достоинства и уважительной почтительности.

Юноша появился на площадке, и лишь едва заметно вздёрнутый край брови показал, что увидел не то, что ожидал. Но склонился перед нами в земном поклоне, а, выпрямившись, произнёс:

— Приветствую вас, мудрые Учителя! Я увидел Свет ваш, указующий мне Путь, и вот я здесь...

— Мы не Учителя, — жестом пригласил его присесть мой товарищ. — Мы такие же искатели и Путники, как ты и твой друг.

— Даже хуже, — иронически улыбнулся я. — Вы пришли сюда сами, нас же принесли буквально за шкуру.

— Кто же? — с улыбкой оглянулся вокруг молодой человек.

— Есть здесь один товарищ, — начал, было, я обиняками.

Но пришелец вдруг вскочил на ноги и вновь склонился в земном поклоне.

— Приветствую тебя, Смотритель сей Обители! — обратился он к подлетающему Дракону.

Тот от неожиданности точно на преграду наткнулся, вдруг затормозил в воздухе и, кувыркаясь, полетел вниз.

— Он разобьётся! — воскликнули мы хором, а Сабака подковыляла к краю площадки и жалобно заскулила.

— Ничего с ним не случится! — улыбнулся молодой человек, поглаживая Сабаку по спине. — Ведь это же мыслеформа...

— ?!!

— А вы что, забыли, что мысль материальна? — пророкотал взлетевший таки Дракон. — Сроду никто не приветствовал! — смущённо пояснил он свой акробатический номер. — А где же твой спутник? — обратился к юноше.

— Увы, он пока не может подняться сюда. Его Света не хватает, чтобы отчётливо видеть Путь. Мы встретились в дороге, и он шёл рядом. Но на лестнице каждый должен идти сам и только сам...

— Ты молод, но мудр, — с уважением обратился к юноше мой товарищ.

— Да, — кивнул Дракон, — сейчас много молодых на Пути. Но этому способствовали вы и все предшествовавшие поколения Идущих и Ищущих. Ведь именно вашим Светом руководствуются молодые.

С этими словами Дракон снялся, облетел башню и, устроившись на перилах со стороны двери, осторожно просунул в

дверь свою крупную, едва входящую в проём голову и, вытянув шею, извернулся, поглядел одним глазком в люк, вниз на лестницу.

В следующее мгновение он, едва не сдирая чешую с головы, выдернул её из двери и каким-то смешным порханием вернулся к нам, заговорщицки пророкотал:

— Идёт! Ему видны лишь две ступени — под ногами и последующая, но он идёт!

И мы все дружно облегчённо вздохнули.

Оставалось только ждать.

— Вот так идёшь, — задумчиво проговорил мой товарищ, — где-то дров нарубишь, где забор поправишь, где слово доброе вовремя скажешь. И работаешь, считай, задаром: за ковригу хлеба, за кружку молока или ночлег. Кажется: всё только для себя и делаешь — для поддержания себя в Пути, в своём поиске...

— Странно всё же, — поддержал я его, — отчего мы сами не видим этот Свет?

Зашумели крылья, заблистали высверки драконьей чешуи — он взлетел на крышу фонаря и там уютно пристроился, по-кошачьи обернув себя хвостом и шатром распростёрши крылья над нами.

— Вот Солнце, — пророкотал его глухой голос. — Для него вокруг только тьма с крошечными точечками его собственно-го отражённого света от планет...

— А где он, это маяк? — поинтересовался я.

— На Земле, — ответил Смотритель. — Но путь к нему найдёт только излучающий Свет: этим Светом он освещает себе дорогу. Так что, — встряхнул Дракон крыльями, и всех нас обдало прохладным ветром, — не правы вы все. Свет сердца вашего и вам светит. Главное, понять это надо.

И какое-то время на площадке царила тишина. Только издалека-снизу доносились редкие, будто капли влаги, падающие со сталактита в гулкую тишину пещеры, с длительными остановками, шаги идущего практически в полной тьме нашего неведомого товарища. И помочь мы ему не могли. Он только помнил, что здесь, наверху — Свет, что сюда, впереди него

поднялся его спутник. Если же кто-то из нас сейчас появится в проёме люка, он, если ещё очень далеко, может отступить, ужаснувшись расстоянию; а если близко — может расслабиться и оступиться. Нет, на этой лестнице помощи оказать никто не сможет. Сам и только сам, как заметил наш юный, но мудрый друг.

Он, кстати, не сидел, размышляя, а тихо прохаживался по площадке, бросая взгляды то на видимую округу, то на Дракона, мирно дремавшего на крыше фонаря, шипастым кончиком хвоста прикрыв глаза. Отчего казалось, что из-под этого прикрытия он тихонечко за нами наблюдает.

— А дальше-то что? — спросил я нарочито безразличным тоном.

Дракон отозвался тут же:

— Что, что... крылья отрастите! — так же нарочито проворчал он.

Мы, смеясь, подняли к нему лица и оборвали смех. Там, вверху, в непомерно дальней дали, сиял, лучился не мигая, ровный и яркий Свет. И сердца наши устремились, потянулись к нему, зовущему, ждущему...

Но... Путь... Мы не видели Пути...

Зато мы знали — Знали, как этот Путь открыть.

... И встал наш самый юный друг. И сделал шаг вверх, поднимаясь на невидимую нам ступень. И сделал следующий шаг, и следующий... и вот он уже выше и дальше перил ограждения... Он, наверное, как и его спутник внизу, тоже видел пока не более двух ступеней, но Путь уже был открыт ему, и мы знали теперь, что трудом своим, работой сердца своего и мысли своей тоже со временем откроем для себя первую и последующие ступени к тому, высшему, ждущему Свету, который кто-то, шедший впереди, посылает для нас, как мы посылаем сейчас для идущих первые свои шаги на Пути.

Юноша удалялся. Он не оглядывался. Но он помнил об оставшихся, и ступени, пройденные им, виделись ещё долгое время, напоминая и показывая: Путь открывается Идущим.

КРЫМСКИЕ ИСТОРИИ

ВЕПРИНЦЕВА ЕЛИЗАВЕТА

Тульская обл., г. Липки.

Много лет назад

Мир всегда прекрасен. Особенно если он в твоих руках.

Мне было 12 или 14.

И этот Крым был уже моим. Было и первое знакомство с морем, красивым вечером, на закате, когда волны, как послушные псы, ложились у ног. Был виноград, янтарными гроздьями свисающий с узловатых веток. Были пушистые персики, усеянные муравьями, с запёкшейся золотой смолой возле самого черенка. А ещё были камни, цветные стёклышки, терпкий запах можжевельника и солоноватый вкус морской воды, долгие разговоры по пути на море и обратно домой, запах дешёвых сигарет и вкуснейший борщ с острым чёрным перцем. Весёлая песня цикад и звёзды с кулак на сапфирово-чёрном небе. Блики солнца на гребешках волн и шум прибоя в ракушке рапана, чайки и огромные ягоды тутовника, собранные в пластиковый стаканчик. Это всё уже было моим.

Моё село Веселое, спрятавшееся в уютной глубине гор, козье молоко по утрам, запах лимонной полыни.

Дорога до моря....

Горы, словно древнегреческие титаны, держат на своих плечах густые облака.

Виноградники, манящие гроздьями спелого сладкого винограда. Дикие клематисы, из которых, при желании, выходили роскошные букеты.

Прозрачная морская вода, ласковая, как руки матери.

Я впервые покоряла горы.

Была совсем нелётная погода: низкие серые тучи, змейки-молнии. Купаться было холодно, в горы идти — небезопасно, но... кто не рискует...

Два отчаянных путника, взбирающихся почти по отвесной скале. Чуть не туда шагнёшь — мелкие камни начинают ускользать из-под ног и норовят утянуть тебя за собой. Ветер, словно нарочно, налетает, пытается прогнать.

Зато дух действительно захватывает: чем выше в горы, тем чище воздух, тем дальше горизонт, который, кажется, сливается с морской гладью. Безграничное небо, безграничное море.

Это были дикие ощущения: страх, изумление, восхищение, радость. Три, пять, десять минут осторожности, упрямства, чуткости, ловкости. А потом — награда!

Маленький пятачок вершины, тренога, обозначающая высоту, три куста можжевельника. И небо, прозрачное небо с одной стороны, и гроза, надвигающаяся с другой. Стоя на краю пятачка, хотелось стать птицей, чтобы вот так оторваться от горячих камней и полететь над зелеными вершинами, над синевой воды, над облаками....

Если на море, ты знаешь — в мои горы.
Деньги на ветер пускать, забывать ссоры.
Я изменяюсь весной и теряюсь летом,
Горы статичны всегда. Как закат с рассветом.
Если бежать куда, то ты знаешь — море.
Чёрное-чёрное дно. Извини, соггу.
соль на губах моих. Виноград кистью.
Просто бежать по песку (горячо!) рысью.
Если взлететь куда, то ты знаешь — солнце.
Лижет стекло окна, а потом жжётся.
А над поверхностью рек блики рисует.
Кто под зонтом сидит, тот ничем не рискует.
Если куда ... куда... бы сбежать отсюда
То лишь туда, где точно случится чудо.
Вряд ли укажут путь все твои приборы.
Если бежать куда, то конечно — в горы!

И...

Вечер... Шум прибоя... Красное вино на стенках бокала... Сизый туман над пиками гор... Лимонный запах полыни... Мы оставили на треноге свою ленточку среди сотен других. И мы вряд ли покорители, но уж точно — прикоснувшиеся. И это здорово!

Ялта

Мне не понравилось Ласточкино гнездо. Но Ялта — это совсем другое...

Подъём по канатной дороге над Ялтой. Время почти девять вечера. Для Крыма — это уже поздно. Не темень, но густые черничные сумерки. Солнце возле моря садится медленно, погружая в воду сначала один бок, потом другой. Рисуетя перед благодарным зрителем.

Волшебные облака. словно пирожные из взбитых сливок, они висят над вершинами гор, настолько близкие и осязаемые, что руки так и тянутся вверх — коснуться эфемерного белого тела этих небесных созданий.

Кабинка канатной дороги маленькая, с железными сидениями и открывающимися на ходу дверями. Она шатается от малейшего движения, и тогда сердце замирает от какого-то детского восторга.

Море ленивое, как домашний кот, который, отлежав бока, неспешно тянет спинку. Пенная кромка целует песочно-каменистый берег и отступает, чтобы через мгновение вновь нежно коснуться любимых губ. Из года в год, почти каждую минуту. Вечная любовь.

Внутри как будто прожектор. Света так много, что он выплескивается наружу казалось бы бессмысленными фразами, широкой улыбкой, искрами в глазах.

Так тяжело объяснить, что тут, в этой маленькой железной кабинке, ты вдруг соприкоснулся с чем-то удивительно живым. Это воздух, ветер, облака, море!

В крови ещё остались отголоски высокогорного вина, а перед глазами до сих пор — зелёное море леса, в которое так хочется сорваться с острия скалы, чтобы лететь, лететь, лететь....

Я впервые завидовала птицам.

На губах ещё остался привкус облаков.

Почувствовать себя богом и коснуться рукой молочного тумана, вдохнуть сырой, упоительный запах.

Высунуть кончик языка и шаловливо попробовать облако на вкус. И смотреть, смотреть вниз на изумрудный склон, облаченный в ели и сосны.

Смотреть и растворяться в этой зелени, в звуках, запахах, купаться в рассеянных лучах солнца.

Есть великая песня, отражающая смысл нашей жизни после:

"Какая в сущности смешная вышла жизнь,
Хотя, что может быть красивее,
Чем сидеть на облаке и свесив ножки вниз,
Друг друга называть по имени"...

Мне почему-то подумалось, что именно на таком же вот облаке, где-нибудь в окрестностях Ай-Петри я и буду сидеть "после". И это будет очень хорошо!

А сейчас...

"Небо, море, облака.
Здравствуй, небо, море, облака"

И совершенно всё равно, что будет потом.
Сейчас!

Счастье сиюминутно, ощущение жизни бесценно, гармония с миром — мгновенна, и только "небо, море и облака" — вечно.

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

СОСТАВОВА ЕЛЕНА

Нижневартовск

(конкурсант)

— Да не бойся, я сто раз так делал! Если что, я тебя поймаю — говорил преисполненный энтузиазма Славик.

Катя с сомнением смотрела на двухметровый бетонный забор, который уходил торцом в море. Чтобы оказаться на той стороне, необходимо было обойти стену шириной в метр по тонкому двухсантиметровому выступу. Казалось бы, ничего страшного, сорвёшься, просто упадёшь в воду, но внизу были камни, о которые Кате очень бы не хотелось удариться головой, тем более в свадебном путешествии. Слава легко преодолел препятствие и теперь протягивал ей руку.

Катя судорожно вдохнула, обхватила забор руками, прижалась к нему всем телом и, поднявшись на носочки, шагнула на узкий выступ.

— Куда ты меня притащил? — причитала она. — Зачем я на это согласилась? Я никогда больше сюда не приду, слышишь? Никогда!

— Давай давай! — смеялся Славик. — Ты мне ещё спасибо скажешь.

Катя совсем не этого ожидала от поездки к морю. Ей представлялся песчаный пляж, она, лёжа в шезлонге, потягивает коктейль и мечтательно смотрит в бирюзовую даль. Вокруг цивилизация, чистота и комфорт, всё как на картинках в любимых глянцевых журналах. А что в итоге? Они пытаются проникнуть на закрытую территорию какого-то завода. Всё почему? Потому что Славик сказал, что там классно. Что она никогда не пожалеет если они там побывают. Что он постоянно купался там в детстве.

Я не Джеймс Бонд, ныла про себя Катя. Я хочу в отель, где всё включено. Я хочу в бассейн или на яхту. Хочу шампанского и чтобы вокруг росли пальмы.

Когда она пошатнулась, Слава схватил её за руку выше локтя и втащил на Полигон.

Катиному взору открылась картина в жанре постапокалипсис. На берегу громоздились камни. За ними стояла спецтехника, экскаваторы, подъёмный кран и груды непонятных железобетонных конструкций. Позже Слава объяснил, что здесь изготавливают тетраподы и буны, которыми укрепляют побережье, чтобы его не разбило волнами во время шторма. Но сейчас завод временно бездействовал. Никого не было, вокруг стояла тишина. Не было назойливых продавцов, громко предлагающих копчёную рыбу и варёную кукурузу. Не было шумных детей, и пенсионеров, которые своей гиперзаботой утомляли не только внуков, но и окружающих. Не было суеты, присущей городским пляжам. Море принадлежало им двоим, оно дарило успокоение — и в этот миг Катя поняла, почему Слава так настойчиво звал её именно сюда.

У берега небольшой бухты, где располагался завод, тоже стояли буны — гигантские кубы, верхняя часть которых возвышалась над водой. Пара забралась на одну из них, расстелила полотенца, сбросила шорты и футболки. С трёх сторон буну окружала фантастически прозрачная вода, Катя отчётливо видела дно, и ей не верилось, что глубина здесь достигает нескольких метров. С одной стороны до горизонта раскинулось море, с другой над побережьем до самого неба возвышались горы. Они стояли так близко и казались подавляюще большими.

Слава каждые пять минут спрашивал, нравится ли здесь Кате? Она автоматически отвечала что да конечно нравится, но больше не находила слов чтобы описать свои чувства. Потрясающая крымская природа окружила девушку со всех сторон, её было очень много, она была повсюду. Не так-то просто, оказавшись впервые в эпицентре такой красоты делиться впечатлениями. Хотелось наслаждаться молча.

Весь день молодые люди купались, прыгали с буны, взявшись за руки, загорали на её горячей поверхности, обнимались, целовались, любовались горой Кошкой, её изогнутой спинкой, наострѣнным ушком, мордочкой обращѣнной к морю. Было удивительно, что природа придала ландшафту форму грациозного зверя.

Горы... Из них состоит практически весь южный берег Крыма. Здесь всё время нужно либо спускаться с очень крутых склонов, либо карабкаться вверх. Городские улицы и площади порой так накрены, что кажется, если оступишься, то будешь без остановки катиться вниз пару километров до самого моря. Дороги местами проложены практически вертикально, Катя всё время удивлялась, как по ним могут ездить машины? А ещё как местные пенсионеры живут в подобных условиях? Её, молодую и здоровую двадцатиминутный подъѣм выматывает напрочь. А люди так живут всю жизнь!

Ежевечерний путь от пляжа до дома был для Кати подобен покорению Эвереста. Местами Слава брал её за руку и тянул за собой как на буксире. Мышцы, не привыкшие к таким нагрузкам, в первые дни постоянно болели. Катя пытела, потела и казалась себе со стороны совершенно некрасивой. И вот когда молодожёны, преодолев все препятствия, подходили к подъезду, здесь их ожидал апофеоз мучений — подъѣм на пятый этаж. При этом Славик любил вспоминать, что дом старый, а по прежним стандартам в каждом пролѣте больше на одну ступеньку, чем у современных лестниц. В эти моменты Кате очень хотелось стукнуть горячо любимого мужа чем-нибудь тяжѣлым.

По вечерам, приходя домой, она угрюмо размышляла о том, что больше никогда не приедет в Крым. Отдыхать нужно с комфортом убеждала она себя во время внутренних монологов. Это невыносимо — думала Катя, засыпая. Но каждое утро мрачные мысли куда-то улетучивались. Едва проснувшись, свежая и отдохнувшая, она в первую очередь распаивала окно и любовалась горами, а затем бежала в другой ко-

нец квартиры, где с лоджии открывался великолепный вид на море. И ей уже хотелось скорее спуститься на побережье, а мир вокруг был светел и прекрасен.

— Давай давай. Я сто раз сюда поднимался! Высокий длинноногий Славик легко шагал по валунам, будто родился и вырос в горах, а не в городской цивилизации. Миниатюрная Катя продвигалась меж нагромождённых камней значительно медленнее. Впрочем, нужно учесть, что каждое лето в детстве Слава проводил в Крыму у бабушки с дедушкой, а вот его жена никогда здесь не бывала и привыкла ходить по ровным дорогам и тротуарам. К тому же выяснилось, что её лёгкие, мягкие "кроксы" в которых было так удобно ходить, на камнях очень неустойчивы, всё время скользят и норовят свалиться с ног. Периодически Славик возвращался, протягивал Кате руку, помогал ей подняться на какой-нибудь обломок скалы, а потом опять устремлялся вперёд. Ему не терпелось оказаться наверху.

Кате больше нравилось гулять по Воронцовскому парку. Они бродили под гигантскими платанами, пробовали вина в дегустационном зале массандровского завода, любовались экзотическими растениями, кормили зеленью лебедей в озёрах пока не вышли к Большому хаосу. Такого Катя точно никогда не видела. Грандиозный каскад из каменных глыб был создан самой природой. Осколки застывшей магмы обрушившейся в результате землетрясений и оползней поражали воображение. На их фоне туристы, которые охотно здесь фотографировались, выглядели маленькими и беспомощными.

Слава воодушевлённо бросился знакомить любимую с одной из самых удивительных достопримечательностей Воронцовского парка. Через пять минут Катя почувствовала себя скалолазом. Сперва Слава предложил спуститься на дно хаоса. Катя, у которой от хождения по огромным камням дрожали колени, выразительно взглянула на мужа, и он полез туда один.

— Ну, как? — крикнула она, с опаской придвигаясь к краю глыбы, на которой стояла.

— Отлично! — радостно отозвался Славик, глядя на жену снизу вверх. — Только очень холодно. (Это при тридцатипятиградусной жаре!) — Зря ты не пошла!

Тут Катя не выдержала и озвучила, куда в данном случае следует идти ему самому.

Когда Слава поднялся, они отправились на вершину хаоса. Карабкаясь по огромным валунам, Катя простилась с маникюром и снова возненавидела Крым, а также свой медовый месяц. Муж в это время ударился в воспоминания и рассказывал, как они в детстве с братом здесь играли в партизан, в какие уголки хаоса забирались, как рисковали, и как это было весело и увлекательно. Катя, которая выросла, читая книги, и путешествовала по подобным местам только мысленно, слушала молча, размышляя о том, когда же это всё кончится? Больше всего на свете ей сейчас хотелось сидеть в кафе, слушать Стинга и пить ледяной «Мохито».

Когда они, наконец, достигли вершины, Катя поняла, что преодолела этот путь не только во имя любви. В награду перед молодожёнами открылась изумительная по красоте панорама. Отсюда был виден весь город, пышные кроны деревьев Воронцовского парка, море и, конечно, самая высокая гора Крыма, Ай-Петри. Сидеть здесь, обнявшись под старыми со снами, на закате, было изумительно.

«А он у меня, оказывается, романтик, — подумала Катя, поглядывая на мужа. Хотя так вроде и не скажешь. Он, наверное, сам об этом не догадывается».

Катя улыбнулась.

Последние прогулочные катера шли по морю в сторону Ялты. Деревья в свете заходящего солнца отбрасывали причудливые тени. Где-то далеко внизу в кафе звучал Стинг. Пора было возвращаться домой, но уходить не хотелось. Впереди их ждал долгий извилистый путь через весь город, то вниз, то вверх по узким улочкам, и заброшенным тропинкам, а под конец "любимый" пятый этаж и несколько лестничных пролётов, в которых было на одну ступеньку больше обычного.

— Может, не поедем? — Катя пыталась унять внутреннюю дрожь и с опаской поглядывала на вершину Ай-Петри. Кабинки канатной дороги на фоне огромной горы казались крохотными и ненадёжными.

— Не переживай, я сто раз тут поднимался! — улыбаясь, сказал Слава, обнял жену и повёл на станцию покупать билеты.

Когда муж так говорил, Катя всегда сомневалась, а в итоге оказывалась довольной результатом их очередной авантюры. Но недавно местные друзья рассказали, что пару лет назад на канатной дороге произошла авария. Две кабинки застряли, одна на высоте пятидесяти метров, а другая ста метрами выше. Люди были успешно эвакуированы, но они провели в подвешенных кабинках несколько часов. Катя боялась представить, что им пришлось пережить, и не хотела оказаться на их месте.

Несмотря на чрезвычайное происшествие, желающих подняться по канатной дороге было хоть отбавляй. Как только из кабинки вышли прибывшие в ней пассажиры, народ толкаясь, хлынул внутрь. Все спешили занять место у окна.

Когда кабинка наполнилась, контролёр закрыл дверь, и она мягко поехала вверх. Катя, держась за поручень, любовалась пейзажем. Внизу проплывали кроны сказочно красивого леса. Говорили, будто там в советские времена снимали некоторые сцены из фильма "Буратино".

Спустя несколько минут кабинка сделала остановку на станции "Сосновый бор". Катя поймала себя на мысли, что ей совсем не страшно.

Вторая часть пути оказалась не столь безмятежной. Дорога пошла круто вверх. А когда кабинка подъехала к Ай-Петри, то задержалась на пару секунд и вдруг резко качнулась вниз. Все ахнули. На секунду Кате показалось, будто они падают, но Слава объяснил, что так происходит каждый раз, поэтому бояться нечего. Когда Катя ступила на твёрдую землю, то была безумно счастлива.

Перед туристами раскинулся целый торговый городок. Чего здесь только не предлагали: жилеты из натуральной ов-

чины, покрывала, восточные туфли, расшитые узорами, различные сувениры, фрукты и сладости. На каждом шагу владельцы кафе приглашали к себе и убеждали, что именно у них подают самые вкусные в Крыму шашлык, плов и лагман.

За рынком на плато паслись кони. Катя полюбовалась ими и сказала что на вершине Ай-Петри очень красиво. И тут Слава сообщил, что это ещё не вершина. На вершину нужно подниматься пешком и довольно далеко.

— Началось! — вздохнула Катя.

Слава взял её за руку и повел вверх. Сперва они шли через лес по довольно крутым тропинкам. По дороге им встречались причудливо изогнутые старые деревья, приходилось всё время обходить валуны и камни. Подъём был довольно тяжёлым. Затем лес закончился. Путь продолжился по открытой каменистой местности.

Где-то высоко над собой Катя видела ограждение, на котором было повязано множество ярких ленточек. Слава объяснил, что туристы оставляют их на память.

Когда они наконец поднялись на вершину, у Кати перехватило дыхание. Погода стояла ясная и вся Большая Ялта, а это несколько городов, расположенных вдоль побережья, была видна как на ладони!

— Смотри, вон наш дом! — Слава протянул руку вправо и Катя увидела пятиэтажку, утопающую в пышной зелени. Она вспомнила, какими недостижимыми кажутся зубцы Ай-Петри с земли и не могла поверить, что сейчас находится в самой высокой точке Крыма.

Некоторые бесстрашные туристы, чтобы сфотографироваться, выходили за пределы ограды, становились на край пропасти и принимали эффектные позы. Катя закрывала глаза, ей казалось, что сейчас кто-нибудь из этих безумцев оступится и улетит вниз.

Она никогда в жизни не поднималась на такую высоту, её охватило смешанное чувство страха и восторга.

Внизу над горно-лесным заповедником проплывали ярко-жёлтые вагончики канатной дороги. На синей морской

глади белели яхты и прогулочные катера. Далеко у самого горизонта в сторону Севастополя плыла баржа. С высоты птичьего полёта Южный берег Крыма представлялся сказочной землёй, тёплой, гостеприимной и прекрасной.

Слава предложил спуститься к станции и продолжить любоваться панорамой, сидя в кафе.

Там нашлось местечко, по экстриму не уступающее вершине Ай-Петри. Деревянный столик под соснами стоял на самом краю обрыва. От бездны его отделяла хрупкая алюминиевая сетка. Катю не отпускало чувство близкой опасности и счастья. Место было необычным, и заказать хотелось тоже что-то экзотическое.

— Я буду плов и салат из морепродуктов! — заявила она, изучая меню. — Мы всё-таки на побережье, к тому же я всегда мечтала попробовать осьминогов!

Слава смотрел на неё с недоверием.

— Я понимаю, что это что это не борщ, — продолжала Катя, — но можно поэкспериментировать. Между прочим, устрицы были раньше едой бедных рыбаков, а потом стали деликатесом.

Она рассуждала об осьминогах до тех пор, пока перед ней не поставили тарелку с салатом. Осьминоги там и правда были, маленькие и разноцветные. Присутствовали также мидии, рапаны и какие-то неизведанные существа.

Катя долго ковыряла вилкой блюдо и не решалась попробовать. Наконец она собралась с духом и отправила порцию осьминогов в рот. Глаза её широко распахнулись. Фиолетовые оказались мягкими, студёнистыми, и отвратительными. Белые — жёсткими, скользкими и странными по ощущениям.

— Ммм! — выразительно покачала головой Катя, хрустя белым осьминогом. — Вкусно! — сказала она, хотя это было совершенно не так. Признаться в том, что салат оказался "ужасным", почему-то не хотелось.

Она положила вилку и сделала вид, что любит пейзаж. Ей было уже ясно, доедать это она не будет. К счастью, Слава не смеялся и не подначивал, он деликатно предложил перейти к плову. Порции были огромными, плов невероятно

вкусным, настроение отличным. Поэтому, когда принесли счёт, они не сразу поняли, что не рассчитали с финансами.

Официант забрал деньги и исчез, а молодожёны обнаружили — на канатную дорогу им не хватает тридцать рублей. Возвращать столь ничтожную сдачу в ресторане не сочли нужным, наверное, решили: это чаевые. Однако без этих денег билеты в обратный путь им ни за что бы не продали.

— Слава, пешком я домой не пойду! — простонала Катя. Во-первых, она знала, что спускаться в Крыму ничуть не легче, чем подниматься, во-вторых, ночью здесь невероятно темно. — К тому же мы придём домой только к утру! Спать в кустах тоже не вариант, после захода солнца в горах холодно.

Слава был озадачен. Он ёрзал на ресторанной скамейке и тоскливо смотрел вниз. Земля была очень далеко, идти просить несчастные тридцать рублей не хотелось. Ночевать на Ай-Петри не хотелось тоже.

Одним словом, им всё-таки пришлось отыскать официанта, и под его изумлённым взглядом пережить пять минут позора, объясняя ситуацию. Получив заветную сдачу, они, наконец, спустились по канатной дороге в Мисхор.

На плато ещё светило солнце, а внизу уже наступили сумерки, солнце спряталось за горы. На маршрутку денег не было. Слава взял жену за руку.

— Да да, я знаю, ты сто раз ходил отсюда пешком — улыбнулась Катя, обнимая Славика.

Они понимали, что идти им придётся долго, через погружённый во тьму Воронцовский парк, а потом через весь город, по извилистой дороге, то взбираясь вверх, то спускаясь. А когда они совсем устанут, в самом конце пути им придётся опять подниматься на злополучный пятый этаж. Но когда вы влюблены, вокруг море и горы, а впереди много тёплых, летних дней, наполненных счастьем, это не важно.

К тому же Катя уже знала: в следующем году они снова приедут отдыхать в Крым, поэтому пора привыкать к нестандартным лестничным пролётам, в которых на одну ступеньку больше обычного.

ЛЕГЕНДА О БЛАГОРОДНОМ КРЫМЕ

ГУК НАТАЛЬЯ
Симферополь.
(конкурсантка)

Двенадцать миллионов лет назад из пучин огромного древнего океана Тетис поднялся удивительный полуостров. Словно великан проснулся от долгой спячки, выпрямился, опираясь на материк одной рукой. Поднял взгляд к небу и окунулся в бездну Вселенной...

Испугался Крым, — привык жить на дне, зная каждый уголок и всех подводных жителей, а увидев столько неизведанного, решил вернуться обратно.

Но тут услышал, как удивлённые чайки, паря над землёй, кричали:

— Останься! Останься!

Дельфины, радостно выпрыгивая из воды, улыбались, стрекотали:

— Здравствуй, малыш! Приветствуем тебя!

Древние люди, бегая по Большой Земле, восклицали:

— Смотрите и удивляйтесь! Новая земля!

Всё и все радовались появлению нового чуда! Решил Крым погостить на поверхности, узнать жизнь вне воды, а то и пустить корни на земле на благо всех нуждающихся в нём. Оглянулся он вокруг, увидел солнце, небо, облака, дарящие воду, и чудесную страну под ними, сотворённую богами. Ласковое солнце согревало его лучами. Нежась в этих лучах, рассматривал он с высоты гор, как волны лазурного моря на горизонте плавно переливаются в радужное небо. Любовался он багровым закатом и малиновым рассветом.

Для великана всё было истинным открытием! Горы устремлялись ввысь. Шумные водопады превращались в

реки, а иногда успокаивались тихими озёрами. Расцветали кизил, боярышник, земляничник, дикие груши и яблоньки. В небо тянулись изящные липы и шумливые тополя, на дубах дружно шелестела молодая резная листва, сосны щекотали облака пушистыми ветвями, испуская аромат хвои. Землю под теснящимися на склонах гор деревьями сплошным ковром устелил сказочный папоротник, а грибы и ягоды утоляли голод птиц и лесного зверья. Гордые павлины покачивали хвостами-веерами, создавая прохладу в знойные дни.

Люди радовались новой земле. И стали они осваивать её просторы. Выращивали сады, строили жильё. Благодаря их труду вырос на берегу моря великолепный город из белого мрамора. Колонны и статуи богов украшали его. Единственная беда всех живущих на этой земле — не хватало воды. Они делились друг с другом последними каплями.

Увеличивался род, а воды не прибавлялось.

Тогда люди выбрали самого сильного, храброго и мужественного юношу и отправили его в глубины неба — к созвездию Водолея. Горько заплакали мать и девушка, но отпустили родного и любимого — на благо жизни на полуострове. Сел юноша на крылатого коня Пегаса и помчался к звёздам. Добрался до Водолея и попросил воду для жителей Крыма.

— Хорошо, исполню твою просьбу, — ответил хозяин созвездия, — но только в обмен на услугу. Один я. Есть единственная девушка, которая может быть рядом со мной. Зовут её Благородная.

Понял юноша, кто эта девушка.

— Эта девушка моя невеста, — набрался храбрости и сказал он. — Но есть свободные девушки и с более красивыми именами — такими, как Добрая, Отзывчивая, Бескорыстная, Родная, Любимая...

— Мне нужна Благородная, — настаивал Водолей.

И ответил юноша:

— Прости, Владелец Вод. Не могу я принудить Благородную стать твоей без ее согласия. Но если она пойдёт на это

— я подчинюсь, потому что благо любимого народа мне дороже всего.

Отпустил Водолей юношу спросить согласия Благородной. Услышала девушка, что от нее зависит жизнь на полуострове, и хоть сердце ее разрывалось от горя, без колебаний согласилась пожертвовать своей любовью. Явились они к Водолею уже вместе, и склонилась перед ним девушка. Увидел это Водолей — и трижды брызнул из своего золотого кувшина, и на полуострове зажурчала вода, появились новые водопады, реки, озёра.

— Спасибо, юноша, за твою храбрость, за твоё мужество. И тебе, красавица, за доброе твоё сердце. И пусть Благородная и другие девушки живут на земле. А за то, что согласились вы пожертвовать своей любовью, дарю вам воду не простую, а целебную. Все, кто её выпьет, будут здоровы и счастливы.

С тех пор много воды утекло, но до наших дней дошла легенда о мужественном юноше и благородной девушке. Из века в век люди пересказывают эту историю, которая стала легендой о благородном Крыме.

А Водолей до сих пор один властвует в своём созвездии, светит и льёт на землю целебную воду.

Помнит эту историю и наш великан — полуостров Крым! Радует он, что стольким живым существам прибежище дал. Одаривает богатствами, обильными урожаями и тёплой погодой. Хмурится великан, когда на крымской земле вражда бушует, и наказывает, насылая засуху, землетрясения и пожары. Сравнивает он себя и человека. Во многом они схожи. Совсем немного нужно тепла, доброты, трудолюбия, чтобы жить и радоваться жизни на этой земле — под куполом звёздного неба.

С трёх сторон ласкает берега нашего полуострова Чёрное море, а с четвёртой стороны — Азовское, и только тонкий Перекопский перешеек, словно дружеская рука, объединяет Крым с Большой Землёй.

ОТ РЕДАКТОРА:

КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Конкурс, объявленный "МК" совместно с писательскими организациями Крыма и литературными объединениями, поддержанный Министерством внутренней политики, информации и связи Республики Крым, привлёк немало молодых авторов из Крыма, многих городов "континентальной" России (Брянск, Владивосток, Нижневартовск, Сочи, Магнитогорск и, разумеется, обе столицы), а также Украины и Белоруссии.

Как и ожидали организаторы конкурса, произведения "размахнулись" на добрый десяток жанров и жанровых разновидностей, от лирических зарисовок к литературным анекдотам, от исторической прозы (и исторического же фэнтези) к суровому стимпанку, от краеведческого очерка к триллеру с апокалипсическими мотивами. Рождественская сказка соседствовала с жестким психологизмом (да ещё с ощутимым влиянием Х. Кортасара), научная фантастика, причём в сатирическом ключе — с изящной поэтической зарисовкой. Поступили на конкурс и стихи, но при всем расширительном толковании понятия "авантюрный жанр", принятом организаторами конкурса и жюри, они не были рекомендованы к публикации в итоговом сборнике. В утешение авторам (оба, кстати, - из Евпатории) можно сказать, что вопрос не в качестве стихотворений - они вполне "на уровне", и уж тем более не в том, что "авантюра" и версификация несовместны (возможно, ведь изложение приключения тела ли, духа ли именно таким образом), — а в отсутствии чёткой привязки к Крыму. См. наименование и условия конкурса.

Что же касается собственно приключений, то тексты "конкурсантов" дают не дихотомию, а более дробное деление. Даже из исторических приключений, вовсе не светлых и не радостных, что вполне соответствует непростой, чтобы не сказать трагической, крымской истории, можно выделить рассказы-реконструкции реальных событий ("Морские врата Таврики" Р. Абакумова, "Кровь Тавриды" И. Белова). Открыто фантастический допуск как дополнение известных легенд или преданий ("Легенда Чуфут-Кале" Ю. Шестеркиной), остросюжетную научную фантастику, "опрокидывающуюся" в будущее ("Родина давления" Ю. Иванова). Собственно историю полуострова как приключение

("Легенда о благородном Крыме" Н. Гук) и, наконец, литературно весьма привлекательный "личный дневник" вымышленного и как-то всё же очень типичного героя времен Крымской войны в весьма удачной "рефракции" детства ("Длинный-предлинный" Николая Столицына). С удовольствием надо отметить, что автор крымчанин, из Евпатории, и что жюри единодушно назвало его победителем конкурса.

То же самое происходит и с "современностью".

Забавный литературный анекдот, строго "по теме" ("Клад" Н. Абакумцевой) успешно соседствует с интересной игрой на грани реальности, мистики и фантастики ("Последнее приключение Ульриха" Аси Горяиновой, "Мой крымский детектив" Д. Скворцовой, "Тринадцатый километр" Д. Ворониной), научной фантастикой ("Атомный ворон" М. Свиридова), рассказами и эссе из области психологии, достаточно рискованными в смысле исполнения ("Море Эльзы" А. Армеева), а также "сегодняшними", но не слишком "крымскими" ("Муравьи" В. Пятака).

Есть и попытка заглянуть в ближайшее будущее ("Путь к жизни" М. Роуза), — жаль только, что подсмотренное, то есть нафантазированное при посещении знаменитой базы подлодок в Балаклаве очень уж мрачно и, пожалуй, гротескно, да и литературно к шедеврам эсхатологии не принадлежит.

В нескольких работах приключения как такового не слишком много. Эти рассказы и очерки скорее представляют собой попытку поделиться впечатлениями о каких-то замечательных местах Крыма ("Пятый этаж" Е. Составовой, "Крымские истории" Е. Вепринцевой) и навеянных ими размышлениями-видениями (вне конкурса, Т. Левченко "Маяк с драконом") — всё это вне лауреатства, но внесёт приятные нотки в итоговый сборник.

А в числе лауреатов, помимо упомянутого выше Н. Столицына, жюри назвало: Дарью Скворцову, Юрия Иванова, Нину Абакумцеву и Асю Горяинову.

Все они были отмечены подходящими статусу дипломами и грамотами, и о том, что стали лауреатами, есть соответствующие строки в главной награде — итоговом сборнике.

Для многих из авторов — первой серьёзной публикацией, и, надеемся, первым но далеко не последним корешком на "личной" писательской полке.

Где, надеемся также, всегда найдётся место для книг и о нашей удивительной "стране без границ" — о Крыме.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

САВИНОВ СЕРГЕЙ. ПРОРЫВ В ГЕНИИ	6
ИВАНОВ ЮРИЙ. РОДИНА ДАВЛЕНИЯ	16
СВИРИДОВ МИХАИЛ. АТОМНЫЙ ВОРОН	22

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧЁРНАЯ ВАРВАРА. "ЛЮСИ В НЕБЕСАХ, С БРИЛЬЯНТАМИ..."	47
ГОРЯИНОВА АСЯ. "ПОСЛЕДНЕЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ УЛЬРИХА"	57
ШЕСТЁРКИНА ЮЛИЯ. "ЛЕГЕНДА ЧУФУТ-КАЛЕ"	78
СВИТЦОВ НИКОЛАЙ. С ТОЙ СТОРОНЫ... ..	92

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГАЕВСКИЙ ВАЛЕРИЙ. "ПТИЦА ПО ИМЕНИ..."	95
ВОРОНИНА ДАРЬЯ. "13 КИЛОМЕТР"	110
ЛЬВОВСКИ МАЙКЛ. КОНДРАТИЙ ВЕЗДЕХОД-ВЕЗДЕБЕГОВИЧ... ..	117
МИТИНА ЕЛЕНА. "ПОД ЗАВАЛОМ"	123
ШЕВЧУК НИНА. "КЛАД"	132

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДЕМЧЕНКО ВЯЧЕСЛАВ. "МНЕ СКУЧНО, БЕС..."	138
СТОЛИЦЫН НИКОЛАЙ. "ДЛИННЫЙ ПРЕДЛИННЫЙ"	158
СКВОРЦОВА ДАРЬЯ. "МОЙ КРЫМСКИЙ ДЕТЕКТИВ"	168
АРМЕЕВ АНТОН. "МОРЕ ЭЛЬЗЫ"	183

ГЛАВА ПЯТАЯ

БЕЛОВ ИВАН. "КРОВЬ ТАВРИДЫ"	192
АБАКУМОВ РОМАН. "МОРСКИЕ ВРАТА ТАВРИКИ"	209

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЛЕВЧЕНКО ТАТЬЯНА. МАЯК С ДРАКОНОМ.....	220
ВЕПРИНЦЕВА ЕЛИЗАВЕТА. КРЫМСКИЕ ИСТОРИИ	236
СОСТАВОВА ЕЛЕНА. ПЯТЫЙ ЭТАЖ.....	240
ГУК НАТАЛЬЯ. ЛЕГЕНДА О БЛАГОРОДНОМ КРЫМЕ	249
ОТ РЕДАКТОРА:.....	252

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

КРЫМСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

СБОРНИК

Ответственный за выпуск редактор Ю. Волынский.

Корректор В. Чернецова.

Верстка и дизайн ТПО «Вариант».

Подписано в печать 10.03.2016 г. Формат 60х84 1/16.

Гарнитура Таймс. Усл.-печ.л. 16. Печать офсетная.

Заказ №0186. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика

в ГУП РК «Издательство и типография «Таврида»,
295000, РК, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44

E-mail: tavrida.gup@mail.ru